

**ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ****ЕВРАЗИЙСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ЖУРНАЛ****НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
№ 1, 2024**

Издается с 2017 г. Периодичность: с 2018 года 4 номера в год. Индексируется в РИНЦ.

Настоящий научный журнал представляет материалы, освещающие актуальные вопросы общего языкознания, переводоведения, социо- и психолингвистики, функциональной грамматики, когнитивной лингвистики, дискурсологии, русской литературы, литературы народов РФ, зарубежной литературы, лингводидактики, педагогики. Материалы предназначены для широкого круга специалистов в области филологии и педагогики. Статьи рецензируются. Перепечатка без разрешения редакции запрещена, ссылки на журнал при цитировании обязательны.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Шустова Светлана Викторовна – главный редактор, доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Аверина Анна Викторовна – заместитель главного редактора, доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Московский государственный областной университет)

Андросова Светлана Викторовна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Благовещенск, Амурский государственный университет)

Арустамова Анна Альбертовна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Балакин Сергей Владимирович – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Екатеринбург, Уральский государственный университет путей сообщения)

Белобородова Ниля Сабитовна – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Бирск, Башкирский государственный университет (Бирский филиал))

Братухин Александр Юрьевич – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Бурдина Светлана Викторовна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Горбунова Наталья Владимировна – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Ялта, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского)

Гордиенко Татьяна Петровна – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Симферополь, Крымский индустриально-педагогический университет им. Ф. Якубова)

Дворцова Наталья Петровна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Тюмень, Тюменский государственный университет)

Евсеева Ирина Владимировна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Красноярск, Сибирский федеральный университет)

Елшанский Сергей Петрович – доктор психологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Московский экономический институт)

Зеленина Тамара Ивановна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Ижевск, Удмуртский государственный университет)

Игна Ольга Николаевна – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Томск, Томский государственный педагогический университет)

Иоселиани Аза Давидовна – доктор философских наук, профессор (Россия, г. Москва, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации)

Кашливик Кира Юрьевна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Российский университет дружбы народов)

Комарова Юлия Александровна – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Санкт-Петербург, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена)

Кондаков Борис Вадимович – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Коптева Наталия Васильевна – доктор психологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет)

Костева Виктория Михайловна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Российский государственный гуманитарный университет)

Кошкарлова Наталья Николаевна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Челябинск, Южно-Уральский государственный (национальный исследовательский) университет)

Маркова Татьяна Николаевна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Челябинск, Южно-Уральский государственный педагогический университет)

Меньшакова Надежда Николаевна – кандидат филологических наук, доцент (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Онина Софья Владимировна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Ханты-Мансийск, Югорский государственный университет)

Ореховская Наталья Анатольевна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации)

Поздеев Вячеслав Алексеевич – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Сыктывкар, Федеральный исследовательский центр Коми, научного центра Уральского отделения РАН)

Потанина Наталия Леонидовна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Тамбов, Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина)

Прокофьева Лариса Петровна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Саратов, Саратовский государственный медицинский университет им. В. И. Разумовского)

Проскурин Борис Михайлович – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Пузанкова Елена Николаевна – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Москва, Московская международная академия)

Резанович Ирина Викторовна – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Воронеж, Воронежский государственный педагогический университет)

Роготнев Илья Юрьевич – кандидат филологических наук, доцент (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Семененко Наталия Николаевна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Белгород, Старый Оскол, Белгородский государственный национальный исследовательский университет)

Сидорова Ольга Григорьевна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Екатеринбург, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина)

Сыромятников Олег Иванович – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Сюткина Надежда Павловна – кандидат филологических наук, доцент (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Трофимова Нелли Аркадьевна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет)

Файзиева Галина Владимировна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Астрахань, Астраханский государственный университет)

Фельде Ольга Викторовна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Красноярск, Сибирский федеральный университет)

Фетисов Александр Сергеевич – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Воронеж, Воронежский государственный педагогический университет)

Хабибуллина Лилия Фуатовна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет)

Чернобров Алексей Александрович – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Новосибирск, Новосибирский государственный медицинский университет)

Чугунов Дмитрий Александрович – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Воронеж, Воронежский государственный университет)

Шараков Сергей Леонидович – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Старая Русса, Новгородский государственный объединенный музей-заповедник, Дом-музей Ф. М. Достоевского)

Шачкова Эльвира Вадимовна – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Ялта, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского)

Шипова Ирина Алексеевна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Московский педагогический государственный университет)

Шумилова Елена Аркадьевна – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Краснодар, Кубанский государственный университет)

Юсупова Ляля Гайнулловна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Екатеринбург, Уральский государственный горный университет)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Гао Чуньюй – профессор (Китай, округ Цицикар, Цицикарский университет)

Ивашкевич Ирина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент (Республика Беларусь, г. Минск, Белорусский государственный университет)

Ли Ифан – кандидат филологических наук (Россия, г. Благовещенск, Амурский государственный университет)

Нагзибекова Мехриниссо Бозоровна – доктор филологических наук, профессор (Республика Таджикистан, г. Душанбе, Таджикский национальный университет)

Ниженва Наталья Николаевна – доктор педагогических наук, профессор (Республика Беларусь, г. Минск, Белорусский государственный университет)

Рузиева Лола Талибовна – доктор филологических наук, профессор (Республика Таджикистан, г. Душанбе, Таджикский национальный университет)

Ходжиматова Гулчехра Масаидовна – доктор педагогических наук, профессор (Республика Таджикистан, г. Душанбе, Таджикский национальный университет)

Чжан Цзяньвэнь – кандидат филологических наук (Китай, г. Хэйхэ, Хэйхэйский университет)

Чэнь Шуан – кандидат педагогических наук, профессор (Китай, г. Цзинань, Шаньдунский Женский университет)

Ши Хуншэн (Shi Hongsheng) – профессор (Китай, г. Хэфэй, Научно-исследовательский институт зарубежного страноведения и регионоведения Аньхойского университета, директор Центра по изучению России Аньхойского университета)

Ши Шаньшань – кандидат филологических наук, доцент (Китай, г. Шихэцзы, Институт иностранных языков Университета в Шихэцзы)

Ширнинова Римма Хакимовна – доктор филологических наук, профессор (Узбекистан, г. Ташкент, Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека)

Яхьяпур Марзие – кандидат филологических наук, профессор (Иран, г. Тегеран, Тегеранский университет)

PERM STATE UNIVERSITY

EURASIAN HUMANITARIAN JOURNAL**SCIENTIFIC JOURNAL
No. 1, 2024**

Published since 2017 Frequency: since 2018, 4 issues per year. Indexed in the RSCI.

The journal contains materials covering current issues of general linguistics, translation studies, sociolinguistics, psycholinguistics, functional grammar, cognitive linguistics, discourse, Russian literature, the literature of the peoples of the Russian Federation, foreign literature, linguodidactics, and pedagogics. The materials are intended for a wide range of specialists in the field of philology and pedagogics. Articles are reviewed. Reprinting without permission of the editorial board is prohibited, links to the journal are mandatory when quoting.

EDITORIAL BOARD**Svetlana V. Shustova** – Editor-in-chief, Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)**Anna V. Averina** – Deputy Editor-in-Chief, Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Moscow, Moscow State Regional University)**Nadezda N. Menshakova** – Deputy Editor-in-Chief, Ph. D. (Philology), Associate Professor (Russia, Perm, Perm State University)**Svetlana V. Androsova** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Blagoveshchensk, Amur State University)**Anna A. Arustamova** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)**Sergey V. Balakin** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Yekaterinburg, Ural State University of Railway Transport)**Nylya S. Beloborodova** – Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, Birk, Bashkir State University (Birk Branch))**Alexander Yu. Bratukhin** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)**Svetlana V. Burdina** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Perm, Perm State University)**Natalia V. Gorbunova** – Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, Yalta, Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky)**Tatyana P. Gordienko** – Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, Simferopol, Crimean Industrial and Pedagogical University named after F. Yakubov)**Natalia P. Dvortsova** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Tyumen, Tyumen State University)**Irina V. Evseeva** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Krasnoyarsk, Siberian Federal University)**Sergey P. Elshanski** – Grand Ph. D. (Psychology), Professor (Russia, Moscow, Moscow Institute of Economics)**Olga N. Igna** – Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, Tomsk, Tomsk State Pedagogical University)**Aza D. Joselin** – Grand Ph. D. (Philosophy), Professor (Russia, Moscow, Financial University under the Government of the Russian Federation)**Kira Yu. Kashlyavik** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Moscow, Peoples' Friendship University of Russia)**Boris V. Kondakov** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)**Julia A. Komarova** – Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, St. Petersburg, The Herzen State Pedagogical University of Russia)**Natalia V. Kopteva** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State Humanitarian-Pedagogical University)**Victoria M. Kosteva** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Moscow, Russian State University for the Humanities)**Natalia N. Koshkarova** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Chelyabinsk, South Ural State (National Research) University)**Tatiana N. Markova** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Chelyabinsk, South Ural State Pedagogical University)**Sofia V. Onina** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Khanty-Mansiysk, Yugra State University)**Natalia A. Orekhovskaya** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Moscow, Financial University under the Government of the Russian Federation)**Vyacheslav A. Pozdeev** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Syktyvkar, Federal Research Center of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences)**Natalia L. Potanina** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Tambov, Derzhavin State University of Tambov)**Larisa P. Prokofieva** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Saratov, Saratov State Medical University named after V. I. Razumovsky)**Boris M. Proskurnin** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)**Elena N. Puzankova** – Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, Moscow, Moscow International Academy)**Irina V. Rezanovich** – Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, Voronezh, Voronezh State Pedagogical University)**Ilya Yu. Rogotnev** – Ph. D. (Philology), Associate Professor (Russia, Perm, Perm State University)

Natalia N. Semenenko – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Belgorod, Stary Oskol, Belgorod State National Research University)

Olga G. Sidorova – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Ekaterinburg, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin)

Oleg I. Syromyatnikov – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)

Nelly A. Trofimova – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Saint Petersburg, National Research University Higher School of Economics)

Galina V. Faizieva – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Astrakhan, Astrakhan State University)

Olga V. Felde – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Krasnoyarsk, Siberian Federal University)

Alexander S. Fetisov – Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, Voronezh, Voronezh State Pedagogical University)

Liliya F. Khabibullina – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Kazan, Kazan (Volga Region) Federal University)

Alexey A. Chernobrov – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Novosibirsk, Novosibirsk State Medical University)

Dmitry A. Chugunov – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Voronezh, Voronezh State University)

Sergey L. Sharakov – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Staraya Russa, Novgorod State United Museum-Reserve, F. M. Dostoyevsky House-Museum)

Elvira V. Shachkova – Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, Yalta, Humanitarian and Pedagogical Academy (branch) Crimean Federal University named after Vernadsky)

Irina A. Shipova – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Moscow, Moscow Pedagogical State University)

Lyalya G. Yusupova – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Ekaterinburg, Ural State Mining University)

Nadezda P. Syutkina – Executive Secretary, Ph. D. (Philology), Associate Professor (Russia, Perm, Perm State University)

INTERNATIONAL EDITORIAL BOARD

Irina N. Ivashkevich – Grand Ph. D. (Philology), Associate Professor (Republic of Belarus, Minsk, Belarusian State University)

Mekhriniso B. Nagzibekova – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Republic of Tajikistan, Dushanbe, Tajik National University)

Natalya N. Nizhneva – Grand Ph. D. (Education), Professor (Republic of Belarus, Minsk, Belarus State University)

Gulchehra M. Hodzhimatova – Grand Ph. D. (Education), Professor (Republic of Tajikistan, Dushanbe, Tajik National University)

Gao Chunyu – Professor (China, Qiqihar, Qiqihar University)

Li Yifan – Ph. D. (Philology), (Russia, Blagoveshchensk, Amur State University)

Lola Ruzieva – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Republic of Tajikistan, Dushanbe, Tajik National University)

Zhang Jianwen – Ph. D. (Philology), (China, Heihe University)

Chen Shuang – Ph. D. in Pedagogy, Professor (China, Jinan, Shandong Women's University)

Rimma Shirinova – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Uzbekistan, Tashkent, Mirzo Ulugbek National University of Uzbekistan)

Shi Hongsheng – Professor (China, Hefei, Anhui University Institute of Foreign and Regional Studies, Director of Russian Studies Center, Anhui University)

Shi Shanshan – Ph. D. (Philology), Associate Professor (China, Shehezi, Institute of Foreign Languages of Shehezi University)

Yahyapour Marzieh – Ph. D. (Philology), Professor (Iran, Tehran University)

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ	6
<i>Зубарева Е. О., Колегова А. А.</i> СИНТАГМАТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ КОНЦЕПТА <i>TRAVELLER</i> В БРИТАНСКОМ И АМЕРИКАНСКОМ ВАРИАНТАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА.....	6
<i>Шугаева Е. Н.</i> ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ СТУДЕНЧЕСКОГО ЖАРГОНА.....	19
<i>Трофимова А. Н.</i> СУБСТАНДАРТНЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ, РЕПРЕЗЕНТИРУЮЩИЕ ОБРАЗ «ЧУЖОЙ» (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕЛЕСЕРИАЛА «БАНДИТСКИЙ ПЕТЕРБУРГ»).....	27
<i>Саакян А. А.</i> КАТЕГОРИЯ КАЧЕСТВА В ФИЛОСОФИИ И НАУКЕ О ЯЗЫКЕ.....	34
ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ГРАММАТИКА.....	44
<i>Архипова И. В., Шустова С. В.</i> ТАКСИС ПСЕВДООДНОВРЕМЕННОСТИ В ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СТРУКТУРАХ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА).....	44
ДИСКУРСОЛОГИЯ	54
<i>Рюмкова Е. В.</i> ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ СУДЕБНОГО ДИСКУРСА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ.....	54
<i>Хлыстунова Ю. Ю., Ульянова Н. Н.</i> ЯЗЫКОВЫЕ МАРКЕРЫ ОБЩЕИЗВЕСТНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ	63
<i>Меньшакова Н. Н., Ильенков Е. В.</i> СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ МАНИПУЛЯТИВНОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКИХ СТАТЬЯХ СМИ	76
МИГРАЦИОННАЯ ЛИНГВИСТИКА.....	87
<i>Хорошева Н. В., Назарова Н. А.</i> НАРРАТИВ МИГРАЦИОННОГО КРИЗИСА ВО ФРАНЦУЗСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ: НОМИНАЦИОННЫЙ АСПЕКТ	87
ПЕДАГОГИКА	95
<i>Безукладников В. К., Габидинова В. Р.</i> ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ГРАМОТНОСТЬ КАК БАЗИС ЦИФРОВИЗАЦИИ РАННЕГО ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ	95
УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ	102

Евразийский гуманитарный журнал. 2024. № 1. С. 6–18.

Eurasian Humanitarian Journal. 2024. No. 1. P. 6-18.

Научная статья

УДК 811.111"38

СИНТАГМАТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ КОНЦЕПТА *TRAVELLER* В БРИТАНСКОМ И АМЕРИКАНСКОМ ВАРИАНТАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Екатерина Олеговна Зубарева¹, Ангелина Алексеевна Колегова²

^{1,2} Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

¹ fialka21-85@mail.ru

² kolegova.ange@yandex.ru

Аннотация. Данная статья посвящена изучению концепта *TRAVELLER* в британском и американском вариантах английского языка на базе известных корпусов NBC и COCA. Язык представляет собой важнейший инструмент коммуникации, который не просто позволяет людям так или иначе выражать свои мысли и чувства, но и отражает видение и понимание мира как отдельных людей, так и целых лингвокультурных общностей. Одним из ключевых понятий в лингвистике является концепт, который представляет собой ментальный образ, связанный с определённым словом или выражением конкретного языка. Английский язык является ярким примером того, как тот или иной концепт «выражен» в разных вариантах одного и того же языка, поскольку он имеет множество национальных и региональных вариантов, каждый из которых обладает своими уникальными национальными чертами. В статье изучаются синтагматические связи лексемы *traveller* с помощью корпусного, контекстуального и лексикографического анализа. Авторами статьи проводится сопоставительный анализ двух синтагматических моделей исследуемого концепта в британском и в американском вариантах английского языка. Выявленные авторами словосочетания распределяются по семантическим модулям, что даёт возможность представить упорядоченную структуру синтагматической модели исследуемого концепта. Синтагматическое моделирование концепта может быть полезным инструментом для создания более точного и эффективного описания концепта в тексте. Актуальность проблемы подтверждается отсутствием работ по анализу предлагаемого концепта с точки зрения его синтагматических связей и по сравнительному анализу его в двух вариантах английского языка.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, лингвокультурология, корпусный анализ, концепт, модель и моделирование, синтагматический модуль, синтагматическая модель.

Для цитирования: Зубарева Е. О., Колегова А. А. Синтагматическая модель концепта *traveller* в британском и американском вариантах английского языка // Евразийский гуманитарный журнал. 2024. № 1. С. 6–18.

Original article

THE SYNTAGMATIC MODEL OF THE CONCEPT TRAVELLER IN THE BRITISH AND AMERICAN VARIANTS OF THE ENGLISH LANGUAGE

Ekaterina O. Zubareva¹, Angelina A. Kolegova²

^{1,2} Perm State University, Perm, Russia

¹ fialka21-85@mail.ru

² kolegova.ange@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the concept TRAVELLER in the British and American variants of the English language based on the NBC and COCA corpora. Language is an essential communication tool that not only allows people to express their thoughts and feelings, but also reflects their vision and understanding of the world. One of the key concepts in linguistics is a concept, which is a mental image associated with a certain word or expression. English is a prime example of such a phenomenon as the study of the features of concepts in different variants of the same language, since it has many national and regional variants, each of which has its own unique national features. The article examines the syntagmatic connections of the lexeme *traveller* using corpus analysis, contextual and lexicographic analysis. A comparative analysis of two syntagmatic models of the concept under study in the British and American variants of the English language is carried out. The identified phrases are distributed according to semantic modules, which makes it possible to present an ordered structure of the syntagmatic model of the concept under study. Syntagmatic modeling of a concept can be a useful tool for creating a more accurate and effective description of a concept in a text. The relevance of the problem is confirmed by the lack of work on the analysis of the proposed concept in terms of its syntagmatic connections and comparative analysis in two variants of the English language.

Keywords: cognitive linguistics, linguoculturology, corpus analysis, concept, model and modeling, syntagmatic module, syntagmatic model.

For citation: Zubareva E. O., Kolegova A. A. The syntagmatic model of the concept TRAVELLER in the British and American Variants of the English language. Eurasian Humanitarian Journal. 2024;1:6-18. (In Russ.).

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена выбором самого концепта TRAVELLER, поскольку он является одним из универсальных и широко используемых в английском языке. Изучаемый концепт отражает идею перемещения в пространстве: туризма, торговли, поиска новой жизни и миграции – феномена современного мира, находящего своё отражение во всех сферах человеческой деятельности.

Актуальность также подтверждается отсутствием работ по анализу предлагаемого концепта с точки зрения его синтагматических связей и по сравнительному анализу в двух вариантах английского языка.

Цель исследования – выявить сходства и различия синтагматической модели концепта TRAVELLER в британском и американском вариантах английского языка.

Материалом исследования послужили контексты из базы данных Британского национального корпуса, в котором было проанализировано 843 контекста, и корпуса современного американского английского, где было проанализировано 5416 контекстов. Всего проанализировано 6259 контекстов.

Основная часть

Когнитивная лингвистика получила собственную роль в парадигме концепций мирового языкознания; её появление и непрерывающееся развитие считается отличительной особенностью языкознания границы XX–XXI столетий. Когнитивные лингвисты считают, что язык является неотъемлемой частью человеческого сознания и опыта и что его следует изучать с учётом этих факторов [Глазунова 2000: 48]. Когнитивная лингвистика изучает «человеческий разум и мышление, а также связанные с ними мыслительные (психические, ментальные) процессы и состояния» [Коннова 2012: 5; см. также Ивашкевич 2021].

Формирование когнитивной лингвистики находится в «русле антропоцентрической парадигмы научного знания», содержащей полный спектр научных направлений: «философию, когнитивную психологию, когнитивную социологию, этно- и психолингвистику, лингвокультурологию и межкультурную коммуникацию» и другие [Дзюба 2018: 10].

В современной науке концепт считается одной из главных категорий когнитивной лингвистики, которая рассматривает проблемы языка «сквозь призму когниции» [Зинченко 2003: 66]. Он представляет собой глобальную мыслительную единицу, которая может иметь либо этноспецифический, либо общечеловеческий характер. Когнитивный статус концепта связан с тем, что именно концепт является носителем и способом передачи лингвокультурных и универсальных смыслов и ценностей [Балакин 2020: 14]. В отечественной лингвистике концепт определяется как основная единица мыслительной деятельности, представляющая собой ментальное образование, включающее в себя понятия, образы, ассоциации, эмоции и другие компоненты, связанные с тем или иным объектом или явлением. Концепты отражают особенности национального сознания и культуры, а также особенности восприятия мира отдельными индивидами.

Отечественный лингвист И. А. Стернин определяет концепт как «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности общества и несущее комплексную энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [Стернин 2005: 258].

Авторы «Краткого словаря когнитивных терминов» приводят следующую дефиницию: «Концепты представляют собой идеальные абстрактные единицы, смыслы, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей деятельности человека и процессов познания им окружающего мира в виде определённых единиц, квантов знания» [Краткий словарь когнитивных терминов 1996: 128].

Говоря о зарубежной когнитивной лингвистике, можно привести определение Б. Смита: «Концепты – это результаты человеческого познания» [Smith 2004: эл. ресурс]. Или, например, С. Лоренса и Э. Марголиса: «Концепты – самые существенные конструкты в теориях мышления» [Laurence, Margolis 1999]. Зарубежные учёные трактуют концепт как ментальный конструкт, инструмент познавательной деятельности, когнитивную модель. В. Эванс, в частности, определяет данный термин как «фундаментальную единицу знания, центральную для процессов категоризации и концептуализации» [Evans 2007: 31].

Рассмотрим определение концепта с точки зрения лингвокультурологии. Объект изучения лингвокультурологии состоит из трёх компонентов: языка, культуры и человеческой личности. Концепт представляет собой отражение национальной культуры. В интерпретации Ю. С. Степанова, концепт рассматривается как «основная ячейка культуры в ментальном сознании человека» [Степанов 1997: 76].

В. И. Карасик определяет концепты как культурные образования, которые существуют в культурно-историческом пространстве народа, определяют его менталитет и транслируются в разные сферы бытия человека [Карасик 2004: 38]. Делая вывод, отметим, что лингвокогнитивный и лингвокультурологический подходы взаимосвязаны друг с другом, так как со стороны лингвокультурологии концепт отражает культурную специфику, а с точки зрения когнитивной лингвистики – объясняет явления действительности. Но в обоих случаях центральными категориями являются человек и язык.

Обратим внимание на то, что структура концепта не является жёсткой, она изменчива, что объясняется активной динамической ролью концепта в процессе мышления: он постоянно функционирует, актуализируется в разных аспектах, взаимодействует с другими концептами, семантический потенциал концепта то расширяется, то сужается в зависимости от экстралингвистических факторов [Попова, Стернин 2007: 61].

В нашей работе мы исходим из представления о том, что структура концепта TRAVELLER включает базовый слой и когнитивные слои. Базовый слой – это лексикографическое значение; когнитивные слои – «психолингвистическое» и коммуникативное значения. Нами акцентируется внимание на базовом и когнитивном слое с помощью анализа коммуникативного значения. На первом этапе исследования проведён лексикографический анализ лексемы *traveller*.

Всего проанализировано 7 англоязычных словарей. По результатам анализа выделено 9 основных значений:

- 1) someone who is travelling [Cambridge Dictionary, Oxford Learner's Dictionary, Longman Dictionary, Collins Dictionary, Merriam-Webster Dictionary, The American Heritage Dictionary of the English Language, Urban Dictionary: эл. ресурс];
- 2) another word for gypsy [Cambridge Dictionary: эл. ресурс];
- 3) travelling people of Irish origin, but is also used as a word for all travelling people, including Romani people [Oxford Learner's Dictionary: эл. ресурс];
- 4) someone who travels by air, road, rail [Longman Dictionary: эл. ресурс];
- 5) commercial traveler [Longman Dictionary: эл. ресурс];
- 6) a person who live in a van or other vehicle [Collins Dictionary: эл. ресурс];
- 7) travelling salesman [Merriam-Webster Dictionary, The American Heritage Dictionary of the English Language: эл. ресурс];

8) British/Irish gypsies known as tinkers or pikeys [Urban Dictionary: эл. ресурс];

9) someone who travels extensively, either in the USA or abroad [Urban Dictionary: эл. ресурс].

Лексикографический анализ является основой для продолжения нашего исследования, его результаты помогают нам понять, насколько выявленные значения отражаются в реальной коммуникации и не возникает ли новых оттенков значений лексемы *traveller* при изучении синтагматических связей на базе корпусов.

На втором этапе проведено исследование синтагматических связей лексемы *traveller*. Методы корпусной лингвистики позволяют достигать максимальной объективности полученных результатов, так как анализ проводится на основе большого массива текстов и на достаточно большом языковом материале [Зубарева, Шустова 2019; Палийчук 2022; Федосеева 2021; Шустова, Прыткина 2021].

Методика исследования заключается в том, что в каждом из корпусов в поисковой строке вводится искомая лексема. Отметим, что написание лексемы отличается, в британском варианте английского языка *traveller*, в американском варианте – *traveler*. Далее нами были зафиксированы все прилагательные с этой лексемой и был составлен общий список словосочетаний. Параллельно, чтобы понять появляется ли дополнительный оттенок значения за счет прилагательного, нами проводился контекстуальный анализ. Все выявленные словосочетания были распределены по семантическим модулям, что даёт возможность представить упорядоченную структуру синтагматической модели исследуемого концепта.

Под семантическими модулями мы понимаем определённую систему, которая позволяет обрабатывать и интерпретировать языковые явления. Уточним, что синтагматическое моделирование концепта – это метод актуализации концепта в тексте, основанный на анализе его синтагматических связей. Этот метод предполагает выявление наиболее типичных сочетаний слов и выражений, которые используются для описания данного концепта, а также анализ их семантических и структурных особенностей. Синтагматическое моделирование концепта может служить полезным инструментом для создания более точного и эффективного описания концепта в тексте.

Синтагматическая модель концепта TRAVELLER в британском варианте английского языка включает следующие семантические модули.

1. Семантический модуль ЭТНОС (11): *the French traveller, English traveller, the indigenous traveller, Balkan traveller, German traveller, Irish traveller, Swiss traveller, Italian traveller, Romanian traveller, British traveller, Pyrenean traveller*.

2. Семантический модуль ОТНОШЕНИЕ (59).

2.1. Семантический микромодуль ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ КОННОТАЦИИ (8): *the wary traveller, the unwary traveller, the discerning traveller, the unfortunate traveller, suspicious traveller, tired traveller, unbelieving traveller, obsessive traveller*.

2.2. Семантический микромодуль НЕЙТРАЛЬНЫЕ КОННОТАЦИИ (21): *afrequent traveller, an average traveller, a keen traveller, independent traveller, the uncommercial traveller, the mysterious traveller, inveterate, regular traveller, a chance-met traveller, single traveller, self-reliant and practical traveller, natural traveller, ordinary traveller, eternal traveller, individual traveller, unsuspecting traveller, the fast-moving traveller, odd traveller, notable traveller, sophisticated traveller, foreign traveller, an innocent traveller*.

2.3. Семантический микромодуль ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ КОННОТАЦИИ (29): *the intrepid lady traveller, a true tack traveller, gifted traveller, a bona-fide traveller, serious traveller, world-seasoned traveller, the first traveller, a versatile traveller, a hardy traveller, the curious traveller, the wise traveller, great traveller, excellent traveller, the chic traveller, a seasoned traveller, the pleased traveller, top traveller, famous traveller, true traveller, a tireless traveller, Great World Traveller, right traveller, real traveller, intrepid traveller, prospective traveller, the star traveller, accomplished traveller, distinguished traveller, satisfied traveller.*

3. Семантический модуль ВРЕМЕННАЯ АКТУАЛИЗАЦИЯ (6): *one eighteenth century traveller, Victorian traveller, former traveller, new age traveller, evolutionary traveller, regular traveller, night traveller.*

4. Семантический модуль ЭКОНОМИКА (4).

4.1. Семантический микромодуль РАБОТА (3): *a commercial traveller, the business traveller, the conference traveller.*

4.2. Семантический микромодуль МАТЕРИАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ (1): *the poor traveller.*

5. Семантический модуль ТЕРРИТОРИЯ (12): *mountain traveller, the Western traveller, unsited traveller, continental traveller, local traveller, a Northern Line traveller, nearby traveller, a southbound traveller, Arctic traveller, a Northern line traveller, faraway traveller, international traveller.*

6. Семантический модуль СОСТОЯНИЕ (8): *a weary traveller, a disabled traveller, the foot-sore traveller, the armchair traveller, the deaf traveller, vegetarian traveller, ethereal traveller, historically minded traveller.*

7. Семантический модуль ВОЗРАСТ (3): *traveller children, old traveller, forty year-old traveller.*

8. Семантический модуль СТАТУС (3): *scholarly traveller, colonial traveller, the fellow traveller.*

9. Семантический модуль ГЕНДЕР (2): *a lady traveller, the woman traveller.*

10. Семантический модуль СПОСОБЫ И ВИДЫ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ (6): *the long distance traveller, the time traveller, airline traveller, a seasoned traveller, train traveller, railway traveller.*

Представленная синтагматическая модель концепта TRAVELLER демонстрирует нам его ядерные и периферийные признаки. Всего выделено 13 семантических модулей, в которые входят 108 синтагм. Мы видим, что употребление лексемы *traveller* чаще всего встречается в микромодулях НЕЙТРАЛЬНЫЕ КОННОТАЦИИ и ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ КОННОТАЦИИ, при этом наибольшее разнообразие представлено в микромодуле ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ КОННОТАЦИИ – 29 синтагм. Таким образом, можно сделать вывод, что концепт TRAVELLER чаще ассоциируется с чем-то приятным, добрым и интересным, как, например, *wise traveller* или *Great World traveller*. Также немалое количество примеров содержится и в таких модулях, как ЭТНОС и ТЕРРИТОРИЯ. Благодаря семантическому модулю «Этнос» мы можем понять, что нет преобладания путешественников среди каких-то конкретных народов, наоборот, это распространено практически повсеместно. То же самое можно сказать и о семантическом модуле «Территория»: путешествия, как и сами путешественники, распространены как, например, в Арктике *Arctic traveller*, так и на западе *Western traveller*. Однако интересно и

то, что путешественник может находиться не только в одном конкретном месте, но и, например, быть континентальным путешественником *continental traveller* или тем, кто находится где-то далеко *far away traveller*.

Семантический модуль «Отрицательные коннотации» включает в себя 8 синтагм. Это не такой «большой» показатель в отличие от ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ КОННОТАЦИИ или НЕЙТРАЛЬНЫЕ КОННОТАЦИИ, однако не менее значимый, потому что свидетельствует о том, что путешественник иногда может попасть в беду или непростую ситуацию, что мы можем проследить в примерах *unfortunate traveller* и *tired traveller*. Семантические модули СОСТОЯНИЕ, СПОСОБЫ И ВИДЫ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ и ВРЕМЕННАЯ АКТУАЛИЗАЦИЯ состоят из 8 и 6 синтагм. Первый показывает, что путешественники могут оказываться в различных состояниях *foresore traveller*, в том числе и путешественники с ограниченными возможностями *adisable traveller, the deaf traveller*. Второй модуль демонстрирует нам «разновидности» перемещения, как, например, *airline traveller, train traveller* и *railway traveller*. Наконец, третий семантический модуль, предполагаем скорее всего используется в литературе или средствах массовой информации, о чём свидетельствуют следующие примеры: *one eighteen the century traveller, Victorian traveller*. Наименьшие показатели имеют семантические модули «Работа» – 3 синтагмы, «Материальное состояние» – 1 синтагма, «Возраст» – 3 синтагмы, «Статус» – 3 синтагмы и «Гендер» – 2 синтагмы. Можно предположить, что редкость использования данных семантических модулей обусловлена тем, что больше хочется сообщить и узнать, где путешествовал человек, какой он получил опыт и какие эмоции, чем то, кем он, например, работает, какой у него «капитал» или сколько ему лет.

Синтагматическая модель концепта TRAVELLER в американском варианте английского языка включает следующие семантические модули.

1. Семантический модуль ЭТНОС (16): *Spanish traveler, Norwegian traveler, Swedish traveler, the Indian Traveler, American traveler, gypsy traveler, A Salem traveler, Japanese traveler, Italian Traveler, Belgian traveler, Egyptian traveler, Arab traveler, British traveler, African traveler, Russian traveler, French traveler*.

2. Семантический модуль ОТНОШЕНИЕ (117).

2.1. Семантический микромодуль ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ КОННОТАЦИИ (20): *an unsafe traveler, the anxious traveler, an unaware traveler, the incautious traveler, the fainting traveler, irascible traveler, an exhausted traveler, the most-stressed traveler, the stranded traveler, Paris traveler, a beaten traveler, a reluctant traveler, snippy traveler, the unwary traveler, disgruntled traveler, a bad traveler, frivolous traveler, frostbitten traveler, the injured traveler, doomed traveler, unfortunate traveler*.

2.2. Семантический микромодуль НЕЙТРАЛЬНЫЕ КОННОТАЦИИ (51): *an eccentric traveler, exotic traveler, a mental traveler, inveterate traveler, jaded traveler, the historic traveler, the itinerant traveler, little traveler, the tardy traveler, the diminutive traveler, a willing traveler, adventuresome traveler, fashion-obsessed traveler, inexperienced traveler, Solo Traveler, an independent traveler, a fellow long term traveler, wayward traveler, the coffee traveler, time traveler, a long-term traveler, an international traveler, holiday traveler, a Marmot Traveler, world-weary traveler, emerging traveler, the foodie traveler, the inner traveler, unflappable traveler, an avid traveler, unsuspecting traveler, a lone traveler, the average traveler, a regular traveler, active traveler, perpetual traveler, frugal*

traveler, modern traveler, human traveler, whirlwind traveler, casual traveler, inhuman traveler, the sophisticated traveler, an individual traveler, strange traveler, a serial traveler, the unprepared traveler, the low-key traveler, constant traveler, sleepy traveler, indefatigable traveler.

2.3. Семантический микромодуль ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ КОННОТАЦИИ (45): *the swiftest traveler, mature traveler, an observant traveler, the global traveler, humble traveler, seasoned-enough traveler, the recreational traveler, the happy traveler, an incessant traveler, a well-known traveler, the educated traveler, a hard traveler, thoughtful traveler, a prudent traveler, seasoned traveler, a frequent traveler, Cond Nast traveler, a lavish traveler, trusted traveler, enthusiastic traveler, happiest traveler, an efficient traveler, savvy traveler, chicest traveler, the gay leisure traveler, an intrepid traveler, wise traveler, expert traveler, a good traveler, the clever traveler, the biggest traveler, a prolific traveler, actual traveler, determined traveler, professional traveler, noted traveler, enterprising traveler, a trustworthy traveler, an adventurous traveler, celebrated traveler, contented traveler, safer traveler, smart traveler, a respectful traveler, cultivated traveler, a well-informed traveler.*

3. Семантический модуль ВРЕМЕННАЯ АКТУАЛИЗАЦИЯ (6): *the temporary traveler, an early 20th-century traveler, the Victorian traveler, a nights-based traveler, a contemporary traveler, summer traveler.*

4. Семантический модуль ЭКОНОМИКА (9):

4.1. Семантический микромодуль РАБОТА (3): *National Geographic traveler, a business traveler, Health care Traveler;*

4.2. Семантический микромодуль МАТЕРИАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ (6): *the budget-minded traveler, budget traveler, a rich traveler, the super-rich traveler, the higher-fare traveler, elite luxury traveler.*

5. Семантический модуль ТЕРРИТОРИЯ (23): *the intergalactic traveler, Pacific traveler, the farthest traveler, earthly traveler, earthly traveler, back country traveler, backwoods traveler, the western traveler, the Sacramento Traveler, a trans-solar traveler, worldly traveler, domestic traveler, the Arkansas traveler, a Silk Road traveler, Africa traveler, world traveler, space traveler, the worldwide traveler, cosmic traveler, an interstate traveler, a dimensional traveler, European traveler, the trans-Earth traveler.*

6. Семантический модуль КУЛЬТУРА (4):

6.1. Микромодуль ЯЗЫК (1): *an English-speaking traveler;*

6.2. Микромодуль РЕЛИГИЯ (2): *Muslim traveler, Catholic traveler.*

7. Семантический модуль СОСТОЯНИЕ (11): *the wheelchair traveler, the able-bodied traveler, the deaf-blind traveler, the waking traveler, the handicapped traveler, an armchair traveler, hungry traveler, the fattening traveler, the disabled traveler, blind traveler, a thirsty traveler.*

8. Семантический модуль ВОЗРАСТ (5): *little traveler, veteran traveler, 24 year old traveler, the teen traveler, a young vagabond traveler.*

9. Семантический модуль СТАТУС (3): *a peripatetic traveler, a Huguenot traveler, commercial traveler.*

10. Семантический модуль СПОСОБЫ И ВИДЫ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ (13): *the automobile traveler, a non-camping traveler, overland traveler, worldly traveler, river traveler, homeless traveler, cruise traveler, spiritual traveler, a lonely backpack traveler, a foot traveler, the wandering traveler, the highway traveler, the plastic-toting traveler.*

11. Семантический модуль ГЕНДЕР (3): *woman traveler, lady traveler, female traveler*.

Синтагматическая модель концепта TRAVELER в американском варианте английского языка включает 15 семантических модулей и микромодулей. В которых зафиксированы 210 словосочетаний. Исходя из полученных результатов, мы можем сделать вывод, что употребление лексемы *traveler* в американском варианте английского языка встречается гораздо чаще. Полученные результаты также говорят о том, что данная лексема используется в большем количестве контекстов, нежели в британском варианте английского языка.

Синтагматическая модель демонстрирует, что наиболее часто встречающимися оказались семантические микромодули НЕЙТРАЛЬНЫЕ КОННОТАЦИИ, а также ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ КОННОТАЦИИ, в первом – 51 единица, во втором – 45. Из этого мы делаем вывод, что, объем данных микромодулей подчеркивает позитивное отношение к путешественникам. Однако, несмотря на столь частое использование нейтральных коннотаций и положительных коннотаций, количество отрицательных коннотаций составляет 20 единиц, что также значительно.

Наблюдается следующая тенденция: лексема *traveler* употребляется с такими прилагательными, как *unsafe, anxious, exhausted, the most-stressed, injured, doomed*. Можно предположить, что путешественник может подвергаться различным угрозам, оказаться в неприятной ситуации, что приводит к тревоге, измождённости, ранению или даже к опасности для здоровья и жизни. Это может быть связано с различными факторами: природными катаклизмами, нападением диких животных, террористическими актами или просто трудностями, связанными с длительным пребыванием в экстремальных условиях.

Семантический модуль ТЕРРИТОРИЯ включает 24 единицы. Он подразумевает территории или места, где может находиться путешественник. Данный семантический модуль свидетельствует о том, что концепт TRAVELER может употребляться в речи, литературе или средствах массовой информации. Данное предположение подтверждают следующие примеры: *the intergalactic traveler, a trans-solar traveler, a Silk Road traveler, space traveler, the trans-Earth traveler*.

При анализе корпусных данных современного американского варианта английского языка выявлен семантический модуль СОСТОЯНИЕ, который включает 11 словосочетаний: определения различных состояний путешественника, например, *hungry traveler* или *thirsty traveler*. Интересно отметить, что в этом семантическом модуле в корпусе СОСА чаще всего встречалось словосочетание *an arm chair traveler*. Это говорит о том, что путешествия также доступны для людей с ограниченными возможностями.

В семантическом модуле СПОСОБЫ И ВИДЫ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ мы можем проследить разнообразие среди методов передвижения, доступных путешественнику: *automobile traveler, river traveler, cruise traveler, a foot traveler* и т. д. Семантический модуль ЭТНОС содержит 16 словосочетаний; мы можем предположить, что путешествия распространены среди всех народов и культур. Словосочетания представлены в следующих семантических модулях и микромодулях: ВРЕМЕННАЯ АКТУАЛИЗАЦИЯ – 6, РАБОТА – 3, МАТЕРИАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ – 6, ЯЗЫК – 1, РЕЛИГИЯ – 2, ВОЗРАСТ – 5, СТАТУС – 3, ГЕНДЕР – 3.

Заключение

На примере концепта TRAVELLER проведено исследование, которое показало, что данный концепт обладает множеством семантических значений и ассоциаций. Зафиксировано, что исследуемый концепт чаще всего ассоциируется с положительными и нейтральными коннотациями. При сравнении американского и британского вариантов английского языка установлено, что лексема *traveller* встречается гораздо чаще в американском варианте английского языка. Более того, концепт TRAVELLER имеет большее количество контекстов в американском варианте по сравнению с британским.

В результате сравнительного анализа синтагматических моделей концепта TRAVELLER на материале британского и американского вариантов английского языка выявлены сходства и различия в использовании данного концепта. Синтагматические модели концепта имеют общие семантические составляющие, однако американский вариант содержит большее количество семантических модулей.

Исследование также показывает, что употребление концепта TRAVELLER является более распространённым в американской культуре, чем в британской. Использование лексикографического анализа и корпусных исследований позволяет получить обширную информацию о концепте TRAVELLER, углубить понимание его значения и роли в обеих культурах: британской и американской. Представленный анализ и синтагматические модели концепта TRAVELLER демонстрируют его значимость, сложность и актуальность, а также многоаспектность.

Список литературы

1. Балакин С. В. Моделирование развития концептосферы (на примере концепта ВРАГ/FEIND) // Евразийский гуманитарный журнал. 2020. № 3. С. 13–18.
2. Булгучева С. А. Антропоцентризм как общее направление современного языкознания // Lingva Universum. 2006. № 2. С. 71–75.
3. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64–72.
4. Глазунова О. И. Логика метафорических преобразований. СПб. : Фил. фак. СПбГУ, 2000. 190 с.
5. Дзюба Е. В. Когнитивная лингвистика. Екатеринбург : Изд-во «Уральский государственный педагогический университет», 2018. 280 с.
6. Зинченко В. Г. Межкультурная коммуникация. Системный подход. Н. Новгород : Изд-во «НГЛУ им. Н. А. Добролюбова», 2003. 191 с.
7. Зубарева Е. О., Шустова С. В. Синтагматический анализ концепта МИГРАЦИЯ (на материале корпусных данных) // Миграционная лингвистика. 2019. № 1. С. 23–42.
8. Ивашкевич И. Н. К вопросу о взаимосвязи между психологическими и языковыми структурами (междисциплинарный подход к проблеме) // Гуманитарные исследования. История и филология. 2021. № 1. С. 33–40.
9. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М. : Гнозис, 2004. 390 с.
10. Коннова М. Н. Введение в когнитивную лингвистику. Изд. 2-е, перераб. Калининград : Изд-во «БФУ им. И. Канта», 2012. 313 с.
11. Палийчук Д. А. Корпусные технологии в лингвистических исследованиях // Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. № 6. С. 72–79.

12. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М. : АСТ: «Восток-Запад», 2007. 314 с.
13. Райскина В. А., Дубнякова О. А. Современные методы корпусной лингвистики при анализе текста // Актуальные вопросы современной науки. 2015. Вып. 40. С. 146–154.
14. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. М. : Академический проект. 1997. 990 с.
15. Стернин И. А. Типы и концепты // Концептуальное пространство языка : сб. научн. трудов, посвященных юбилею Н. Н. Болдырева / под ред. Е. С. Кубряковой. Тамбов : Изд-во «Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина». 2005. С. 257–282.
16. Федосеева М. О. Метафорический образ России в британских СМИ: опыт корпусного исследования // Гуманитарные исследования. История и филология. 2021. № 2. С. 86–96.
17. Шустова С. В., Прыткина Л. А. Модель синтагматического поля концепта MIGRANT // Гуманитарные исследования. История и филология. 2021. № 2. С. 96–104.
18. Evans V. How words mean: lexical concepts, cognitive models, and meaning construction. N.Y. : Oxford University Press, 2009. 377 p.
19. Laurence S. and Margolis E. Concepts and Cognitive Science. Concepts: Core Readings. MIT Press. 1999. P. 3–81. URL: <https://www.cs.nyu.edu/courses/fall07/G22.3033-006/CCS.pdf> (дата обращения: сентябрь 2023).
20. Smith B. Beyond Concepts: Ontology as Reality Representation // International Conference on Formal Ontology and Information Systems, Turin, 4-6 November, 2004. URL: <http://ontology.buffalo.edu/bfo/BeyondConcepts.pdf> (дата обращения: октябрь 2023).

Словари и корпуса

1. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М. : Изд-во «Московский государственный университет», 1996. 245 с.
2. British National Corpus. URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (дата обращения: август–декабрь 2023).
3. Cambridge Dictionary. URL: dictionary.cambridge.org. (дата обращения: август–декабрь 2023).
4. Collins Dictionary. URL: www.collinsdictionary.com. (дата обращения: август–декабрь 2023).
5. Corpus of Contemporary American English. URL: <https://www.english-corpora.org/coca/> (дата обращения: август–декабрь 2023).
6. Longman Dictionary. URL: www.ldoceonline.com. (дата обращения: август–декабрь 2023).
7. Merriam-Webster Dictionary. URL: www.merriam-webster.com. (дата обращения: август–декабрь 2023).
8. New Statesman and Society. 2413 s-units. URL: www.english-corpora.org (дата обращения: ноябрь 2023).
9. Oxford Learner's Dictionary. URL: oxfordlearnersdictionaries.com. (дата обращения: август–декабрь 2023).
10. Urban Dictionary. URL: www.urbandictionary.com. (дата обращения: август–декабрь 2023).

References

1. Balakin S. V. Modelirovanie razvitiya konceptosfery (na primere koncepta VRAG/FEIND) [Modeling the development of the concept sphere (using the example of the ENEMY/FEIND concept)]. *Evrazijskij gumanitarnyj zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal]. 2020, no. 3, pp. 13-18. (In Russ.).
2. Bulgucheva S. A. Antropocentrizm kak obshhee napravlenie sovremennogo jazykoznanija [Anthropocentrism as a general direction of modern linguistics]. *Lingva Universum*. 2006, no. 2, pp. 71-75. (In Russ.).

3. Vorkachev S. G. Lingvokul'turologija, jazykovaja lichnost', koncept: stanovlenie antropocentricheskoj paradigmy v jazykoznanii [Linguoculturology, linguistic personality, concept: the formation of an anthropocentric paradigm in linguistics]. *Filologicheskie nauki* [Philological sciences]. 2001, no. 1, pp. 64-72. (In Russ.).
4. Glazunova O. I. Logika metaforicheskikh preobrazovanij [The logic of metaphorical transformations]. Saint Petersburg, Faculty of Philology, St. Petersburg State University Publ., 2000 190 p. (In Russ.).
5. Džuba E. V. Kognitivnaja lingvistika [Cognitive linguistics]. Yekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 2018. 280 p. (In Russ.).
6. Zinchenko V. G. Mezhkul'turnaja komunikacija. Sistemnyj podhod [Intercultural communication. Systems approach]. N. Novgorod, NGLU im. N. A. Dobroljubova Publ., 2003, 191 p. (In Russ.).
7. Zubareva E. O., Shustova S. V. Sintagmatičeskij analiz koncepta MIGRACIJa (na materiale korpusnyh dannyh) [Syntagmatic analysis of the concept MIGRATION (based on corpus data)]. *Migracionnaja lingvistika* [Migration Linguistics]. 2019, no. 1, pp. 23-42. (In Russ.).
8. Ivashkevich I. N. K voprosu o vzaimosvjazi mezhdu psihologičeskimi i jazykovymi strukturami (mezhdisciplinarnyj podhod k probleme) [On the issue of the relationship between psychological and linguistic structures (an interdisciplinary approach to the problem)]. *Gumanitarnye issledovanija. Istorija i filologija* [Humanities studies. History and philology]. 2021, no. 1, pp. 33-40. (In Russ.).
9. Karasik V. I. Jazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs [Language circle: personality, concepts, discourse]. Moscow, Gnozis Publ., 2004, 390 p. (In Russ.).
10. Konnova M. N. Vvedenie v kognitivnuju lingvistiku [Introduction to cognitive linguistics]. Ed. 2nd., Kaliningrad, BFU im. I. Kanta Publ., 2012, 313 p. (In Russ.).
11. Palijchuk D. A. Korpusnye tehnologii v lingvističeskikh issledovanijah [Corpus technologies in linguistic research]. *Gumanitarnye issledovanija. Istorija i filologija*. 2022, no. 6, pp. 72-79. (In Russ.).
12. Popova Z. D., Sternin I. A. Kognitivnaja lingvistika [Cognitive linguistics]. Moscow, AST, Vostok-Zapad Publ., 2007, 314 p. (In Russ.).
13. Rajska V. A., Dubnjakova O. A. Sovremennye metody korpusnoj lingvistiki pri analize teksta [Modern methods of corpus linguistics in text analysis]. *Aktual'nye voprosy sovremennoj nauki* [Current issues of modern science]. 2015, iss. 40, pp. 146-154. (In Russ.).
14. Stepanov Ju. S. Konstanty. Slovar' ruskoj kul'tury [Dictionary of Russian culture]. Moscow, Akademicheskij proekt Publ., 1997, 990 p. (In Russ.).
15. Sternin I. A. Tipy i koncepty [Types and concepts]. *Konceptual'noe prostranstvo jazyka* [Conceptual space of language]. Tambov, Tambov State University named after. G. R. Derzhavina, Publ., 2005, pp. 257-282. (In Russ.).
16. Fedoseeva M. O. Metaforičeskij obraz Rossii v britanskih SMI: opyt korpusnogo issledovanija [Metaphorical image of Russia in the British media: experience of corpus research]. *Gumanitarnye issledovanija. Istorija i filologija* [Humanities studies. History and philology]. 2021, no. 2, pp. 86-96. (In Russ.).
17. Shustova S. V., Prytkina L. A. Model' sintagmatičeskogo polja koncepta MIGRANT [Model of the syntagmatic field of the MIGRANT concept]. *Gumanitarnye issledovanija. Istorija i filologija* [Humanities studies. History and philology]. 2021, no. 2, pp. 96-104. (In Russ.).
18. Evans V. How words mean: lexical concepts, cognitive models, and meaning construction. N.Y. : Oxford University Press, 2009. 377 p.
19. Laurence S. and Margolis E. Concepts and Cognitive Science. Concepts: Core Readings. MIT Press. 1999. P. 3-81. URL: <https://www.cs.nyu.edu/courses/fall07/G22.3033-006/CCS.pdf> (accessed: September 2023).

20. Smith B. Beyond Concepts: Ontology as Reality Representation // International Conference on Formal Ontology and Information Systems, Turin, 4-6 November, 2004. URL: <http://ontology.buffalo.edu/bfo/BeyondConcepts.pdf> (accessed: October 2023).

Dictionaries and corpora

1. Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov [Brief dictionary of cognitive terms]. Under the order of E. S. Kubryakova. Moscow, Moscow State University publ., 1996, 245 p. (In Russ.).
2. British National Corpus. URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (accessed: August–December 2023).
3. Cambridge Dictionary. URL: dictionary.cambridge.org (accessed: August–December 2023).
4. Collins Dictionary. URL: www.collinsdictionary.com (accessed: August–December 2023).
5. Corpus of Contemporary American English. URL: <https://www.english-corpora.org/coca/> (accessed: August–December 2023).
6. Longman Dictionary. URL: www.ldoceonline.com. (accessed: August–December 2023).
7. Merriam-Webster Dictionary. URL: www.merriam-webster.com (accessed: August–December 2023).
8. New Statesman and Society. 2413 s-units. URL: www.english-corpora.org (accessed: November 2023).
9. Oxford Learner's Dictionary. URL: oxfordlearnersdictionaries.com (accessed: August–December 2023).
10. Urban Dictionary. URL: www.urbandictionary.com (accessed: August–December 2023).

Информация об авторах

Е. О. Зубарева – кандидат филологических наук,
доцент, кафедра лингвистики и перевода,

Пермский государственный национальный исследовательский университет;

А. А. Колегова – факультет современных иностранных языков и литератур,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the authors

E. O. Zubareva – Ph. D. (Philology),

*Associate Professor, Department of Linguistics and Translation,
Perm State University;*

A. A. Kolegova – Faculty of Modern Foreign Languages and Literatures,
Perm State University.

Статья поступила в редакцию 12.12.2023; одобрена после рецензирования 25.12.2023; принята к публикации 10.01.2024.

The article was submitted 12.12.2023; approved after reviewing 25.12.2023; accepted for publication 10.01.2024.

Евразийский гуманитарный журнал. 2024. № 1. С. 19–26.
Eurasian Humanitarian Journal. 2024. No. 1. P. 19-26.

Научная статья
УДК 811.161.1'28

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ СТУДЕНЧЕСКОГО ЖАРГОНА

Екатерина Николаевна Шугаева

Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева, Астрахань, Россия,
shugaeva-katerina@mail.ru

Аннотация. В настоящее время возрос интерес у изучению субстандартной лексики, так как субстандартные лексические единицы проникают во все сферы языка. Особенно возрос интерес исследователей к жаргону, в частности к студенческому жаргону. Студенческий жаргон является одним из самых ярких и распространенных языковых явлений среди молодежи. Это особый язык, который формируется в студенческой среде и отличается целым рядом уникальных выражений, слов и фраз. Этот языковой феномен несет в себе не только развлекательную функцию, но также отражает специфику студенческой жизни, ее ценности и проблемы. Он отличается от общепринятого русского языка своими субстандартными выражениями и фразеологизмами, которые понятны и используются исключительно среди студентов. Статья представляет результаты исследования, посвященного анализу характеристик и особенностей языка, используемого студентами в повседневном общении, описывает различные функции студенческого жаргона, такие как кодифицирующая, коммуникативная, когнитивная, номинативная, экспрессивная, мировоззренческая, эзотерическая и функция экономии времени. Данные функциональные аспекты играют важную роль в процессе общения студентов, помогают укреплять групповую идентичность и создавать ощущение принадлежности к определенной социальной группе, использоваться для скрытой коммуникации или передачи конфиденциальной информации, формируют картину мира. Каждая из упомянутых функций имеет определенную область применения и оказывает влияние на процесс ассимиляции субстандартных лексических единиц в студенческом жаргоне. Более подробное описание каждой из этих функций поможет систематически и всесторонне изучить и проанализировать феномен субстандартных лексических единиц студенческого жаргона.

Ключевые слова: субстандарт, студенческий жаргон, функция, коммуникация, номинация, кодификация.

Для цитирования: Шугаева Е. Н. Функциональный аспект студенческого жаргона // Евразийский гуманитарный журнал. 2024. № 1. С. 19–26.

Original article

FUNCTIONAL ASPECT OF STUDENT JARGON

Ekaterina N. Shugaeva

Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev, Astrakhan, Russia, shugaeva-katerina@mail.ru

Abstract. Currently, there is a growing interest in the study of substandard vocabulary, as substandard lexical units permeate all spheres of language. Researchers have become particularly interested in jargon, especially student jargon. The interest of researchers has especially increased in jargon, in particular in student jargon. Student jargon is one of the most striking and widespread linguistic phenomena among young people. This is a special language that is formed in the student environment and is distinguished by a number of unique expressions, words and phrases. This linguistic phenomenon not only has an entertaining function, but also reflects the specifics of student life, its values and problems. It differs from the generally accepted Russian language in its substandard expressions and phraseological units, which are understandable and used exclusively among students. This article is a study devoted to the analysis of the characteristics and features of the language used by students in everyday communication, describes the various functions of student jargon such as codifying, communicative, cognitive, nominative, expressive, ideological, esoteric and time-saving functions. These functional aspects play an important role in the process of communication between students, help strengthen group identity and create a sense of belonging to a particular social group, are used for hidden communication or transfer of confidential information, and form a picture of the world. Each of the mentioned functions has a specific area of application and influences the process of assimilation of substandard lexical units in student jargon. A more detailed description of each of these functions will help to systematically and comprehensively study and analyze the phenomenon of substandard lexical units of student jargon.

Keywords: student jargon, function, communication, nomination, codification.

For citation: Shugaeva E. N. Functional aspect of student jargon. Eurasian Humanitarian Journal. 2024;1:19-26. (In Russ.).

Введение

В настоящее время высок интерес к изучению всех категорий субстандарта, но особое внимание уделяется таким категориям, как жаргон и сленг. Несмотря на ряд исследований, вопрос о терминологической точности данного понятия остается дискуссионным, и разные авторы дают разные толкования термину «жаргон». Проанализировав имеющиеся толкования, можно сделать вывод о том, что жаргон – это своеобразный условный язык обособленной социальной группы.

Большое внимание уделяется исследованию именно студенческого жаргона. Студенческий жаргон – это один из видов профессионального жаргона, он является непременным элементом субкультуры студентов, отражающим их общение, ценности и образ жизни [Савилова 2015: 739]. Он представляет собой специфическую лингвистическую систему, насыщенную сленговыми выражениями, метафорами и аббревиатурами, которые часто не имеют нормированного выражения в официальном языке.

Актуальность исследования студенческого жаргона обусловлена несколькими факторами. Во-первых, данный языковой феномен отражает особенности общения и культуры молодежи. Студенты используют жаргон для выражения своего стиля, идентичности и принадлежности к определенной группе. Кроме того, студенческий жаргон является средством общения и взаимодействия между студентами, что способствует формированию сообщества и коллектива.

Во-вторых, изучение студенческого жаргона позволяет лучше понять особенности мировоззрения и ценностей молодежи. Через исследование жаргона и лингвистических особенностей студенческого языка можно выявить темы, которые актуальны для студентов, их отношение к различным явлениям и объективной действительности. Кроме того, изучение

студенческого жаргона имеет практическую значимость. Понимание особенностей языка студентов помогает лучше понять молодежную аудиторию, строить эффективное общение и взаимодействие с ней. Поэтому актуальность исследования студенческого жаргона неоспорима и имеет большое значение для лингвистики, социологии и педагогики [Редкозубова 2014: 31].

Основная часть

В проанализированных нами исследованиях субстандартных лексических единиц, в частности в сфере студенческого жаргона, на первый план выходит изучение функционального аспекта употребления в речи данных единиц. Изучением данного вопроса занимались такие видные лингвисты как О. Е. Андросова [Андросова: эл. ресурс], Н. С. Иванова [Иванова 2007, 2007а].

Однако, несмотря на значительный интерес к проблеме функционального аспекта, ученые не пришли к единому мнению относительно функций, которые данные субстандартные лексические единицы выполняют в речи. Среди основных составляющих функционального аспекта выделяют следующие функции: кодифицирующая, коммуникативная, когнитивная, номинативная, экспрессивная, мировоззренческая, эзотерическая и функция экономии времени [см., например, Андросова эл. ресурс; Иванова 2007, 2007а; Кулакова 2016 и др.].

Одной из основных задач студенческого жаргона является формирование и поддержание сплоченности студенческой группы. Использование уникальных выражений, фраз и шуток помогает создать своеобразный «языковой код» между участниками этой субкультуры. Таким образом, студенты могут чувствовать себя частью сообщества, имеющего свои тайные знаки и символы [Алимов 2017: 606]. Кроме того, студенческий жаргон выполняет важную роль в процессе социализации новичков – первокурсников. Приобщение к определённым выражениям и оборотам помогает новичкам быстрее влиться в коллектив и понять его ценности и нормы поведения.

Обучение «языку» студенческого сообщества может быть ключевым элементом успешной адаптации на университетском поприще. Более того, использование уникальных терминов и фраз может служить способом демонстрации интеллектуального превосходства или принадлежности к определённой интеллектуальной элите. Способность понимания и использования сложных или необычных языковых конструкций может быть признана как признак высокого уровня образованности или интеллекта.

Можно заключить, что кодифицирующая функция студенческого жаргона играет значительную роль в формировании культурного единства студентов, а также способствует социализации новых членов сообщества. Важно понимать значение этого специфического языка для поддержания коллективного духа и разнообразия культурно-языковых аспектов среди академической молодежи [Глеужанова 2014: 118].

Второй по значимости, согласно мнению исследователей, является коммуникативная функция. Данная функция играет важную роль в процессе общения между студентами. Используя жаргонные выражения и фразы, студенты могут легко понимать друг друга, выражать свои мысли и эмоции с помощью специфических терминов, которые зачастую не понятны людям находящимся за пределами данного сообщества. Студенческий жаргон

также выполняет функцию средства социального присоединения. Обладая необходимыми знаниями использования жаргонных лексических единиц, коммуниканты ощущают принадлежность к определенной группе или сообществу. Это способствует формированию групповой идентичности, укреплению дружеских связей между студентами и облегчает процесс адаптации новых членов к коллективу [Касумова 2019: 63].

Основной задачей студенческого жаргона является развитие коммуникативных навыков студентов. Частое использование специфических терминов и выражений помогает им расширить словарный запас, научиться быстрее переключаться на различные регистры общения и улучшить навыки самопрезентации. Благодаря жаргонному обороту можно также передать сложные концепции или эмоциональные оттенки без лишних пояснений. Помимо этого, студенческий жаргон может использоваться для достижения определенных целей в общении. Например, при необходимости подчеркнуть свою принадлежность к определенной социокультурной группе или произвести впечатление на окружающих путем оригинального использования языковых единиц.

Можно отметить, что коммуникативная функция студенческого жаргона имеет важное значение как для развития лингвистических навыков студентов, так и для формирования дружественной атмосферы в коллективе. Использование жаргона помогает не только эффективно общаться друг с другом, но и создавать особую атмосферу коллектива, способствующую успешной учебе и развитию личности каждого члена группы.

Третьей по значимости согласно мнению исследователей является когнитивная функция, способствующая формированию специфической модели мира у его носителей. Используя определенные термины и фразы, люди создают своеобразную картину мира, которая помогает им интерпретировать окружающую действительность. Студенческий жаргон также способствует формированию социокультурных стереотипов и представлений. Используя определенные термины, люди, принадлежащие к одной социальной группе, могут выражать свою принадлежность к определенной социальной категории или отличие от других [Файзиева 2016: 38].

Кроме того, жаргонные лексические единицы могут оказывать влияние на когнитивные процессы индивидуума через активацию эмоционального компонента. Использование забавных или нестандартных слов может вызывать положительные эмоции у собеседников и способствовать запоминанию информации.

Таким образом, жаргонные лексические единицы выполняют различные функции в коммуникации и когнитивном плане. Они не только помогают формированию специфической модели мира и социокультурных стереотипов, но также оказывают влияние на эмоциональное состояние людей и помогают им запоминать информацию [Иванова 2007: 122]. Когнитивная функция жаргонных лексических единиц проявляется в том, что многие термины в жаргоне содержат дополнительную информацию, которая отсутствует в обычных терминах, и через это отражают дополнительные аспекты окружающего мира. Среди исследователей нет единого понимания названия данной функции, многие называют ее мировоззренческой [Билько 2016: 118].

Четвертой составляющей функционального аспекта является номинативная функция. Номинативная функция в жаргоне играет важную роль в формировании и передаче специфической лексики, характерной для определенных социокультурных групп. Основным

назначением номинативной функции в студенческом жаргоне является присвоение новых значений уже существующим словам или создание совершенно новых терминов для обозначения уникальных предметов, действий или явлений. Номинативная функция <...> является базовой при формировании прагматического значения лексических единиц студенческого жаргона, так как именно базовые семантические характеристики заложены в основу номинации определяют ядро значения любой субстандартной лексической единицы в общем и субстандартной лексической единицы студенческого жаргона в частности [Черенкова 2019: 246].

Важным аспектом номинативной функции в жаргоне является его динамичность и изменчивость. Словарь жаргона постоянно обновляется и расширяется под воздействием различных факторов: социокультурных изменений, технологического прогресса, моды и других переменных. Это делает студенческий жаргон актуальным и адаптированным к текущей ситуации.

Пятой составляющей функционального аспекта студенческого жаргона является экспрессивная функция. Данная функция позволяет студентам выражать свои эмоции, чувства, отношение к окружающей действительности с помощью специфических слов и выражений. В рамках экспрессивной функции студенческого жаргона можно выделить несколько аспектов. Во-первых, использование жаргона позволяет студентам создавать близкий и доверительный контакт друг с другом. Общее знание и использование специфических терминов и фраз помогает установить общий языковой кодекс, который объединяет студентов в сообщество со своими правилами и нормами. Во-вторых, экспрессивная функция студенческого жаргона позволяет обозначать эмоциональные состояния более точно [Невзорова 2016: 96].

Экспрессивная функция студенческого жаргона играет значимую роль в формировании лингвистической культуры среди молодежных группировок. Она не только помогает передавать эмоции и чувства более точно и индивидуально, но также способствует установлению доверительных отношений между представителями данной социальной группы. При этом важно помнить о необходимости соблюдения меры при использовании жаргонных элементов для избегания возможных конфликтных ситуаций и недопонимания со стороны окружающих [Кулакова 2016: 96; см. также Кудинова 2010; Редкозубова 2014; Савилова 2015].

Шестой составляющей функционального аспекта студенческого жаргона является эзотерическая функция. Следует отметить согласно некоторым исследованиям, данная функция являлась религиозной составляющих жаргонных языковых единиц во времена язычества. С приходом христианства и изменением религиозной нормы лексические единицы, которые использовались во времена язычества были отнесены к разряду субстандартных лексических единиц. Таким образом эзотерическая функция может быть связана с языческими временами [Андросова эл. ресурс]. Однако другая группа исследователей придерживается того мнения, что эзотерической функцией студенческого жаргона является его способность передавать скрытые значения и послания. Некоторые слова или выражения могут иметь неоднозначный смысл или отсылать к конкретным событиям или людям в рамках университетской жизни.

Таким образом, посредством использования студенческого жаргона коммуниканты могут общаться на уровне более глубокого понимания и не допускать передачу информации непосвященным лицам. Кроме того, студенческий жаргон часто используется для защиты от

посторонних или внешнего мира. При помощи специальных кодовых слов или жаргонизмов студенты могут оградить себя от окружающей реальности и создать свой закрытый мир внутри академической группы. Это помогает им сохранить индивидуальность и автономию в условиях повседневной рутины учебного процесса.

Следующей функцией студенческого жаргона является функция экономии времени. Студенческая жизнь часто ассоциируется с нехваткой времени и постоянным стремлением к оптимизации своего расписания. В этом контексте функция экономии времени играет важную роль, позволяя студентам успешно управлять своими делами и достигать поставленных целей. Однако для многих молодых людей это понятие приобретает особый оттенок в студенческом жаргоне, где сочетание быстроты выполнения задач и эффективности действий является ключевым элементом успеха [Чиркова 2019: 17]. Студенческий жаргон также содержит специальные фразы и аббревиатуры, которые помогают сэкономить время при общении между коллегами.

Таким образом, функция экономии времени в студенческом жаргоне не только отражает осознание значимости каждой минуты, но также способствует развитию эффективных стратегий управления временем.

Заключение

Исходя из вышеизложенного следует отметить что, функциональный аспект студенческого жаргона является комплексной категорией и включает функции, среди которых выделяются следующие: кодифицирующая, коммуникативная, когнитивная, номинативная, экспрессивная, мировоззренческая, эзотерическая и функция экономии времени. Каждая из вышеперечисленных функций имеет определённую сферу применения и влияет на процесс ассимиляции субстандартных лексических единиц в студенческом жаргоне. Описание данных функций поможет более структурированно и комплексно изучить и охарактеризовать феномен субстандартных лексических единиц студенческого жаргона.

Список литературы

1. Алимов Г. Ю. Молодежный сленг и разговорная речь в современной лингвистике // Молодой ученый. 2017. № 12. С. 606–608.
2. Андросова О. Е. Студенческий жаргон как лингвосоциопсихологическое исследование // Стирая грани. URL: http://sodmu.narod.ru/t_and.htm (дата обращения: 15.10.2023).
3. Билько Н. В., Кони́на Н. А. Исследование молодежного сленга как лингвистического феномена в языках России и современной Европы // Наука и образование в современном мире: Сборник научных трудов по материалам международной (заочной) научно-практической конференции (19–22 апреля 2016 г.). Мценск : Мир науки, 2016. С. 118–126.
4. Иванова Н. С. Язык молодежи и его субкультурная природа // Известия Уральского государственного университета. 2007. № 50. С. 122–128.
5. Иванова Н. С. Язык молодежи и его молодежная природа // Известия Уральского государственного университета. 2007. № 50. Серия «Проблемы образования, науки и культуры». Вып. 21. С. 122–129.
6. Касумова М. Ю. Молодежный сленг как компонент молодежного дискурса // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2019. № 7. С. 63–65.

7. Кудинова Н. А. Функциональный аспект языка молодёжной субкультуры начала XXI века : дис.... канд. филол. наук. Курск, 2010. 184 с.
8. Кулакова К. В. Функции молодежного сленга // Вестник научных конференций. 2016. № 4-3(8). С. 81–83.
9. Невзорова М. С. Нестандартная лексика в профессиональном общении // Вестник Волгоградского государственного университета. 2016. № 2(16). С. 96–100.
10. Редкозубова Е. А. Сленг в современном коммуникативном пространстве: дискурсивные практики : автореф. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2014. 31 с.
11. Савилова С. Л. Студенческий жаргон как компонент формирования речевой компетенции студентов-билингвов (иноязычная лексика) // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 5–4. С. 739–741.
12. Тлеужанова А. К. Особенности студенческого жаргона // Филология и лингвистика в современном обществе : сб. науч. трудов. М. : Буки-Веди, 2014. С. 114–118.
13. Файзиева Г. В. Изучение молодежного сленга: основные подходы, проблематика и направления // Гуманитарные исследования. 2016. № 2 (58). С. 38–44.
14. Черенкова Д. И. Молодежный сленг: положительное и отрицательное влияние на сознание и речь подростка // Наука и инновации в XXI веке: актуальные вопросы, открытия и достижения : Сборник статей XIII Международной научно-практической конференции (20–21 мая 2019 г.). Пенза : Наука и Просвещение, 2019. С. 246–249.
15. Чиркова В. М. Функциональные особенности русского молодежного сленга // Региональный вестник. 2019. № 7(22). С. 17–18.

References

1. Alimov G. Ju. Molodezhnyj sleng i razgovornaja rech' v sovremennoj lingvistike [Youth slang and colloquial speech in modern linguistics]. *Molodoy uchenyj* [Young scientist]. 2017, no. 12, pp. 606-608. (In Russ.).
2. Androsova O. E. Studencheskij zhargon kak lingvosociopsihologicheskoe issledovanie [Student jargon as a linguo-sociopsychological study]. *Stiraja grani* [Erasing the edges]. (In Russ.). Available at: http://sodmu.narod.ru/t_and.htm (accessed: 15.10.2023).
3. Bil'ko N. V., Konina N. A. Issledovanie molodezhnogo slenga kak lingvisticheskogo fenomena v jazykah Rossii i sovremennoj Evropy [Study of youth slang as a linguistic phenomenon in the languages of Russia and modern Europe]. *Nauka i obrazovanie v sovremennom mire* [Science and education in the modern world]. Mcensk, Mir nauki Publ., 2016, pp. 118-126. (In Russ.).
4. Ivanova N. S. Jazyk molodezhi i ego subkul'turnaja priroda [The language of youth and its subcultural nature]. *Izvestija Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta* [News of the Ural State University]. 2007, no. 50, pp. 122-128. (In Russ.).
5. Ivanova N. S. Jazyk molodezhi i ego molodezhnaja priroda [The language of youth and its youth nature]. *Izvestija Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta* [News of the Ural State University]. 2007, no. 50, iss. 21, pp. 122-129. (In Russ.).
6. Kasumova M. Ju. Molodezhnyj sleng kak komponent molodezhnogo diskursa [Youth slang as a component of youth discourse]. *Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk* [Current problems in the humanities and natural sciences]. 2019, no. 7, pp. 63-65. (In Russ.).
7. Kudinova N. A. Funkcional'nyj aspekt jazyka molodjozhnoj subkul'tury nachala XXI veka [Functional aspect of the language of the youth subculture of the early 21st century]. PhD thesis. Kursk, 2010, 184 p. (In Russ.).
8. Kulakova K. V. Funkcii molodezhnogo slenga [Functions of youth slang]. *Vestnik nauchnyh konferencij* [Bulletin of scientific conferences]. 2016, no. 4-3(8), pp. 81-83. (In Russ.).

9. Nevzorova M. S. Nestandardnaja leksika v professional'nom obshhenii [Non-standard vocabulary in professional communication]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Volgograd State University]. 2016, no. 2(16), pp. 96-100. (In Russ.).

10. Redkozubova E. A. Sleng v sovremennom kommunikativnom prostranstve: diskursivnye praktiki [Slang in the modern communication space: discursive practices]. PhD dissertation abstract. Rostov-on-Don, 2014, 31 p. (In Russ.).

11. Savilova S. L. Studencheskij zhargon kak komponent formirovanija rechevoj kompetencii studentov-bilingvov (inojazychnaja leksika) [Student jargon as a component of the formation of speech competence of bilingual students (foreign language vocabulary)]. *Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnyh i fundamental'nyh issledovanij* [International Journal of Applied and Basic Research]. 2015, no. 5-4, pp. 739-741. (In Russ.).

12. Tleuzhanova A. K. Osobennosti studencheskogo zhargona [Features of student jargon]. *Filologija i lingvistika v sovremennom obshhestve* [Philology and linguistics in modern society]. Moscow, Buki-Vedi Publ., 2014, pp. 114-118. (In Russ.).

13. Fajzieva G. V. Izuchenie molodezhnogo slenga: osnovnye podhody, problematika i napravlenija [Studying youth slang: main approaches, issues and directions]. *Gumanitarnye issledovanija* [Humanities studies]. 2016, no. 2 (58), pp. 38-44. (In Russ.).

14. Cherenkova D. I. Molodezhnyj sleng: polozhitel'noe i otricatel'noe vlijanie na soznanie i rech' podrostantka [Youth slang: positive and negative influence on the consciousness and speech of a teenager]. *Nauka i innovacii v XXI veke: aktual'nye voprosy, otkrytija i dostizhenija* [Science and innovation in the 21st century: current issues, discoveries and achievements]. Penza, Nauka i Prosveshhenie Publ., 2019, pp. 246-249. (In Russ.).

15. Chirkova V. M. Funkcional'nye osobennosti russkogo molodezhnogo slenga [Functional features of Russian youth slang]. *Regional'nyj vestnik* [Regional newsletter]. 2019, no. 7(22), pp. 17-18. (In Russ.).

Информация об авторе

И. Н. Шугаева – аспирант,

*кафедра английского языка и профессиональных коммуникаций,
Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева.*

Information about the author

I. N. Shugaeva – Postgraduate Student,

*Department of English and Professional Communications,
Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev.*

Статья поступила в редакцию 12.12.2023; одобрена после рецензирования 25.12.2023; принята к публикации 10.01.2024.

The article was submitted 12.12.2023; approved after reviewing 25.12.2023; accepted for publication 10.01.2024.

Евразийский гуманитарный журнал. 2024. № 1. С. 27–33.

Eurasian Humanitarian Journal. 2024. No. 1. P. 27-33.

Научная статья

УДК 811.161.1'28

СУБСТАНДАРТНЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ, РЕПРЕЗЕНТИРУЮЩИЕ ОБРАЗ «ЧУЖОЙ» (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕЛЕСЕРИАЛА «БАНДИТСКИЙ ПЕТЕРБУРГ»)

Анна Николаевна Трофимова

Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, Астрахань, Россия,
anutkatrofimova@yandex.ru

Аннотация. Изучение образа «чужой» в лингвистике связано с анализом языковых средств, которые используются для выражения этого образа, а также с рассмотрением культурных и социальных факторов, влияющих на восприятие «чужого». Категория «чуждости» изучается исследователями различных областей научного знания: философами, литературоведами, культурологами, лингвистами. Исследование образа «чужой» в лингвистике может помочь понять влияние языка на формирование отношений между различными культурами и сообществами, а также способствовать развитию взаимопонимания. В настоящей статье анализируются лексические средства репрезентации образа «чужой» средствами криминального жаргона на материале лексики телевизионного сериала «Бандитский Петербург». Образ «чужой» в современном медиадискурсе является одним из важных аспектов, который отражает сложные социокультурные и политические процессы в обществе. Автор анализирует лексические единицы, используемые в криминальной среде и создающие исследуемый образ, представленные в первом сезоне телевизионного сериала «Бандитский Петербург». Для достижения целей исследования были использованы: лексикографический метод отбора лексических единиц на основе сплошной выборки, метод дефиниционного анализа. Для исследования было отобрано 328 лексических единиц. Исследование, направленное на выявление особенностей использования криминального жаргона, подтверждает проникновение субстандартной лексики в литературный язык.

Ключевые слова: субстандарт, криминальный жаргон, образ «чужой», криминальная субкультура, лексическая единица.

Для цитирования: Трофимова А. Н. Субстандартные лексические единицы, репрезентирующие образ «чужой» (на материале телесериала «Бандитский Петербург») // Евразийский гуманитарный журнал. 2024. № 1. С. 27–33.

Original article

SUBSTANDARD LEXICAL UNITS REPRESENTING THE IMAGE OF A "STRANGER" (BASED ON THE MATERIAL OF THE TV SERIES "BANDITSKY PETERSBURG")

Anna N. Trofimova

Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev, Astrakhan, Russia,
anutkatrofimova@yandex.ru

Abstract. The study of the image of a "stranger" in linguistics is associated with the analysis of the linguistic means that are used to express this image, as well as with the consideration of cultural and social factors affecting the perception of a "stranger". The category of "strangeness" is studied by researchers in various fields of scientific knowledge: philosophers, literary critics, cultural scientists, linguists. The study of the image of a "stranger" in linguistics can help to understand the influence of language on the formation of relations between different cultures and communities, as well as contribute to the development of mutual understanding. This article analyzes the lexical means of representing the image of a "stranger" by means of criminal jargon based on the vocabulary of the television series "Banditsky Petersburg". The image of a "stranger" in modern media discourse is one of the important aspects that reflects the complex socio-cultural and political processes in society. The author analyzes the lexical units used in the criminal environment and creating the image under study, presented in season 1 of the television series "Banditsky Petersburg". To achieve the objectives of the study, the following were used: a lexicographic method of selecting lexical units based on a continuous sample, a method of definitional analysis. 328 lexical units were selected for the study. A study aimed at identifying the features of the use of criminal jargon indicates the penetration of substandard vocabulary into the language.

Keywords: substandard, criminal jargon, the image of a "stranger", criminal subculture, lexical unit.

For citation: Trofimova A. N. Substandard lexical units representing the image of a "stranger" (based on the material of the TV series "Banditsky Petersburg"). Eurasian Humanitarian Journal. 2024;1:27-33. (In Russ.).

Введение

Конец XX в. в нашей стране ознаменовался серьёзными переменами в социальной, культурной и политической жизни. Изменения, происходящие в обществе, коснулись и языка. Криминализация некоторых сфер общества, а также отсутствие цензуры повлекли за собой проникновение субстандартной лексики не только в бытовую коммуникацию, но и в сферы общественной жизни, где использование такого рода лексики ранее было неприемлемо. Лексические единицы, прежде входящие в состав жаргона уголовников, стали использоваться не только в речи подростков, для которых использование данной лексики является показателем «взрослости» и средством самоутверждения [Файзиева 2016: 40], но и в речи политиков, журналистов, чиновников. Вопрос уместности употребления данных лексических средств вне криминальных сообществ довольно остро стоит в современном научном сообществе. Ряд ученых (Е. В. Гнусина и др.) считают этот процесс закономерным следствием развития современного общества [Гнусина 2006: 54].

Однако более распространенной в научных кругах остается точка зрения о недопустимости употребления субстандартных выражений. Нельзя не согласиться с Т. А. Кудиновой в том, что «развитый национальный язык не может быть «монолитным», он представляет собой «систему систем (Г. Гийом)», которая формируется в зависимости от законов взаимодействия языка и культуры, а также от принципов развития конкретного национального общества [Кудинова 2011]. Изучение языкового субстандарта, как следствия корреляции языка, национальной культуры и субкультуры, дает возможность по-новому

оценить языковую картину мира, присущую представителям различных субкультур. В настоящее время в лингвистической науке не существует единого мнения, какие языковые явления относить к субстандарту. Мы в нашем исследовании под субстандартом понимаем некодифицированную, нелитературную подсистему языка. Изучение криминального жаргона вызывает большой интерес у исследователей. Ранее мы писали об исследованиях криминального жаргона с лингвистической точки зрения такими исследователями как Д. С. Лихачев, М. А. Грачев, В. Б. Быков, А. А. Елистратов и многими другими [см., Трофимова 2022: 122; 2023]. Известный криминалист Ю. П. Дубягин является автором «Толкового словаря уголовных жаргонов» [Дубягин 1991].

Очевидно, что криминальный жаргон вызывает научный интерес не только у лингвистов, но и у ученых из различных научных областей. В рамках антропоцентрического подхода в лингвистике все большую актуальность приобретает рассмотрение образов в языке. С позиций данного подхода личность находится в центре исследований, проводимых в лингвистической науке. В последнее время все больший интерес исследователей вызывает образ «чужого», который является предметом исследований многих лингвистов [Андрющенко 2011; Арекеева 2022, 2023]. Несмотря на большое количество исследований, посвященных данному образу, практически все они рассматривают его в литературном языке. Считаем, что тема нашего исследования является актуальной. Образ «чужого» и отношение к нему выявляет уровень развития общества, специфику культуры общества. Отношение к «чужому» в криминальной субкультуре, показывает анализ наименований сотрудника правоохранительных органов, поскольку представители правоохранительных органов, априори являются «чужими» для криминального сообщества.

Категория «чужой» является объектом исследований ученых различных областей: философии, культурологии, психологии, лингвистики. «Чужими» для представителей криминального мира априори считаются представители правоохранительных органов [Шалагин 2016: 38]. В нашем исследовании под «чужим» мы понимаем все, что не является своим и не соответствует взглядам и духу. Поведение «чужого» противоречит традициям, принятым в обществе [Андрющенко 2011: 167], в нашем исследовании противоречит обычаям криминального сообщества. При описании образа «чужой», можно выделить категорию «не совсем чужого» – «другого». Объектом исследования является лексика телесериала «Бандитский Петербург».

Предмет исследования – субстандартные лексические средства репрезентации образа «чужой». Материалом исследования послужили субстандартные лексические единицы криминального жаргона, репрезентирующие образ «чужой», отобранные методом сплошной выборки в первом сезоне телевизионного сериала «Бандитский Петербург». Выборка составила 328 лексических единиц. Цель работы заключается в выявлении и описании лексических средств криминального жаргона, репрезентирующих образ «чужой» в телесериале «Бандитский Петербург».

Основная часть

Телевизионный сериал «Бандитский Петербург» вышел на экраны в начале нулевых. Фильм был снят по произведениям известного писателя Андрея Константинова. Фильм имел большой успех у зрителей, о чем говорит тот факт, что в течение нескольких лет на экран

выходили новые эпизоды. Телесериал перенасыщен субстандартными лексическими единицами. Этим обусловлен выбор объекта нашего исследования. Нами было отобрано 328 лексических единиц криминального жаргона, из них 41 лексическая единица, представляющая образ «чужой». Можем предположить, что такое количество субстандартной лексики являлось художественным средством создания на экране образа преступника, однако жаргонизмы в речи используют не только герои-уголовники. «А тот, кто эту хату ставил?», «Моя бы воля, я бы каждого урку мочил лично». «Если готовили подставу, домой тоже нельзя». Первые две реплики принадлежат не представителям преступного мира, а сотрудникам правоохранительных органов. Вторая реплика принадлежит журналисту. Мы акцентируем внимание на репликах героев сериала, репрезентирующих образ «чужой», как отражение данного образа в русской лингвокультуре. Собранный материал был распределен по тематическим группам на основе одного семантического компонента. Лексические средства, репрезентирующие образ «чужой» мы разделили по следующим тематическим группам: представители правоохранительных органов; предатели; подозрительные лица, не заслуживающие доверия; жертвы преступления.

Наиболее репрезентативной является тематическая группа, в которой даются наименования представителям правоохранительных органов. Тематическая группа содержит наибольшее количество лексических единиц – 11 (27 %). В группу входят лексемы-наименования сотрудников правоохранительных органов: «начальник», «мент», «мусор», «пес», «легалый» и др. Все лексические единицы использованы в словарном значении. Практически все лексемы данной группы обладают негативной коннотацией.

Следующая по актуальности тематическая группа – подозрительные и не заслуживающие доверия лица. Тематическая группа включает 8 субстандартных лексических единиц (19,5 %). Для номинации подобных лиц используются такие субстандартные лексические единицы как «фуфло», «гнида», «фазан» и др. Лексические единицы также употреблены в своем словарном значении. Все они обладают негативной коннотацией. Эпитеты, употребленные с данными лексическими единицами, усиливают негативную коннотацию: «карга горбатая», «крот мутный». Анализируя лексические единицы этой тематической группы, было установлено, что пять лексических единиц из восьми относятся к категории зоонимов. Это позволяет, вслед за Е. В. Метельской и Г. В. Рябичкиной сделать вывод о том, что зоонимы «содержат обширный пласт оценочных номинаций», в нашем исследовании преимущественно отрицательных [Метельская, Рябичкина 2011].

Следующую тематическую группу представляют единицы, которые вошли являются субстандартными лексическими единицами, номинирующими лица, отличающиеся половозрастными признаками. В данную группу вошло пять лексических единиц (12 %) такие как: «телка», «шкурка», «пацан», «старый хрен», «соска». Лексические единицы употреблены в соответствии с их значением в словарях субстандартной лексики. Стоит отметить, что все лексические единицы, номинирующие лица женского пола, имеют отрицательную коннотацию.

Тематическая группа «предатель». Тематическая группа включает четыре лексические единицы (7,3 %): «с**а» и производные от нее (сученок), «стукачек», «цветной». Исследуемые лексические единицы употреблены в соответствии с их лексическим значением в лексикографических источниках. Несмотря на то, что большинство лексических единиц

этой группы употреблено с уменьшительно-ласкательными суффиксами, коннотация у данных лексем отрицательная. К этой же тематической группе мы отнесли лексему «*падла*». Лексема имеет крайне отрицательную коннотацию и относится к категории инвективной лексики.

Следующая тематическая группа – жертва преступления. В тематическую группу включено три лексемы: «*фраер*», «*клиент*», «*лох*». Значение лексических единиц в контексте соответствует их значению в словарях субстандартной лексики. Коннотация исследуемых лексем – отрицательная. Несколько лексических единиц мы включили в отдельную группу, в которую вошли несколько лексических единиц. Лексемы, включенные в данную группу, являются крайне оскорбительными в преступной среде. Лексическая единица «*козел*» в словарях субстандартной лексики имеет несколько значений, которые можно использовать по отношению к человеку: *доносчик, недруг, проданный; гомосексуалист*. Лексическая единица употреблена в соответствии с первым значением, однако второе значение придает исследуемой лексеме крайне отрицательную коннотацию. В криминальных кругах слово «*козел*» является выражением пренебрежения.

Следующая лексема, отнесенная нами к группе оскорблений, это лексема «*обиженный*» также имеет несколько значений: *пассивный гомосексуалист, всеми презираемый и унижаемый; вор, потерявший авторитет и преследуемый другими ворами; заключенный с которым насильно совершили акт мужеложества*. Данная лексическая единица обладает резко отрицательной коннотацией, в телесериале употреблена в первом значении. Использование такого рода слов говорит о желании оскорбить собеседника и выразить ему свое пренебрежение.

Заключение

Таким образом, проанализировав субстандартные лексические единицы, относящиеся к криминальному жаргону и репрезентирующие образ «чужой» в телевизионном сериале «Бандитский Петербург», мы пришли к следующим выводам: употребленные выражения, имеющие отношение к криминальному жаргону, за исключением нескольких лексических единиц, понятны зрителю. Данный факт говорит о проникновении средств субстандартного лексического фонда, в частности, криминального жаргона, в широкие зрительские круги; категории чуждости, представленные в толковых стандартных словарях не полностью соответствуют категориям чуждости в криминальной субкультуре; в криминальной субкультуре «чужим» в первую очередь является сотрудник правоохранительных органов; отмечается различная степень наполняемости групп; оценочный компонент преимущественно отрицательный, большинство слов не являются нецензурными, однако носят бранный характер.

Список литературы

1. Андриющенко Е. А. Средства репрезентации образа «Чужого» в экономическом дискурсе (на материале британских СМИ) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2011. № 1(13). С. 166–171.
2. Ареева Ю. Е. «СВОИ» и «ЧУЖИЕ» в круге общения человека (на примере китайских чэньюй) // Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. № 7. С. 41–50.

3. Арекеева Ю. Е. Философское осмысление оппозиции «СВОЙ – ЧУЖОЙ» // Евразийский гуманитарный журнал. 2023. № 2. С. 31–38.
4. Гнусина Е. В. Сравнительный анализ современного французского просторечия и современного русского просторечия (на материале современной художественной литературе и других источников) : дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 207 с.
5. Кудинова Т. А. Языковой субстандарт: социолингвистические, лингвокультурологические и лингвопрагматические аспекты интерпретации : дисс. ... д. филол. наук. Нальчик, 2011.
6. Трофимова А. Н., Файзиева Г. В. Междисциплинарность категории «чужой» как основа лингвистического образа «чужой» в английском и русском языках // Евразийский филологический вестник. 2023. № 3(3). С. 121–136.
7. Трофимова А. Н. К вопросу о предпосылках изучения уголовного жаргона // Язык и межкультурная коммуникация : Сборник статей XV Международной научно-практической конференции, Астрахань, 12 октября 2022 года. Астрахань : Астраханский государственный университет, 2022. С. 375–381.
8. Файзиева Г. В. Изучение молодёжного сленга: основные подходы, проблематика и направления // Гуманитарные исследования. 2016. № 2(58). С. 38–44.
9. Шалагин А. Е. Криминологическая характеристика лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. № 4(26). С. 36–39.

Список словарей

1. Большой словарь русского жаргона / Под ред. В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитиной. СПб. : «Норинт», 2001.
2. Дубягин Ю. П. Толковый словарь уголовных жаргонов. М. : СП «Интер-ОМНИС» : СП «РОСМОС», 1991.
3. Метельская Е. В., Рябичкина Г. В. Словарь субстандартной лексики (жаргон, арг, сленг) русского и английского языков. Зоонимы. Астрахань : Сорокин Роман Васильевич, 2011. 156 с.
4. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Словарь русского языка. М. : Русский язык, 1990.

References

1. Andrjushhenko E. A. Sredstva reprezentacii obraza "Chuzhogo" v jekonomicheskom diskurse (na materiale britanskih SMI) [Means of representing the image of the “Alien” in economic discourse (based on the material of the British media)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Volgograd State University]. 2011, no. 1(13), pp. 166-171. (In Russ.).
2. Arekeeva Ju. E. «SVOI» i «ChUZhIE» v krugе obshhenija cheloveka (na primere kitajskih chjen#juj) [“OUR OWN” and “ALIENS” in a person’s social circle (using the example of Chinese Chengyu)]. *Gumaniatryne issledovanija. Istorija i filologija* [Humanities research. History and philology]. 2022, no. 7, pp. 41-50. (In Russ.).
3. Arekeeva Ju. E. Filosofskoe osmyslenie oppozicii «SVOJ - ChUZhOJ» [Philosophical understanding of the opposition “OUR OWN - ALIEN”]. *Evrazijskij gumanitarnyj zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal]. 2023, no. 2, pp. 31-38. (In Russ.).
4. Gnusina E. V. Sravnitel'nyj analiz sovremennogo francuzskogo prostorechija i sovremennogo russkogo prostorechija (na materiale sovremennoj hudozhestvennoj literature i drugih istochnikov) [Comparative analysis of modern French vernacular and modern Russian vernacular (based on modern fiction and other sources)]. PhD thesis. Moscow, 2006, 207 p. (In Russ.).

5. Kudinova T. A. Jazykovej substandart: sociolingvističeskie, lingvokul'turologičeskie i lingvopragmatičeskie aspekty interpretacii [Language substandard: sociolinguistic, linguoculturological and linguopragmatic aspects of interpretation]. Doctoral dissertation. Nal'chik, 2011. (In Russ.).

6. Trofimova A. N., Fajzieva G. V. Mezhdisciplinarnost' kategorii «chuzhoj» kak osnova lingvističeskogo obraza «chuzhoj» v anglijskom i rusском jazykah [Interdisciplinarity of the category “alien” as the basis of the linguistic image of “alien” in English and Russian languages]. *Evrazijskij filologičeskij vestnik* [Eurasian Philological Bulletin]. 2023, no. 3(3), pp. 121-136. (In Russ.).

7. Trofimova A. N. K voprosu o predposylkah izučeniya ugolovnogo zhargona [On the issue of prerequisites for studying criminal jargon]. *Jazyk i mezchkul'turnaja kommunikacija* [Language and intercultural communication]. Astrahan, Astrahanskij gosudarstvennyj universitet Publ., 2022, pp. 375-381. (In Russ.).

8. Fajzieva G. V. Izučenie molodjožnogo slenga: osnovnye podhody, problematika i napravlenija [Studying youth slang: main approaches, issues and directions]. *Gumanitarnye issledovanija* [Humanities studies]. 2016, no. 2(58), pp. 38-44. (In Russ.).

9. Šalagin A. E. Kriminologičeskaja harakteristika lica, zanimajuščego vysshee položenie v prestupnoj ierarhii [Criminological characteristics of a person occupying a higher position in the criminal hierarchy]. *Vestnik Kazanskogo juridičeskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. 2016, no. 4(26), pp. 36-39. (In Russ.).

List of dictionaries

1. Bl'shoj slovar' ruskogo zhargona [Large dictionary of Russian jargon]. Ed. V. M. Mokieńko, T. G. Nikitina. Saint Petersburg, Norint Publ., 2001. (In Russ.).

2. Dubyagin Ju. P. Tolkovyy slovar' ugolovnykh zhargonov [Explanatory dictionary of criminal jargons]. Moscow, SP «Inter-OMNIS» Publ. SP «ROSMOS» Publ., 1991. (In Russ.).

3. Metel'skaja E. V., Ryabichkina G. V. Slovar' substandartnoj leksiki (zhargon, argo, sleng) ruskogo i anglijskogo jazykov. Zoonimy [Dictionary of substandard vocabulary (jargon, argot, slang) of Russian and English languages. Zoonyms]. Astrakhan, Sorokin Roman Vasil'evich Publ., 2011, 156 p. (In Russ.).

4. Ozhegov S. I., Švedova N. Ju. Slovar' ruskogo jazyka [Russian language dictionary]. Moscow, Russkij jazyk Publ., 1990. (In Russ.).

Информация об авторе

А. Н. Трофимова – ассистент, кафедра английского языка и профессиональных коммуникаций, кафедра английской филологии, лингводидактики и перевода, Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева.

Information about the author

A. N. Trofimova – Assistant, Department of English and Professional Communications, Postgraduate Student, Department of English Philology, Linguodilactics and Translation, Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev.

Статья поступила в редакцию 12.12.2023; одобрена после рецензирования 25.12.2023; принята к публикации 10.01.2024.

The article was submitted 12.12.2023; approved after reviewing 25.12.2023; accepted for publication 10.01.2024.

Евразийский гуманитарный журнал. 2024. № 1. С. 34–43.

Eurasian Humanitarian Journal. 2024. No. 1. P. 34-43

Научная статья

УДК 81:1

КАТЕГОРИЯ КАЧЕСТВА В ФИЛОСОФИИ И НАУКЕ О ЯЗЫКЕ

Ани Арменовна Саакян

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия,

ani.saakyan07@yandex.ru

Аннотация. В рамках настоящего исследования рассматривается категория качества, представленная в трудах одного из великих философов Античности – Аристотеля. Категории издавна находились в центре внимания философов. Позднее в связи с дифференциацией наук категории стали исследоваться учеными других областей. В связи с этим учение о категориях приобрело междисциплинарный характер, что, соответственно, обуславливает актуальность настоящего исследования, так как современная наука ориентируется на междисциплинарность. Особую значимость учения о категориях имеют для лингвистики, так как философские категории находят отражение в категориях лингвистических. Одной из центральных в философии является категория качества, помимо этого, категория качества является одной из наиболее значимых в сознании человека, а вместе с тем и для языка, так как сознание неразрывно связано с языком. Объектом данного исследования является категория качества, предметом – функционирование категории качества в философии Аристотеля. Целью данного исследования является описание функционирования категории качества в трудах Аристотеля. Материалом исследования послужили научные работы в области философии, а также труды Аристотеля.

Ключевые слова: философская категория, категория, качество, античная философия, Аристотель.

Для цитирования: Саакян А. А. Категория качества в философии Аристотеля // Евразийский гуманитарный журнал. 2024. № 1. С. 34–43.

Original article

THE CATEGORY OF QUALITY IN PHILOSOPHY AND THE SCIENCE OF LANGUAGE

Ani A. Saakyan

Perm State University, Perm, Russia, ani.saakyan07@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the category of quality presented in the writings of one of the great philosophers of Antiquity, Aristotle. Categories have long been the focus of philosophers' attention. Later, due to the differentiation of sciences, categories have become the focus of attention of

scientists from other fields. In this regard, the doctrine of categories has acquired an interdisciplinary character, which, accordingly, determines the relevance of this study, since modern science focuses on interdisciplinarity. The doctrine of categories is of particular importance for linguistics, since philosophical categories are reflected in linguistic categories. One of the central categories in philosophy is the category of quality, in addition, the category of quality is one of the most significant categories in human consciousness, and at the same time it is extremely essential for language, since consciousness is inextricably linked with language. The object of this study is the category of quality, the subject is the functioning of the category of quality in Aristotle's philosophy. The purpose of this study is to describe the functioning of the category of quality in the writings of Aristotle. The research material was scientific works in the field of philosophy, as well as the works of Aristotle.

Keywords: philosophical category, category, quality, ancient philosophy, Aristotle.

For citation: Saakyan A. A. The category of quality in philosophy and the science of language. Eurasian Humanitarian Journal. 2024;1:34-43. (In Russ.).

Введение

Философский энциклопедический словарь дает следующее определение: «категории (от греч. – высказывание, обвинение; признак) в философии – предельно общие, фундаментальные понятия, отражающие наиболее существенные, закономерные связи и отношения реальной действительности и познания» [ФЭС: эл. ресурс]. Близкое по смыслу определение зафиксировано в «Философском словаре» под редакцией И. Т. Фролова: «категории (от греч. – высказывание, свидетельство) – формы осознания в понятиях всеобщих способов отношения человека к миру, отражающие наиболее общие и существенные свойства, законы природы, общества и мышления» [Фролов 1986: 191]. Каждое философское учение является некоторой системой категорий – такой точки зрения придерживаются В. В. Орлов и Н. В. Мехрякова [Орлов 2011: эл. ресурс; Мехрякова 2010: эл. ресурс]. В. В. Орлов отмечает: «философия мыслит категориями, и всякое оригинальное философское учение составляет ту или иную систему наиболее общих понятий» [Орлов 2011: эл. ресурс].

Аристотель (384–322 гг. до н. э.) – крупнейший философ античности, родоначальник логики как развернутого учения [Орлов 2001: 22]. Аристотелем была создана оригинальная философская система, категориальный состав которой требует основательного анализа [Орлов 2011; эл. ресурс]. Аристотель жил в период, когда еще не существовало системы частных наук, была преднаука. В связи с этим принято считать, что Аристотель не только философ, но и ученый. В логической системе Аристотеля содержится учение о категориях – трактат «Категории» представлен в собрании трактатов по логике (названном его последователями «Органом») [Орлов 2001: 22].

Основная часть

Аристотель вводит понятие категории через лингвистический его аспект, в частности, в трактате «Категории» философ разделяет высказывания на те, что «говорятся в связи» (предложения) и те, что «говорятся без связи» (отдельные слова и их сочетания с предлогами) и отмечает, что каждое отдельное слово, наряду с конкретным смыслом, обладает еще некоторым обобщенным значением, такие обобщенные значения отдельных слов и некоторых словосочетаний у Аристотеля и названы категориями [Аристотель 1939: 4;

Борисов: эл. ресурс]. Относительно высказываний «без связи» Аристотель пишет: *Из сказанного без какой-либо связи каждое означает или сущность, или «сколько», или «какое», или «по отношению к чему-то», или «где», или «когда», или находится «в каком-то положении», или «обладать», или «действовать», или «претерпевать»* [Аристотель 1939: 6]. Соответственно, философ выделяет десять основных категорий: 1) сущность; 2) количество; 3) качество; 4) отношение; 5) место; 6) время; 7) положение; 8) обладание; 9) действие; 10) страдание.

Мнения ученых по поводу аспектов учения Аристотеля о категориях расходятся. Традиционно считается, что учения Аристотеля о категориях имеют двойкий аспект: 1) онтологический (категории – высшие роды бытия, к которым восходят все его частные стороны и обнаружения); 2) гносеологический (категории – различные точки зрения, под которыми могут быть рассматриваемы предметы и которые не могут быть возведены к единой для всех них, возвышающейся над ними точке зрения) [Асмус 1976: 354].

Однако, В. Н. Борисов пишет: «Аристотель рассматривает категории в трех аспектах: онтологическом, логическом и лингвистическом» [Борисов: эл. ресурс]. В данном понимании категории представляются исследователями либо как роды бытия, либо как элементы структуры познания, либо как лингвистические феномены, развитием последней точки зрения занимался А. Тренделенбург, который указывал на то, что аристотелевские категории есть отражение грамматической структуры греческого языка, его частей речи и членов предложения:

сущность – имя существительное;

качество – имя прилагательное;

количество – числительное;

отношение – сравнительная степень прилагательных, наречий, нуждающихся в дополнении;

место и время – наречия места и времени;

действие и страдание – глаголы действительного и страдательного залога;

положение – непереходные глаголы;

обладание – особенность перфекта глаголов страдательного залога в греческом языке) [Лукин 2012: эл. ресурс; Савельев 2006: 68–69].

П. А. Поломошнов по данному поводу задается следующим вопросом: «... разделял ли сам Аристотель эти три аспекта при своем рассмотрении категорий» и приходит к выводу, что Аристотель не разделял эти три аспекта в качестве отдельных сфер исследования, а специфика и смысл аристотелевского подхода к пониманию категорий лежит на поверхности и нет необходимости придумывать за Аристотеля смысл и цели рассмотрения категорий, так как философ вовсе не ставил перед собой цель создать некую систему или таблицу категорий в качестве универсального онтологического или гносеологического шаблона [Поломошнов 2012: 168].

В. Н. Борисов также отмечает: «Современное прочтение Аристотеля, как и любого древнего автора, сталкивается с опасностью модернизации его воззрений. При переводе древних текстов на любой современный язык их содержание неизбежно интерпретируется через призму современных значений философских терминов» [Борисов: эл. ресурс].

Интересной и наиболее релевантной для настоящей работы является точка зрения О. В. Лукина: «Слияние и взаимное определение логических, онтологических и языковых категорий было в творчестве Аристотеля научным фактом, последствия которого до сих пор значимы и в философии, и в науке о языке. В отношении теории частей речи это может быть интерпретировано следующим образом: теория частей речи сложилась на основе языка с ярко выраженными флективными характеристиками – древнегреческого – на фоне определенных философских предпосылок, которые определяли друг друга. Факт того, выделял ли Аристотель две, три или десять частей речи, сам по себе не так уж важен в сравнении с той ролью, которую сыграл ученый: он способствовал появлению на свет теории, получившей впоследствии название теории частей речи» [Лукин 2012: эл. ресурс].

В качестве дополнительного пояснения необходимым считаем процитировать то, что написано во вступительной статье Г. Ф. Александрова под названием «Учение о категориях бытия» (Аристотель «Категории» под ред. Г. Ф. Александрова, перевод А. В. Кубицкого): «Комментаторы сочинений Аристотеля предложили две основные точки зрения на его учение о категориях.

Представители первой из них сводили категории лишь к чистым формам мысли, иногда к частям речи, представители второй отождествляли категории с определенными сторонами бытия. Именами объявлял категории Аристотеля Александр Афродизийский (конец II – начало III в. н. э.), мыслями – идеалист, последователь Плотина, Порфирий Финикийский (234–304 гг.), частями речи – немецкий историк философии Тренделенбург (XIX в.), определенными предикатами в суждениях – известный исследователь философии Аристотеля Апелът.

С другой стороны, связывал категории с вещами видный перипатетик Гермипп, в наше время пытались раскрыть объективное содержание категорий такие ученые, как Целлер, Бониц, Брандис и др.» [Александров 1939: 8]. И далее Г. Ф. Александров утверждает: «Действительно, исторически правильное понимание категорий Аристотеля зиждется на учете плодотворной идеи философа о неотделимости форм мысли от естественноисторического их образования и от разнообразия форм самого объективного бытия. Категории не выделялись философом в абсолютно самостоятельную область знания и не сводились к вещам, к отдельным явлениям бытия. Будучи различными родами высказывания о сущем, категории, по мнению Аристотеля, необходимо входят в состав любого суждения. Но и употребленные без связи «с другими частями нашего высказывания», они выражают глубокую связь бытия, объективное отношение в природе. В этом и лежит подлинный источник для раскрытия «тайны» аристотелевских категорий» [там же: 9].

В разных текстах Аристотель указывает разное количество категорий. И хотя, как пишет В. Ф. Асмус, «ни по вопросу о числе основных категорий, ни по вопросу об их последовательности или порядке в их системе Аристотель за все долгое время разработки своей философии не пришел к твердо установившимся выводам», порядок следования категорий, как он изложен в трактате «Категории» представляется естественным [Асмус 1976: 353].

Категория сущности стоит на первом месте и этому есть обоснование: под сущностью Аристотель понимает то, под условием чего единственно возможно все, что относится ко всем остальным категориям, соответственно, «если категории – наиболее общие роды или типы «оказывания» о каждой единичной вещи, то условием возможности всех таких оказываний должно быть отдельное бытие самой этой вещи, ее субстанциальное существование», в соответствии с этим цитата из пятой главы книги «Категории» Аристотеля: «... если бы не существовало первичных сущностей, не могло бы существовать и ничего другого» [Аристотель 1939: 8; Асмус 1976: 354–355].

В рамках настоящей работы будет подробно рассмотрена одна из данных категорий – категория качества. Категории «качество» предшествует категории «количество», «так как количество представляет необходимое условие качества: в предмете и качество его формы, и качество цвета, и другие качественные определенности предполагают некоторую количественную характеристику, относящуюся к протяженности» [Дзюва 2014: эл. ресурс]. Переход бытия из одного состояния в другое невозможен без изменения количества, с количеством связаны различия предметов [Александров 1939: 12]. Несмотря на то, что первый шаг к познанию сущности человек делает с помощью того, что высказывается о ее качественной стороне, для более всестороннего понимания качественных изменений требуется анализ количества [там же: 18]. За «количеством» и «качеством» следует «отношение», «место которого также строго и логично определено: отношение дает возможность сравнивать количество и качество явлений, проникать в строгую зависимость и связь предметов» [там же: 12].

Необходимым считается привести определение понятия «качество», которое предлагается в философском энциклопедическом словаре: «качество – философская категория, выражающая неотделимую от бытия объекта его существенную определенность, благодаря которой он является именно этим, а не иным объектом», далее в словаре подчеркивается, что «именно благодаря качеству каждый объект существует и мыслится как нечто ограниченное от других объектов» [ФЭС: эл. ресурс]. Но в то же время качество является выражением и того общего, что характеризует весь класс однородных объектов [там же].

Категории «качество» посвящена восьмая глава «Категорий» Аристотеля: «Качеством я называю все то (нечто такое), благодаря чему предметы признаются так или иначе качественно определенными. Качество принадлежит к числу слов, которые высказываются во многих значениях» [Аристотель 1939: 26]. Аристотель предлагает классификацию качеств, разделяя их на определенные роды.

К первому роду качеств философ относит свойства и состояния (расположения): свойство, в отличие от состояния, является более продолжительным и устойчивым. Примерами свойств, согласно автору «Категорий» являются науки, добродетели: «... наука «принадлежит, по-видимому, к числу пребывающего и с трудом изменяющегося даже в том случае, если кто усвоил ее и в небольшой мере, разве только произойдет значительная перемена вследствие болезни или чего-нибудь подобного» [там же]. Состояния (расположения) – виды качеств, которые, в отличие от свойств, легко поддаются движения и склонны к быстрым изменениям, примеры состояний – тепло и холод, болезнь и здоровье [там же].

Аристотель отмечает, что свойства являются состояниями, но состояния не всегда являются свойствами, Такое значение свойств отражает и их историю, так как согласно данной логике, свойства вырастают из состояний, из их способности к изменению: «В самом деле, люди, имеющие «известные» свойства, находятся в соответствии с тем (сообразно с ними) и в (известном) том или другом состоянии, между тем люди, находящиеся в известном состоянии, не во всех случаях имеют также <то или иное> свойство» [там же: 27; Александров 1939: 22]. Состояния лишь в некоторых случаях со временем могут перейти в разряд свойств – в данном случае проявляется диалектика категории качества [Аристотель 1939: 27]. Соответственно, свойства и состояния – это две стороны одного рода качеств.

Под другим родом качеств подразумевается то, на основе которого «мы называем «людей» искусными в кулачном бою или (искусными) в беге, здоровыми или болезненными; и вообще, сюда принадлежит все то, о чем говорится в смысле <какой-нибудь> природной способности или неспособности; <...> каждое подобное определение дается не потому, что <вещь> находится в каком-нибудь состоянии, но потому что <она> имеет природную способность или неспособность легко совершить что-нибудь или ничему не подвергаться» [там же].

К третьему роду качеств философ относит «пассивные качества» и состояния, в качестве примеров – сладость, горечь, кислота, тепло, холод, белизна и чернота [там же]. «Что они принадлежат к качествам – это очевидно: то, что ими наделено, обозначается как качественно определенное в соответствии с ними; так, например, мед называется сладким, так как он наделен сладостью и тело <называется> белым, так как оно наделено белизной», но пассивными они называются не потому, что «вещи, наделенные <этими> качествами, сами испытали (претерпели) что-нибудь: мед не называется сладким, потому что он испытал (претерпел) что-нибудь», а потому, что «каждое из названных качеств производит в органах (чувственного) восприятия пассивное (чувственное) состояние» [там же: 28].

Однако приведенное выше объяснение применимо, например, к сладости или к теплоте, в случае же с чернотой и белизной, как и в случае с другими цветами, есть своя специфика. Чернота и белизна, а также другие цвета называются «пассивными» в том смысле, что они «сами возникли из <некоторого> состояния <вещи>» [там же]. И в данном случае философ поясняет данное высказывание на примере человека, который, испытав стыд, краснеет или же, испытав страх, бледнеет: «...если кто-нибудь так же естественным образом испытал какое-нибудь из подобных состояний, ему вследствие некоторой естественной совокупности обстоятельств, разумеется, подобает иметь подобный <же> цвет <лица>» [там же].

В соответствии с тем, что данные образования получаются как «результат <состояний> непрочных и скоропреходящих», они называются состояниями, а не качествами, так как качественные определения не даются в зависимости от них: «ведь краснеющий от стыда человек не называется краснолицым, а бледнеющий от страха – бледнолицым, но скорее о них говорят, что они испытали что-нибудь» [Аристотель 1939: 28–29]. Пассивные качества и состояния, по мнению Аристотеля, применимы и к душе: «...те из них, которые при рождении являются непосредственно результатом различных

устойчивых состояний, называются качествами: таковы, например, умопомешательство («бешеный экстаз»), гнев и т. п., – ведь люди в зависимости от них получают качественные определения – называются гневными и помешанными; <...> тот, кто в подобном состоянии становится более гневным, (еще) не называется <поэтому> гневным человеком <вообще>, но о нем скорее говорят, что он очутился в определенном состоянии» [там же: 29].

К четвертому роду качества относится фигура и присущая каждому предмету форма, а также «прямота и кривизна и то, что им подобно»: «...через наличие треугольной или четырехугольной фигуры вещь получает качественное определение, а также – через то, что она прямая или кривая, и равным образом в зависимости от формы получает каждый предмет качественное определение» [там же].

Соответственно, по мнению Аристотелю, все то, что перечислено выше и является качествами, качественно определенными же является все то, что получает от этих качеств производные или как-то по-другому образованные наименования, например: белизна – белый, справедливость – справедливый, добродетель – хороший [там же: 30].

Важным моментом классификации Аристотеля является так же упоминание о противоположностях: белое является противоположностью черного, справедливо противоположно несправедливому – соответственно, если одна противоположность является качественным определением, то и другая тоже является качественным определением [там же: 31]. Однако противоположности наблюдаются не во всех случаях: «огненно красному нет ничего противоположного, хотя это – <некоторые> качественные определения» [там же].

Еще одной важной характеристикой качественных определений является то, что им присуще быть одновременно и отношениями: «Одно белое называется в большей и в меньшей степени белым, чем другое, и одно справедливое – более и менее справедливым, чем другое» [Асмус 1976: 359; там же].

Само по себе качество относительно в своей определенности: «предмет, будучи белым, имеет возможность стать еще более белым» – однако, данная характеристика присуща не ко всем, а только лишь «к значительному большинству качественных определений», например, «к треугольнику и четырехугольнику явным образом неприменимо «больше», а равно и ни к одной из остальных фигур» [Аристотель 1939: 31].

Таким образом, в понимании Аристотеля к категории качества относятся несколько элементов: наличие устойчивых (более продолжительных) свойств или неустойчивых (менее продолжительных) состояний; пассивные качества и состояния; наличие или отсутствие природных (врожденных) способностей; внешний облик.

Однако «Категории» – ранний труд Аристотеля, позднее в «Метафизике» философ вносит изменения в свое учение о категориях. Категория «качество» сводится к двум значениям, оно из которых все же является первичным, основным: «...качество в первичном смысле – это видовое отличие сущности (сюда принадлежит и то качество, которое имеется в числах, ибо оно есть различие в сущностях, но не движущихся, или не поскольку они движутся). А в другом смысле называются качеством состояния движущегося, поскольку оно движется, и различия в движениях» [Аристотель: эл. ресурс].

Диалектическое решение проблемы качества как единства общего и специфического, данное в первичном значении качества – одно из несомненных достижений Аристотеля: «с одной стороны, качество специфицирует, конкретно определяет сущее, а с другой, является выражением общего в вещах» [Балашов 2003: эл. ресурс]. Во втором значении качества, в свою очередь, представлена способность «качества» к преобразованию, так как состояния объектов могут изменяться [Фрайман 2012: эл. ресурс].

В «Метафизике» Аристотель также поднимает вопрос о ценностно-практическом аспекте категории качество – качественная определенность для Аристотеля является не только определенностью вещей самих по себе, но она связана также с положительной или отрицательной оценкой вещей: «О качестве говорится и применительно к добродетели и пороку и вообще к дурному и хорошему» [Аристотель: эл. ресурс; Балашов 2003: эл. ресурс;].

Заключение

Таким образом, есть различные подходы к пониманию категорий Аристотеля. При анализе различных значений категорий «качество», представленных античным философом, можно обнаружить связь проблем языка и мышления. Более того, некоторые исследователи нередко связывают категории по смыслу с частями речи.

Хотя Аристотель исследует категорию качества, отталкиваясь от языкового контекста, однако, изучение категории не строго ограничено лингвистикой.

Список литературы

1. Александров Г. Ф. Учения Аристотеля о категориях бытия. Аристотель. Категории / Под ред. Г. Ф. Александрова (с примечаниями и предисловием), перевод А. В. Кубицкого. М. : ГСЭИ, 1939. 130 с.
2. Аристотель. Категории / Под ред. Г. Ф. Александрова (с примечаниями и предисловием), перевод А. В. Кубицкого. М. : ГСЭИ, 1939. 130 с.
3. Аристотель. Метафизика. Перевод А. В. Кубицкого. URL: http://lib.ru/POEEAST/ARISTOTEL/metaphiz.txt_with-big-pictures.html#154
4. Асмус В. Ф. Античная философия : учебное пособие. Изд. 2-е, доп. М. : Высшая школа, 1976. 543 с.
5. Балашов Л. Е. Новая метафизика. (Категориальная картина мира или Основы категориальной логики). М., 2003. 868 с. URL: <https://sci-book.com/osnovyi-filosofii/kachestvo-64647.html> (дата обращения: 15.02.24).
6. Борисов В. Н. О смысле категории уся в философии Аристотеля. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000199/index.shtml> (дата обращения: 14.02.2024).
7. Дзиова Э. Н. Понятие и сущность категорий Аристотеля // Экономика и социум. 2014. № 4–6 (13). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-suschnost-kategoriy-aristotelya> (дата обращения: 28.02.2024).
8. Лукин О. В. К философским обоснованиям теории частей речи // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-filosofskim-obosnovaniyam-teorii-chastey-rechi> (дата обращения: 19.02.2024).
9. Мехрякова Н. М. Проблема системы категорий в научной философии : автореф. ... канд. филос. наук. Пермь, 2010. 31 с. URL: <http://www.dslib.net/ontologia/problema-sistemy-kategorij-v-nauchnoj-filosofii.html#4653611> (дата обращения: 12.02.2024).

10. Орлов В. В. Основы философии. Часть первая. Общая философия. Вып. 1 : учебное пособие. 3-е изд., перераб. и доп. Пермь : Изд-во «Пермский университет», 2001. 216 с.
11. Орлов В. В. Проблема системы категорий в философии // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2011. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-sistemy-kategoriy-v-filosofii> (дата обращения: 14.02.2024).
12. Поломошнов П. А. Проблема категорий в философии Аристотеля // Вестник Донского государственного аграрного университета. 2012. № 4(6). С. 165–170.
13. Савельев А. Л. История идеи универсальной грамматики (с древнейших времен до Лейбница). СПб. : Изд-во «Санкт-Петербургский университет», 2006. 380 с.
14. Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. 5-е изд. М. : Политиздат, 1986. 590 с.
15. Философский энциклопедический словарь / под ред. Л. Ф. Ильичёва, П. Н. Федосеева, С. М. Ковалёва, В. Г. Панова. М. : Советская энциклопедия, 1983. 840 с. URL: <http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/philosophical/articles/163/kategorii.htm> (дата обращения: 10.02.2024).
16. Фрайман А. С. «Качество» как философская категория // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 9 (263). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kachestvo-kak-filosofskaya-kategoriya> (дата обращения: 28.02.2024).

References

1. Aleksandrov G. F. Uchenija Aristotelja o kategorijah bytija. [Aleksandrov G. F. Ucheni Aristotle on the categories of bytium]. Moscow, GSJeI Publ., 1939, 130 p. (In Russ.).
2. Aristotel'. Kategorii [Aristotle. Categories] kogo. Ed. G. F. Alexandrova. Moscow, GSJeI Publ, 1939, 130 p. (In Russ.).
3. Aristotel'. Metafizika [Aristotle. Metaphysics]. (In Russ.). Available at: http://lib.ru/POEEAST/ARISTOTEL/metaphiz.txt_with-big-pictures.html#154 (accessed: 14.02.2024).
4. Asmus V. F. Antichnaja filosofija [Ancient philosophy]. Edition 2-e. Moscow, Vysshaja shkola Publ., 1976, 543 p. (In Russ.).
5. Balashov L. E. Novaja metafizika. (Kategorial'naja kartina mira ili Osnovy kategorial'noj logiki) [New metaphysics. (Categorical picture of the world or Fundamentals of categorical logic)]. Moscow, 2003, 868 p. (In Russ.). Available at: <https://sci-book.com/osnovyi-filosofii/kachestvo-64647.html> (accessed: 15.02.24).
6. Borisov V. N. O smysle kategorii usija v filosofii Aristotelja [On the meaning of the category of ousia in Aristotle's philosophy]. (In Russ.). Available at: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000199/index.shtml> (accessed: 14.02.2024).
7. Dziova Je. N. Ponjatje i sushhnost' kategorij Aristotelja [The concept and essence of Aristotle's categories]. *Jekonomika i socium* [Economy and society]. 2014, no. 4-6 (13). (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-suschnost-kategoriy-aristotelya> (accessed: 28.02.2024).
8. Lukin O. V. K filosofskim obosnovanijam teorii chastej rechi [On the philosophical foundations of the theory of parts of speech]. *Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin]. 2012, no. 2. (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-filosofskim-obosnovanijam-teorii-chastej-rechi> (accessed: 19.02.2024).
9. Mehrjakova N. M. Problema sistemy kategorij v nauchnoj filosofii [The problem of the system of categories in scientific philosophy]. PhD dissertation abstract. Perm, 2010, 31 p. (In Russ.). Available at: <http://www.dslib.net/ontologia/problema-sistemy-kategorij-v-nauchnoj-filosofii.html#4653611> (accessed: 12.02.2024).
10. Orlov V. V. Osnovy filosofii [Fundamentals of Philosophy]. Part 1, 3th ed. Perm, Perm University Publ., 2001, 216 p. (In Russ.).

11. Orlov V. V. Problema sistemy kategorij v filosofii [The problem of the system of categories in philosophy]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofija. Psihologija. Sociologija* [Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology]. 2011, no. 2. (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-sistemy-kategoriy-v-filosofii> (accessed: 14.02.2024).

12. Polomoshnov P. A. Problema kategorij v filosofii Aristotelja [The problem of categories in Aristotle's philosophy]. *Vestnik Donskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* [Bulletin of the Don State Agrarian University]. 2012, no. 4(6), pp. 165-170. (In Russ.).

13. Savell'ev A. L. Istorija idei universal'noj grammatiki (s drevnejshih vremen do Lejbnica) [History of the idea of universal grammar (from ancient times to Leibniz)]. Saint Petersburg, St. Petersburg University Publ., 2006, 380 p. (In Russ.).

14. Filosofskij slovar [Philosophical Dictionary]. Ed. I. T. Frolova. 5th ed. Moscow, Politizdat Publ., 1986, 590 p. (In Russ.).

15. Filosofskij jenciklopedicheski slovar' [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. Ed. L. F. Ilyicheva, P. N. Fedoseeva, S. M. Kovaleva V. G. Panova. Moscow, Sovetskaja jenciklopedija Publ., 1983, 840 p. (In Russ.). Available at: <http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/philosophical/articles/163/kategorii.htm> (accessed: 10.02.2024).

16. Frajman A. S. «Kachestvo» kak filosofskaja kategorija [“Quality” as a philosophical category]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University]. 2012, no. 9 (263). (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kachestvo-kak-filosofskaya-kategoriya> (accessed: 28.02.2024).

Информация об авторе

А. А. Саакян – аспирант,

кафедра английского языка профессиональной коммуникации,

Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the author

A. A. Saakyan – Postgraduate Student,

Department of English Language Professional Communication,

Perm State University.

Статья поступила в редакцию 12.12.2023; одобрена после рецензирования 25.12.2023; принята к публикации 10.01.2024.

The article was submitted 12.12.2023; approved after reviewing 25.12.2023; accepted for publication 10.01.2024.

Евразийский гуманитарный журнал. 2024. № 1. С. 44–53.

Eurasian Humanitarian Journal. 2024. No. 1. P. 44-53.

Научная статья

УДК 811.112.2`37

ТАКСИС ПСЕВДООДНОВРЕМЕННОСТИ В ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СТРУКТУРАХ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Ирина Викторовна Архипова¹, Светлана Викторовна Шустова²

¹ Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия,

irarch@yandex.ru

² Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия,

lanaschust@mail.ru

Аннотация. В фокусе исследования находится вопрос об актуализации таксисных значений в функциональных структурах немецкого языка, содержащих глагольно-именные аналитические конструкции на основе акциональных и процессуальных девербативов. Функциональные структуры рассматриваются как глагольные конструкции, состоящие из функционального глагола и именного компонента, как сочетания семантически опустошенных глаголов с именами существительными. Девербативы обладают двухслойной синкрет-семантикой. Они сохраняют глагольные семантические характеристики и находятся в области синкретизма имени существительного и глагола. Девербативам как именам существительным присущи грамматические категории рода, числа и падежа и, соответственно, они характеризуются принадлежностью к конкретной словообразовательной (деривационной) модели. Будучи производными синкрет-образованиями, девербативы характеризуются не только «вербогенностью», но и таксисностью. Целью данной работы является описание таксисных категориальных значений псевдоодновременности в немецких монопропозитивных высказываниях с глагольно-девербативными сочетаниями. Материалом для настоящего исследования послужили высказывания с глагольно-девербативными аналитическими конструкциями, полученными методом направленной выборки из электронной базы Лейпцигского корпуса (LC) и Электронного словаря немецкого языка (DWDS). В ходе исследования установлено, что высказывания с глагольно-именными структурами, содержащими предложные девербативы и функциональные глаголы, являются монопропозитивными. В монопропозитивных высказываниях немецкого языка с глагольно-девербативными аналитическими конструкциями актуализуются таксисные категориальные значения псевдоодновременности. В состав монопропозитивных высказываний входят глагольно-именные конструкции, состоящие из предложных девербативов с предлогами *zu*, *in* и функциональных глаголов *bringen*, *nehmen*, *anregen*, *setzen*, *verfallen*, *geraten*.

Ключевые слова: функциональные структуры, глагольно-именные аналитические конструкции, девербативы, предложные девербативы, таксис, псевдоодновременность.

Для цитирования: Архипова И. В., Шустова С. В. Таксис псевдоодновременности в функциональных структурах (на материале немецкого языка) // Евразийский гуманитарный журнал. 2024. № 1. С. 44–53.

Original article

TAXIS OF PSEUDOCONTemporANEITY IN FUNCTIONAL STRUCTURES (BASED ON THE MATERIAL OF THE GERMAN LANGUAGE)

Irina V. Arkhipova¹, Svetlana V. Schustova²

¹ Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, irarch@yandex.ru

² Perm State University, Perm, Russia, lanaschust@mail.ru

Abstract. The research focuses on the issue of actualization of taxic meanings in the functional structures of the German language containing verb-nominal analytical constructions based on actional and procedural deverbatives. Functional structures are considered as verbal constructions consisting of a functional verb and a nominal component, as combinations of semantically empty verbs with nouns. Deverbatives have a two-layer syncretic semantics. They retain verbal semantic characteristics and are in the field of syncretism of the noun and verb. Deverbatives as nouns have grammatical categories of gender, number and case and, accordingly, they are characterized by belonging to a specific word-formation (derivational) model. Being derived syncretic formations, deverbatives are characterized not only by "verbogenicity", but also by taxicity. The purpose of this work is to describe the taxic categorical meanings of pseudo-contemporaneity in German monopropositive statements with verb-deverbative combinations. The material of this study was statements with verb-deverbative analytical constructions obtained by the method of directed sampling from the electronic database of the Leipzig Corpus (LC) and the Electronic Dictionary of the German Language (DWDS). The study found that statements with verb-nominal structures containing prepositional deverbatives and functional verbs are monopropositive. The composition of monopropositive utterances includes verb-noun constructions consisting of proposed deverbatives with the prepositions *zu*, *in* and the functional verbs *bringen*, *nehmen*, *anregen*, *setzen*, *verfallen*, *geraten*.

Keywords: functional structures, verb-nominal analytical constructions, deverbatives, prepositional deverbatives, taxis, pseudocontemporaneity.

For citation: Arkhipova I. V., Schustova S. V. Taxis of pseudocontemporaneity in functional structures (based on the material of the German language). Eurasian Humanitarian Journal. 2024;1:44-53. (In Russ.).

Введение

В фокусе исследования – рассмотрение вопроса актуализации таксисных категориальных значений в высказываниях немецкого языка, содержащих такие функциональные структуры как глагольно-именные конструкции на базе девербативов. Целью данной работы является описание таксисных значений псевдоодновременности в монопропозитивных высказываниях, состоящих из предложных девербативов и функциональных глаголов как составных частей глагольно-именных аналитических конструкций немецкого языка. Функциональные структуры (*funktionale Strukturen*, *Funktionsverbgefüge*) [Haider 1992; Bruker 2013; Dannhauer 2012; Herrlitz 2010; Kamber 2008,

2013; Treptow 2010] представляют собой глагольно-именные сочетания, характеризующиеся широким семантическим потенциалом и «образующие своеобразную шкалу перехода от фразеологизмов к свободным сочетаниям» [Богуславская 1997: 4].

Глагольно-именные сочетания функционируют как единый предикат, аналитичны по своей структуре, отличаются от аналитических глагольных форм степенью грамматикализации¹ и от фразеологических сочетаний отсутствием метафорического переосмысления [Богуславская 1997: 7]. Вопрос о десемантизации глагола (*semantische Ausbleichung*, *semantic bleaching*, в понимании Szczepaniak [Szczepaniak 2011: 11]) можно рассмотреть на примере функциональных структур. Так, Chr. Lehmann отмечает: “Under the diachronic aspect, grammaticization is a process which turns lexemes into grammatical formatives and makes grammatical formatives still more grammatical...” [Lehmann 1985: 303]. В. Heine и M. Reh определяют грамматикализацию следующим образом: “... as evolution whereby linguistic units lose in semantic complexity, pragmatic significance, syntactic freedom, and phonetic substance...” [Heine, Reh 1984: 15]. Е. С. Traugott и В. Heine подчеркивают: “... grammaticization <...> refers to that part of the theory of language that focuses on the interdependence of language and parole, of the categorical and less categorical, of the fixed and the less fixed in language. Grammaticalization is the linguistic process, both through time and synchronically, of organization of categories and of coding” [Traugott, Heine 1991: 1]; “... grammaticization is a kind of language change, subject to certain general processes and mechanisms of change. <...> Much of the literature on unidirectionality characterizes the development of grammatical from lexical meaning in terms of desemantization, bleaching and emptying or loss of semantic or pragmatic meaning” [Traugott, Heine 1991: 3–4]. Данный подход соотносится с позицией Т. А. Майсака, рассматривающего грамматикализацию как особый семантический процесс, результатом которого является появление языковой единицы с грамматическим значением [Майсак 2005: 40].

Грамматикализация «представляет определенную степень изменения категориального значения глагола, его перекатегоризацию как языковой единицы, отражающую его движение вдоль категориального континуума в направлении от лексического значения к грамматическому. Чем больше грамматических характеристик приобретает глагол, тем менее конкретным становится его лексическое значение» [Болдырев 2009: 90]. Одним из ведущих признаков грамматикализации, как уже отмечалось, является десемантизация, так глагол утрачивает конкретную лексическую семантику в определенной среде функционирования и приобретает грамматические функции.

Основная часть

Функциональные структуры рассматриваются как глагольные конструкции, состоящие из функционального глагола и именного компонента. В. Б. Касевич рассматривает функциональные структуры как «сочетания семантически опустошенных глаголов с именами существительными» [Касевич 2006: 463]. Семантический потенциал эмотивных каузативов, актуализирующих синкретизм эмотивности и каузативности в том числе на

¹ Грамматикализация – процесс перехода от лексического к грамматическому статусу; грамматизация – становление грамматически обязательным компонентом.

примере функциональных структур, представлен в исследовании Н. П. Сюткиной [Сюткина, 2017, 2018а, 2018б, 2019, 2021] И. В. Богуславская изучает словосочетания немецкого языка, состоящие из глагола и имени, представляющие собой семантическое единство (разной степени спаянности) и выполняющие в предложении функцию сказуемого: *Abschied nehmen, in Erscheinung treten* [Богуславская 1997; 2004]. Автор называет эти единицы глагольно-именными предикативными сочетаниями. В функции именного компонента выступают девербативы. Девербативы обладают сложной семантикой, поскольку они объединяют процессуальные значения, унаследованные от производящих глаголов, и предметные значения, приобретенные ими в процессе деривации, другими словами, обладают различной степенью «вербогенности» (сохранения ими глагольной семантики) (термин Р. З. Мурясова) [Мурясов 1989: 50].

Промежуточное положение функциональных структур между фразеологизмами и свободными словосочетаниями не позволяет провести между ними границу [Богуславская 1997]. Имя существительное, являющееся девербативом (*Verbalabstractum*) или имя действия (*nomen actionis*) заимствует категориальное значение у глагола и становится собственно носителем содержания действия. Девербатив обладает грамматическим значением предметности. Эта грамматическая предметность является предпосылкой развития у девербатива вторичных предметных значений. Когда значение «предметность» становится преобладающим и нейтрализует исходное значение «процессуальность», девербатив постепенно переходит в конкретное имя существительное, в котором ослаблена семантическая связь с глаголом-основой, происходит утрата глагольности (*Nomina resultati, Nomina acti, Nomina qualitatis*) [там же].

В этой связи В. Г. Адмони ставит вопрос о структуре грамматического значения, который дополняет вопрос о структуре грамматических форм [Адмони 1979: 6]. В грамматическом строе языка реализуется соединение формы и значения, сочетающиеся компоненты языкового знака выступают в наиболее осложненном виде и в своей максимальной взаимообусловленности. В. Г. Адмони рассматривает синтезирующий подход к языку как подлинную цельность, если грамматические явления будут трактоваться системно, как образования, обладающие своей формальной структурой и своим значением. В немецком языке в ряде работ германистов можно встретить мысль об «умирании» или «вымирании» глагола (*Das Zeitwort stirbt!*), все большем проникновении именного стиля (*Nominalstil*) во все сферы языка. К средствам этого стиля относятся и функциональные структуры, состоящие из десемантизированного глагола и именного компонента [Матасова, Уфимцева 2017; Daniels, 1963; Kamber 2013]. «Der Nominalstil kann als eine der wesentlichen Entwicklungstendenzen des modernen Deutsch bezeichnet werden. (...) Durch die Akademisierung bzw. Verwissenschaftlichung der Sprache des öffentlichen Lebens vor allem seit der Mitte des 19. Jahrhunderts in Massenpresse und Verwaltungs- und Politiksprache wird die Nominalisierung als Mittel zur Komprimierung des Satzbaus auffällig und gemeinsprachlich, dass man vom Nominalstil sprechen kann» [Bruker 2013: 2].

С. Поттер утверждает, что западная цивилизация ценит интеллект больше эмоций, поэтому европейцы страдают болезнью существительных (*noun disease*), предпочитая существительное глаголу. Англичанин, скорее, выберет вариант *London's growth is rapid*, чем *London is growing rapidly* [Potter 1975]. Семантически ближе всего к глаголам конверсивы –

субстантивированный инфинитив, так как они наследуют семантическую структуру исходного глагола, демонстрируя семантику процессуальности и сохраняя дополнительные семы, например, сему итеративности (*Bumsen, Klipfern, Puffern*).

Девербативы обладают двухслойной синкрет-семантикой. Они сохраняют глагольные семантические характеристики и находятся в области синкретизма имени существительного и глагола. Девербативам как именам существительным присущи грамматические категории рода, числа и падежа и, соответственно, они характеризуются принадлежностью к конкретной словообразовательной (деривационной) модели. Будучи производными синкрет-образованиями, девербативы характеризуются не только «вербогенностью», но и таксисностью, то есть способностью к актуализации таксисных категориальных значений в высказываниях с предлогами. Предложные девербативы (термин – И. В. Архипова) являются составным элементом глагольно-именных аналитических конструкций и характеризуются способностью к актуализации таксисных категориальных значений.

Вопросы таксисной актуализации освещаются в работах таких отечественных лингвистов как А. В. Бондарко, С. М. Полянского, Н. А. Ляшенко, И. В. Архиповой и др. [Бондарко 2002, 2011, 2017; Архипова 2020, 2020а; Ляшенко 2019; Полянский 1991, 2017]. Категория таксиса предполагает временную сопряженность или соотнесение во времени референциально одготипных или однородных действий или ситуаций (относительно друг друга в рамках целостного временного периода, безотносительно момента речи). Таксисные категориальные значения актуализуются, как правило, в полипропозитивных высказываниях с диктум-диктумными отношениями, содержащих единицы с эксплицированными аспектуальными характеристиками сочетающихся пропозиций. В монопропозитивных высказываниях немецкого языка реализуются таксисные категориальные значения *псевдоодновременности*.

Эмпирический материал представляют монопропозитивные высказывания с глагольно-именными конструкциями с девербативами процессуальной и акциональной семантики. Такие высказывания содержат девербативы *das Kreischen, das Kochen, das Lesen, das Brennen, das Leuchten, das Lachen, das Schweigen, das Schmelzen, das Atmen, das Zucken, das Nachdenken, das Staunen, das Erstaunen, das Entsetzen, das Schlafen, die Verwunderung, die Aufregung, die Erregung, der Abschied, der Verkauf* и др. и функциональные глаголы *bringen, nehmen, anregen, versetzen, umsetzen, setzen, verfallen, geraten, umkippen* и др. (*zum Kreischen bringen, zum Kochen bringen, zum Lesen bringen, zum Brennen bringen, zum Blühen bringen, zum Leuchten bringen, zum Lachen bringen, zum Schweigen bringen, zum Schmelzen bringen, zum Anhalten bringen, zum Zucken bringen, zum Nachdenken bringen, zum Nachdenken anregen, in Erregung versetzen / umsetzen, in Aufregung versetzen, in Verwunderung versetzen, in Staunen versetzen, in Erstaunen versetzen / setzen, in Entsetzen versetzen, in Staunen verfallen, in Staunen umkippen, in Staunen geraten* и др.), например:

- (1) Seine ruhige, tiefe Stimme *bringt* eine Traube Teenager vor der Bühne *zum Kreischen* (LC).
- (2) Solche Erschütterungen *bringen* Menschen *zum Nachdenken* (LC).
- (3) Die Coaches albern viel herum, machen Komplimente und *bringen* die Kandidaten *zum Lachen* (LC).

(4) Er thematisierte allerdings auch negative Gegebenheiten im Chor und *regte* die Sänger *zum Nachdenken an* (LC).

(5) Diese Wendung seiner Politik *setzte* seine Umgebung wohl *in Verwunderung*, fand aber wenig Glauben ... (LC).

(6) Die Ergebnisse des Treffens mit dem Präsidenten der USA haben die ganze Welt *in Erregung versetzt* (LC).

(7) YouTube-Stars *haben* Tausende Fans in Köln *in Aufregung versetzt* (LC).

(8) Der frisch zurückgekehrte Orbán *versetzt* etliche seiner Freunde *in Erstaunen* – und dann *in Entsetzen* (LC).

(9) Ich *habe* schon als Kind gerne meine Familie *zum Lachen gebracht* (DWDS).

(10) Daniel, Tutor des Praktikums und Student im achten Semester, erklärt an Mandys heroischem Selbstversuch, was uns überhaupt *zum Atmen bringt* und unter welchen Störungen im «Atembetrieb» etwa Asthmatiker zu leiden haben (DWDS).

(11) ... *zum Abschied nahm* der Feldmarschall noch das David'sche Bild von Bonapartes Alpenzuge mit hinweg und schenkte es seinem Könige für das Berliner Schloß (DWDS).

(12) Erst nach einer 5-, 7- bis 10jährigen Lagerung in Fässern wird der Scotch-Whisky *zum Verkauf gebracht* (DWDS).

(13) Heraus kam Crossover vom Feinsten, bei dem jeder Huf *ins Zucken gerät* (DWDS).

В вышеприведенных высказываниях, содержащих глагольно-именные конструкции на базе девербативов *das Kreischen, das Nachdenken, das Lachen, das Atmen, die Verwunderung, die Erregung, die Aufregung, das Erstaunen, das Entsetzen, der Abschied, der Verkauf, das Zucken* реализованы таксисные категориальные значения псевдоодновременности.

Заключение

Таким образом, в монопропозитивных высказываниях немецкого языка с глагольно-девербативными аналитическими конструкциями актуализуются таксисные категориальные значения псевдоодновременности. В состав монопропозитивных высказываний входят глагольно-именные конструкции, состоящие из предложных девербативов с предлогами *zu, in* и функциональных глаголов *bringen, nehmen, anregen, setzen, verfallen, geraten* и др.

Перспективы дальнейших исследований могут быть связаны с описанием и типологизацией различных функциональных структур с девербативами в немецком и других германских языках, в том числе, в сравнительно-типологическом аспекте.

Список литературы

1. Адмони В. Г. Структура грамматического значения и его статус в системе языка. Л. : Наука, 1979. URL: https://iling.spb.ru/grammatikon/admoni_1979.pdf (дата обращения: 23.05.2021).
2. Архипова И. В. Функциональный потенциал девербативов и его реализация в контексте // Евразийский гуманитарный журнал. 2020. № 1. С. 74–86.
3. Архипова И. В. Категория таксиса в разноструктурных языка. Новосибирск : Новосибирский государственный педагогический университет, 2020а. 173 с.
4. Богуславская И. В. Акциональные особенности предложных аналитических конструкций с субстантивированными инфинитивами // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2004. № 2(36). С. 67–71.

5. Богуславская И. В. Предикатные конструкции с дистантным расположением компонентов: структура и семантика глагольно-именных предикативных сочетаний в немецком языке : автореф. ... канд. филол. наук. СПб., 1997. 16 с.
6. Болдырев Н. Н. Функциональная категоризация английского глагола. Изд. 2-е. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 144 с.
7. Бондарко А. В. Теория значения в аспекте функциональной грамматики: на материале русского языка / Рос. академия наук. Ин-т лингвистических исследований. М. : Языки славянской культуры, 2002. 736 с.
8. Бондарко А. В. Категоризация в системе грамматики. М. : Языки славянских культур, 2011. 488 с.
9. Бондарко А. В. Общая характеристика семантики и структуры поля таксиса // Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. Изд. 7-е. М. : ЛЕНАНД, 2017. С. 234–242.
10. Касевич В. Б. Труды по языкознанию: в 2 т. / Под ред. Ю. А. Клейнера. СПб. : Филологический факультет. СПбГУ. 2006. Т. 1. 664 с.
11. Ляшенко Н. А. Функционально-семантическое поле таксиса в английском языке // Функционально-семантические поля разных типов в английском и русском языках : монография / Н. Г. Склярова, А. В. Николаева, К. Н. Симонова, Н. А. Ляшенко, С. Е. Молчанова. Ростов-на-Дону : Фонд науки и образования, 2019. С. 101–129.
12. Майсак Т. А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М. : Языки славянской культуры, 2005. 480 с.
13. Матасова О. В., Уфимцева О. А. Девербативы в германских языках: сопоставительный анализ (на материале немецкого и английского языков) // Язык. Социум. Культура. Саратов : Изд-во «Саратовский социально-экономический институт. РЭУ им. Г. В. Плеханова», 2017. С. 24–28.
14. Мурясов Р. З. Словообразование и теория номинализации // Вопросы языкознания. 1989. № 2. С. 39–53.
15. Полянский С. М. К установлению признаков функционально-семантической категории таксиса // Функциональный анализ значимых языковых единиц в парадигматике и синтагматике : Межвуз. сб. науч. тр. / Новосибирск. гос. пед. ин-т; редкол.: С. М. Полянский (отв. ред.) и др. Новосибирск : Изд-во «Новосибирский государственный педагогический университет», 1991. С. 3–18.
16. Полянский С. М. Одновременность / разновременность и другие типы таксисных отношений // Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис : монография / А. В. Бондарко и др.; редкол.: А. В. Бондарко (отв. ред.) и др. Изд. 7-е. 2017. М. : ЛЕНАНД. С. 243–253.
17. Сюткина Н. П. Эмотивные каузативы: к вопросу о выделении // Евразийский гуманитарный журнал. 2017. № 2. С. 31–38.
18. Сюткина Н. П. К вопросу о расширении семантического потенциала каузативных глаголов (на материале глагола «*ärgeren*») // Евразийский гуманитарный журнал. 2018а. № 1. С. 23–27.
19. Сюткина Н. П. Модель каузативной ситуации (на материале глагола «*freuen*») // Евразийский гуманитарный журнал. 2018б. № 4. С. 48–51.
20. Сюткина Н. П. Междометные фразеологические единицы в ситуации эмоциональной модификации // Евразийский гуманитарный журнал. 2019. № 1. С. 38–42.
21. Сюткина Н. П. Потенциал эмотивных каузативов с позиций функционального подхода // Евразийский гуманитарный журнал. 2021. № 1. С. 54–59.
22. Bruker A. Funktionsverbgefüge im Deutschen: Computerlexikographische Probleme und Lösungssätze. diplom.de. Hamburg, 2013. 225 p.
23. Daniels K. H. Substantivierungstendenzen in der deutschen Gegenwartssprache: nominaler Ausbau des verbalen Denkkreises // Sprache und Gemeinschaft. Düsseldorf, 1963. Bd. 3. P. 241–249.

24. Dannhauer S. Funktionsverbgefüge - Komplexe Prädikate. München: GRIN Verlag, 2012. 18 p.
25. Haider H. Die Strukturen der deutschen Nominalphrase – lexikalische und funktionale Strukturen // Hoffmann L. Deutsche Syntax. Ansichten und Aussichten. Jahrbuch 1991 des Instituts für deutsche Sprache. Berlin, New York: de Gruyter, 1992. P. 304-333.
26. Heine B. Reh M. Grammaticalization an Reanalysis in African Languages. Hamburg: Helmut Buske. 1984. 308 p.
27. Herrlitz W. Funktionsverbgefüge vom Typ “in Erfahrung bringen”: ein Beitrag zur generativ-transformationellen Grammatik des Deutschen. Berlin: Walter de Gruyter, 2010. 175 p.
28. Kamber A. Funktionsverbgefüge – empirisch (am Beispiel von kommen) // Computer science, 2013. P. 109–132.
29. Lehmann Chr. Grammaticalization: Synchronic variation and diachronic change // Lingua e Stile. 1985. P. 303-318.
30. Potter S. Changing English. London: Andre Deutsch, 1975. 206 p.
31. Szczepaniak R. Grammatikalisierung im Deutschen. Eine Einführung. 2, Auflage. Tübingen: Narr Francke Attempto Verlag GmbH + Co.KG, 2011. 219 p.
32. Traugott E. C., Heine B. Introduction // Approaches to Grammaticalization: Volume II. Types of grammatical markers. Ed. E. C. Traugott, B. Heine. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company. 1991. P. 1-14.
33. Treptow B. Funktionsverbgefüge: Ihre Abgrenzung zu syntaktischen Konstruktionen. München: GRIN Verlag, 2010. 15 p.

Список источников

1. LC – Лаборатория корпусной лингвистики Лейпцигского университета. URL: <http://www.wortschatz.uni-leipzig.de> (дата обращения: 06.02. 2024).
2. DWDS – Электронный словарь немецкого языка. URL: <http://www.dwds.de> (дата обращения: 06.02.2024).

References

1. Admoni V. G. Struktura grammaticheskogo znachenija i ego status v sisteme jazyka [The structure of grammatical meaning and its status in the language system]. Leningrad, Nauka Publ., 1979. (In Russ.). Available at: https://iling.spb.ru/grammatikon/admoni_1979.pdf (accessed: 23.05.2021).
2. Arhipova I. V. Funkcional'nyj potencial deverbativov i ego realizacija v kontekste [Functional potential of deverbatives and its implementation in context]. *Evrazijskij gumanitarnyj zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal]. 2020, no. 1, pp. 74-86. (In Russ.).
3. Arhipova I. V. Kategorija taksisa v raznostrukturnyh jazyka [Category of taxis in differently structured languages]. Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University Publ., 2020a. 173 p. (In Russ.).
4. Boguslavskaja I. V. Akcional'nye osobennosti predloznych analiticheskikh konstrukcij s substantivirovannymi infinitivami [Actional features of prepositional analytical constructions with substantivized infinitives]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University]. 2004, no. 2(36), pp. 67-71. (In Russ.).
5. Boguslavskaja I. V. Predikatnye konstrukcii s distantnym raspolozheniem komponentov: struktura i semantika glagol'no-imennyh predikativnyh sochetanij v nemeckom jazyke [Predicate constructions with distant arrangement of components: structure and semantics of verb-nominal predicative combinations in the German language]. PhD dissertation abstract. Saint Petersburg, 1997, 16 p. (In Russ.).
6. Boldyrev N. N. Funkcional'naja kategorizacija anglijskogo glagola [Functional categorization of the English verb]. 2nd ed., Moscow, Knizhnyj dom «LIBROKOM» Publ., 2009, 144 p. (In Russ.).
7. Bondarko A. V. Teorija znachenija v aspekte funkcional'noj grammatiki: na materiale russkogo jazyka [Theory of meaning in the aspect of functional grammar: on the material of the Russian language]. Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 2002, 736 p. (In Russ.).

8. Bondarko A. V. Kategorizacija v sisteme grammatiki [Categorization in the grammar system]. Moscow, Jazyki slavjanskih kul'tur Publ., 2011, 488 p. (In Russ.).
9. Bondarko A. V. Obshhaja harakteristika semantiki i struktury polja taksisa [General characteristics of the semantics and structure of the taxis field]. *Teorija funkcional'noj grammatiki: Vvedenie, aspektual'nost', vremennaja lokalizovannost' taksis* [Functional grammar theory: Introduction, aspectuality, temporal localization taxis]. 7nd ed, Moscow, LENAND Publ., 2017, pp. 234-242. (In Russ.).
10. Kasevich V. B. Trudy po jazykoznaniju [Works on linguistics]. Saint Petersburg, Filologicheskij fakul'tet Publ., SPbGU Publ., 2006, vol. 1, 664 p. (In Russ.).
11. Ljashenko N. A. Funkcional'no-semanticheskoe pole taksisa v anglijskom jazyke [Functional-semantic field of taxis in English]. *Funkcional'no-semanticheskie polja raznyh tipov v anglijskom i ruskom jazykah* [Functional-semantic fields of different types in English and Russian languages]. Rostov-on-Don, Fond nauki i obrazovanija Publ., 2019, pp. 101-129. (In Russ.).
12. Majsak T. A. Tipologija grammatikalizacii konstrukcij s glagolami dvizhenija i glagolami pozicii [Typology of grammaticalization of constructions with verbs of motion and verbs of position]. Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 2005, 480 p. (In Russ.).
13. Matasova O. V., Ufimceva O. A. Deverbativy v germanskih jazykah: sopostavitel'nyj analiz (na materiale nemeckogo i anglijskogo jazykov) [Ufimtseva O. A. Deverbatives in Germanic languages: comparative analysis (based on the material of German and English languages)]. *Jazyk. Socium. Kul'tura* [Jazyk. Socium. Culture]. Saratov, Saratov Socio-Economic Institute. REU im. G. V. Plekhanova Publ., 2017, pp. 24-28. (In Russ.).
14. Murjasov R. Z. Slovoobrazovanie i teorija nominalizacii [Word formation and the theory of nominalization]. *Voprosy jazykoznanija* [Questions of linguistics]. 1989, no. 2, pp. 39-53. (In Russ.).
15. Poljanskij S. M. K ustanovleniju priznakov funkcional'no-semanticheskoi kategorii taksisa [Towards the establishment of signs of the functional-semantic category of taxis]. *Funkcional'nyj analiz znachimyh jazykovyh edinic v paradigmatiche i sintagmatike* [Functional analysis of significant linguistic units in paradigmatics and syntagmatics]. Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University Publ., 1991, C. 3-18. (In Russ.).
16. Poljanskij S. M. Odnovremennost' / raznovremennost' i drugie tipy taksisnyh otnoshenij [Simultaneity/multi-temporality and other types of taxis relations]. *Teorija funkcional'noj grammatiki: Vvedenie, aspektual'nost', vremennaja lokalizovannost', taksis* [Functional grammar theory: Introduction, aspectuality, temporal localization, taxis]. 7nd ed., 2017, Moscow, LENAND Publ., pp. 243-253. (In Russ.).
17. Sjutkina N. P. Jemotivnye kauzativy: k voprosu o vydelenii [Emotive causatives: on the issue of isolation]. *EvrAzijskij gumanitarnyj zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal]. 2017, no. 2, pp. 31-38. (In Russ.).
18. Sjutkina N. P. K voprosu o rasshirenii semanticheskogo potenciala kauzativnyh glagolov (na materiale glagola «ärgern») [On the issue of expanding the semantic potential of causative verbs (based on the verb “ärgern”). *EvrAzijskij gumanitarnyj zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal]. 2018a, no. 1, pp. 23-27. (In Russ.).
19. Sjutkina N. P. Model' kauzativnoj situacii (na materiale glagola «freuen») [Model of a causative situation (based on the verb “freuen”). *EvrAzijskij gumanitarnyj zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal]. 2018b, no. 4, pp. 48-51. (In Russ.).
20. Sjutkina N. P. Mezhdometnye frazeologicheskie edinicy v situacii jemocional'noj modifikacii [Interjective phraseological units in a situation of emotional modification]. *EvrAzijskij gumanitarnyj zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal]. 2019, no. 1, pp. 38-42. (In Russ.).
21. Sjutkina N. P. Potencial jemotivnyh kauzativov s pozicij funkcional'nogo podhoda [The potential of emotive causatives from the perspective of the functional approach]. *EvrAzijskij gumanitarnyj zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal]. 2021, no. 1, pp. 54-59. (In Russ.).
34. Bruker A. Funktionsverbgefüge im Deutschen: Computerlexikographische Probleme und Lösungssätze. diplom.de. Hamburg, 2013. 225 p.

35. Daniels K. H. Substantivierungstendenzen in der deutschen Gegenwartssprache: nominaler Ausbau des verbalen Denkkreises // Sprache und Gemeinschaft. Düsseldorf, 1963. Bd. 3. P. 241-249.
36. Dannhauer S. Funktionsverbgefüge - Komplexe Prädikate. München: GRIN Verlag, 2012. 18 p.
37. Haider H. Die Strukturen der deutschen Nominalphrase – lexikalische und funktionale Strukturen // Hoffmann L. Deutsche Syntax. Ansichten und Aussichten. Jahrbuch 1991 des Instituts für deutsche Sprache. Berlin, New York: de Gruyter, 1992. P. 304-333.
38. Heine B. Reh M. Grammaticalization an Reanalysis in African Languages. Hamburg: Helmut Buske. 1984. 308 p.
39. Herrlitz W. Funktionsverbgefüge vom Typ “in Erfahrung bringen”: ein Beitrag zur generativ-transformationellen Grammatik des Deutschen. Berlin: Walter de Gruyter, 2010. 175 p.
40. Kamber A. Funktionsverbgefüge – empirisch (am Beispiel von kommen) // Computer science, 2013. P. 109–132.
41. Lehmann Chr. Grammaticalization: Synchronic variation and diachronic change // Lingua e Stile. 1985. P. 303-318.
42. Potter S. Changing English. London: Andre Deutsch, 1975. 206 p.
43. Szczepaniak R. Grammatikalisierung im Deutschen. Eine Einführung. 2, Auflage. Tübingen: Narr Francke Attempto Verlag GmbH + Co.KG, 2011. 219 p.
44. Traugott E. C., Heine B. Introduction // Approaches to Grammaticalization: Volume II. Types of grammatical markers. Ed. E. C. Traugott, B. Heine. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company. 1991. P. 1-14.
45. Treptow B. Funktionsverbgefüge: Ihre Abgrenzung zu syntaktischen Konstruktionen. München: GRIN Verlag, 2010. 15 p.

List of sources

1. LC – Laboratorija korpusnoj lingvistiki Lejpcigskogo universiteta [Laboratory of Corpus Linguistics, University of Leipzig]. (In Russ.). Available at: <http://www.wortschatz.uni-leipzig.de> (accessed: 06.02. 2024).
2. DWDS – Jelektronnyj slovar' nemeckogo jazyka [Electronic German dictionary]. (In Russ.). Available at: <http://www.dwds.de> (accessed: 06.02.2024).

Информация об авторах

- И. В. Архипова* – доктор филологических наук, профессор, кафедра романо-германской филологии, Новосибирский государственный педагогический университет;
- С. В. Шустова* – доктор филологических наук, профессор, кафедра лингвистики и перевода, Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the authors

- I. V. Arkhipova* – Grand Ph. D. (Philology), Professor, Department of Romano-Germanic Philology, Novosibirsk State Pedagogical University;
- S. V. Shustova* – Grand Ph. D. (Philology), Professor, Department of Linguistics and Translation, Perm State University.

Статья поступила в редакцию 10.12.2023; одобрена после рецензирования 25.12.2023; принята к публикации 10.01.2024.

The article was submitted 10.12.2023; approved after reviewing 25.12.2023; accepted for publication 10.01.2024.

Научная статья

УДК 81'42

ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ СУДЕБНОГО ДИСКУРСА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Елена Владимировна Рюмкова

Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, Астрахань, Россия,

khlopkova_elen@mail.ru

Аннотация. В последние десятилетия в лингвистике наметился интерес к изучению речевой деятельности человека в различных профессиональных сферах общения (например, политической, рекламной). Особое внимание уделяется изучению юридического дискурса, включающего юридические документы (тексты законов, определения судов, письменные показания свидетелей, завещания), публичную речь (обвинительные и оправдательные речи судей, вступительные и заключительные речи адвокатов, лекции, научные доклады по вопросам юриспруденции). Не меньший интерес с лингвистической точки зрения представляет судебный дискурс. Изучение судебного дискурса в современной лингвистике играет важную роль в понимании правового языка, судебных процедур и роли коммуникации в суде. Разные учёные изучают речевое поведение судей, судебную документацию, речевые стратегии и тактики, используемые адвокатами и государственными обвинителями для воздействия на свидетелей. В настоящей статье рассматривается понятие судебного дискурса с разных точек зрения, проводится анализ работ по данной тематике, описываются выделенные подходы к анализу судебного дискурса как человеческой речевой деятельности в сфере профессионального общения. В статье приводятся речевые стратегии и тактики воздействия на свидетелей, которые были выделены в ходе анализа речевого поведения адвокатов и государственных обвинителей во время допроса свидетелей. Несмотря на большое количество работ, анализирующих судебный дискурс с разных сторон (например, коммуникативный, социолингвистический, психолингвистический, тонально-жанровый подходы, которые описываются в данной статье), до сих пор остаётся недостаточно изученным значение контекстуальных факторов, влияющих на коммуникацию участников судебного процесса. К ним относятся: культурные различия, статус участников и ожидания аудитории. Данный аспект представляет собой несомненный интерес для дальнейшего изучения судебного дискурса как коммуникативного явления.

Ключевые слова: юридический дискурс, судебный дискурс, манипулятивное воздействие, стратегии и тактики речевого поведения.

Для цитирования: Рюмкова Е. В. Проблема изучения судебного дискурса в современной лингвистике // Евразийский гуманитарный журнал. 2024. № 1. С. 54–62.

Original article

THE ISSUE OF STUDYING JUDICIAL DISCOURSE IN MODERN LINGUISTICS

Elena V. Ryumkova

Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev, Astrakhan, Russia,
khlopkova_elen@mail.ru

Abstract. In recent decades, linguistics has shown interest in studying human speech activity in various professional spheres of communication (political, advertising, etc.). Special attention is paid to the study of legal discourse, including legal documents (texts of laws, court rulings, written testimony of witnesses, wills, etc.), public speech (accusatory and acquittal speeches of judges, opening and closing speeches of lawyers, lectures, scientific reports on jurisprudence, etc.). Courtroom discourse is of no less interest from a linguistic point of view. In general, the study of courtroom discourse in modern linguistics plays an important role in understanding legal language, judicial procedures and the role of communication in court. Various scholars study the speech behavior of judges, court documentation, speech strategies and tactics used by lawyers and public prosecutors to influence witnesses. The given article examines the concept of courtroom discourse from different points of view, analyzes works on this issue, describes the singled out approaches to the analysis of courtroom discourse as human speech activity in the sphere of professional communication. The article presents speech strategies and tactics of influencing witnesses, which were highlighted during the analysis of the speech behavior of lawyers and public prosecutors during the interrogation process of witnesses. Despite the large number of works analyzing legal discourse from different sides (communicative, sociolinguistic, psycholinguistic, tonal and genre approaches described in this article), the consideration of contextual factors influencing communication between participants in the litigation process, such as cultural differences, the status of participants and audience expectations, remains insufficiently studied. This aspect is of undoubted interest for further study of courtroom discourse as a communicative phenomenon.

Keywords: legal discourse, courtroom discourse, manipulative influence, strategies and tactics of speech behavior.

For citation: Ryumkova E. V. The issue of studying judicial discourse. Eurasian Humanitarian Journal. 2024;1:54-62. (In Russ.).

Введение

Интерес к проблемам функционирования языка в различных сферах человеческой деятельности, преобладающий в исследовательской парадигме современной лингвистики, охватил и сферу судебной коммуникации. На границе права и лингвистики сформировалась новая дисциплина – юрислингвистика (Forensic Linguistics, Legilinguistics), имеющая, как представляется, свой круг проблем и свою методологию. В сферу внимания дисциплины попадают процессы и трансформации, происходящие в правовой жизни общества и получающие то или иное языковое воплощение. Одним из ключевых понятий юрислингвистики является понятие судебного дискурса.

Судебный дискурс описывает коммуникацию, которая происходит в судебной системе, включая письменные материалы, устные выступления и интеракции между судьями, адвокатами, свидетелями и обвиняемыми. Изучение судебного дискурса в контексте

лингвистики открывает возможности для анализа правового языка, судебных процедур и роли коммуникации в суде. Несмотря на значительное количество работ по изучению судебного дискурса, несомненный интерес представляет более глубокое изучение коммуникации адвоката / государственного обвинителя при допросе свидетелей с точки зрения манипулятивного воздействия адвокатов и государственных обвинителей на свидетелей, а также выбора ими речевых стратегий и тактик для этой цели.

Основная часть

В современном языкознании разделяются понятия юридического (legal discourse [Goodrich 1987; Bhatia, Candlin, Endberg 2008]; judicial discourse [Maley 1995; Pridalova 1999] и судебного дискурса (courtroom discourse [Conley, O'Barr 1990; Pridalova 1999]. Выделяется также правовой дискурс вопросов и ответов (question and answer legal discourse [Russell 2004]. Так, Е. Придалова отмечает: «There is not one legal discourse but a set of related legal discourses. Each differs according to the situation in which it is used. There is judicial discourse, the language of judicial decision. There is courtroom discourse, used by judges, advocates, court officials, witnesses and other participants. There is the language of legal documents: contracts, regulations, deeds, wills. And there is the discourse of legal consultation, between lawyer and lawyer, lawyer and client» [Pridalova: 1999, 120]. (Не существует одного правового дискурса, существует ряд связанных между собой правовых дискурсов. Каждый из них различается сферой употребления. Есть юридический дискурс, язык юридических решений. Есть судебный дискурс, которым пользуются судьи, адвокаты, официальные сотрудники суда, свидетели и другие участники правовых вопросов. Существует язык правовых документов: контрактов, постановлений, нормативных правовых актов, завещаний. И есть дискурс юридической консультации, который осуществляется между юристом и юристом, юристом и клиентом) (Перевод наш. – Е. Р.). У А. Тросборг находим следующее утверждение: «The language of the law is to be distinguished from other types of legal language, as, for example, the language used in the courtroom, the language of legal textbooks, the language used to talk about the law in a formal, as well as an informal setting» [Trosborg эл. ресурс]. (Язык права необходимо отличать от других видов юридического языка, например, от языка судебных заседаний, языка юридических книг, языка, который используется для того, чтобы говорить о правовой сфере, как формально, так и неформально).

В современном языкознании чётко разделяются понятия юридического и судебного дискурса, каждый из которых соотносится с определённой сферой человеческой деятельности и коммуникации в области юриспруденции. С более широкой коммуникативной сферой соотносится понятие юридического дискурса. Сферой формирования и функционирования судебного дискурса является зал суда. Таким образом, судебный дискурс представляет собой разновидность и составную часть юридического дискурса. В рамках судебного дискурса выделяются два основных типа дискурса – совещательный и состязательный [Васильянова 2007]. Совещательный дискурс и состязательный дискурс присутствуют не на всех ступенях реализации судебного дискурса. Судопроизводство в своём развитии проходит несколько этапов: медиацию, суд первой инстанции (куда относится суд присяжных), кассационный суд. Понятие «судебный дискурс» является одним из наиболее многозначных: имеет множество различных

интерпретаций в современных структурно-семиотических исследованиях. Для системного описания судебного дискурса сначала обозначим основные подходы к изучению дискурса, сформировавшиеся в современной лингвистике, а затем опишем судебный дискурс с точки зрения каждого из подходов.

В современной лингвистике можно выделить несколько подходов к определению судебного дискурса.

1. Коммуникативный (функциональный) подход даёт функциональное определение дискурса: “the study of discourse is the study of any aspect of language use” [Fasold 1990: 65] (Изучение дискурса представляет собой изучение любого аспекта употребления языка). “The analysis of discourse, is necessarily, the analysis of language in use” [Brown, Yule 1983: 1] (анализ дискурса всегда является анализом языка в ситуации его использования).

2. Структурно-синтаксический подход, осуществляемый с позиции формально-ориентированной лингвистики, определяет дискурс как «language above the sentence or above the clause» [Stubbs 1983: 1] (Язык выше уровня предложения или словосочетания). Под дискурсом понимаются два или несколько предложений, находящихся друг с другом в смысловой связи (сверхфразовое единство, сложное синтаксическое целое, абзац), при этом связность рассматривается как один из основных признаков дискурса [Звегинцев 1976: 170].

3. Социально-прагматический подход: дискурс как текст, погруженный в ситуацию общения, в жизнь [Арутюнова 1990: 136–137], либо как «язык в языке», но представленный в виде особой социальной данности и имеющий свои тексты. «В мире всякого дискурса действуют свои правила синонимических замен, свои правила истинности, свой этикет. Каждый дискурс – это один из «возможных миров». Само явление дискурса, его возможность и есть доказательство тезиса «Язык – дом духа», и в известной мере тезиса «Язык – дом бытия»» [там же].

4. Психолингвистический подход трактует дискурс как речевое высказывание, предполагающее говорящего (автора), слушающего (адресата), а также наличие у первого намерения повлиять на второго с помощью речевых средств [Пищальникова 1998].

5. Тонально-жанровый подход постулирует, что помимо структурных характеристик дискурс имеет тонально-жанровые измерения [Стернин 2001: 17].

Опишем теперь судебный дискурс с точки зрения пяти выделенных подходов к изучению дискурса. При коммуникативном подходе под судебным дискурсом понимается особое использование языка для выражения особой ментальности, а также особой идеологии. Это вызывает активизацию некоторых параметров языка и, в конечном счете, требует особой грамматики и особых «правил» лексики, которыми пользуются адвокаты и государственные обвинители при построении своих речей и выборе вопросов во время допроса свидетелей. Весь этот языковой материал также можно назвать дискурсом. Примером дискурса с точки зрения коммуникативного подхода может служить и сумма высказываний какого-либо адвоката, государственного обвинителя и судьи, которые выступает в этом случае как модель реальной языковой личности. Что касается структурно-синтаксического подхода, то ряд учёных считает, что на уровне судебного дискурса отсутствует структурная организация [Searle 1980: 21; Lyons 1977: 369]. По нашему мнению, данная точка зрения противоречит коммуникативному подходу. Поскольку, если придерживаться мнения о том, что судебный дискурс не имеет структуры, то придётся признать, что любой судебный диалог адвоката и

государственного обвинителя состоит из беспорядочной совокупности предложений. Но судебный дискурс разворачивается в соответствии с определёнными этапами и проходит три стадии: начальную, основную и заключительную. Кроме того, выше говорилось о том, что адвокаты и государственные обвинители пользуются особыми правилами грамматики и лексики при построении своих речей и при выборе вопросов во время допроса свидетелей. В противном случае та цель, которую они преследуют, не будет достигнута. Таким образом, становится очевидным, что структура судебного дискурса существует.

При социально-прагматическом подходе судебный дискурс понимается как ситуация общения, разворачивающаяся по определённым – свойственным только судебно-процессуальной сфере – законам, согласно принципам ритуальности, конвенциональности и регламентированности, с определённым набором участников коммуникации. С позиций тонально-жанрового подхода судебный дискурс представляет собой совокупность жанров, находящихся во взаимосвязи друг с другом. В нашем конкретном случае прототипным жанром будет являться жанр допроса свидетелей во время судебного разбирательства. Так, В. Е. Гольдин, О. Б. Сиротинина и М. А. Якубова выявляют отличие сложных речевых событий от простых по следующим параметрам: это события, маркированные как явления общественного характера, обычно планируемые, контролируемые, специально организуемые, назначаемые на определённое время. «Строение таких событий имеет институционализированный, ритуализированный характер» [Гольдин, Сиротинина, Якубова 2008]. Например, слушание дела в суде – сложное коммуникативное событие, поскольку оно поддаётся членению на более мелкие коммуникативные акты: напутственное слово судьи, допрос свидетелей, распадающийся на реплики-вопросы и реплики-ответы, защитительная речь, обвинительное слово. Ритуализация сориентирована на некоторое действие в его сюжетной целостности; участники ритуала разыгрывают это действие вновь, осознавая свою принадлежность к исходному началу. В самом общем смысле под судебным дискурсом понимается общепринятый тип речевого поведения судьи, адвоката или государственного обвинителя, детерминированный утвердившимися стереотипами, возникшими в судебном процессе и ограниченный конкретными обстоятельствами разбираемого дела в ходе судебного заседания [Лунева 2009].

Т. В. Дубровская под судебным дискурсом понимает вербально-знаковое выражение процесса коммуникации в ходе судебного процесса, которое рассматривается в социально-историческом, национально-культурном, конкретном ситуативном контексте с учётом характеристик и намерений коммуникантов [Дубровская, 2010]. При этом конечной целью процесса является разрешение правового конфликта и изменение правовой ситуации. Во-первых, судебным дискурсом можно считать дискурс отдельных судебных процессов или их отрезков. А во-вторых, судебный дискурс может выступать в качестве обобщающего понятия, объединяющего в себе множество дискурсов, на основе анализа которых возможно выделение типичных характеристик и общих закономерностей построения судебной коммуникации. В рамках судебного дискурса выделяются его более частные разновидности: дискурс правоприменителя, дискурс обвинения, дискурс защиты, дискурс судей, устная речь в учреждениях права и другие [Александров 2001; Баранов 1992; Голев 2002; Conley, O'Barr 1990; Farrelly, Solum 2007].

В данной работе мы придерживаемся психолингвистического подхода, при котором судебный дискурс понимается как речевое высказывание, предполагающее говорящего (адвоката, государственного обвинителя), слушающего (свидетеля, допрашиваемого), а также наличие у первых намерения повлиять на речевое поведение вторых с помощью речевых средств [Красовская 2008 и другие]. Наука о речевом воздействии – интегральная наука, объединяющая представителей целого комплекса смежных наук – традиционной системной лингвистики, коммуникативной лингвистики, социолингвистики, прагматической лингвистики, риторики, дискурсивной лингвистики, стилистики и культуры речи, психологии, социологии, связей с общественностью и других. Поэтому исследование судебного дискурса неизбежно предполагает обращение к его интенциональному аспекту, то есть к изучению речевых стратегий и тактик (интенций речевых действий в типовой ситуации социализации). В связи с данным подходом необходимо различать понятия техники и тактики ведения дела в суде.

Техника ведения дела в суде – это совокупность приёмов, используемых при разработке содержания и структуры, представляемых в суде документов (жалобы, ходатайства, доказательства по делу и другие). Одним из важнейших приёмов является манипулятивное воздействие, состоящее в адекватном речевым задачам выборе языковых средств (стратегий, тактик, речевых приёмов) и в умении пользоваться этой техникой на всех стадиях рассмотрения дела. Тактика ведения дела в суде – это чётко фиксированные в своей последовательности способы поведения в судебном дискурсе, ориентированные на достижение конкретных задач, являющихся звеньями реализации единой стратегической цели (выиграть процесс, не проиграть процесс на данном этапе и т. д.). Судебный дискурс является строго регламентированным мероприятием. Все участники процесса наделены определёнными статусно-ролевыми отношениями, речевые действия подчинены определённому сценарию обмена высказываниями, контроль над соответствием которому осуществляет председательствующий – судья.

В наших исследованиях первостепенной задачей является определение судебного дискурса как коммуникативного явления с манипулятивным потенциалом и выделение основных манипулятивных стратегий и тактик в речевом поведении адвоката и государственного обвинителя при допросе свидетелей. В предыдущей работе нами выделены и проанализированы манипулятивные стратегии и тактики в судебном дискурсе: дискурсе адвоката и дискурсе свидетеля. Нами выделяются аргументативная стратегия манипулятивного воздействия, которая реализуется при помощи тактик приведения доводов (довод «к очевидному», довод «к логосу», довод «к пафосу»), манипулятивная стратегия надевания маски, которая воплощается при помощи тактик комментирования свидетельских показаний, ведения беседы со свидетелем, тактики совета. Дается описание манипулятивной стратегии переакцентуации, дискредитирующей манипулятивной стратегии, контролирующей стратегии, которая реализуется при помощи тактики «настаивания на припоминании» [Хлопкова 2010].

Заключение

Таким образом, при проведении анализа современных подходов к изучению судебного дискурса, становится явным, что основными из них являются коммуникативный, структурно-лингвистический, тонально-жанровый, психолингвистический. Существуют

различные работы по определению речевых стратегий и тактик в судебном дискурсе. Несмотря на большое количество работ, посвящённых изучению судебного дискурса, недостаточно изученным является манипулятивный потенциал данного вида дискурса, а именно лингвопрагматический и лингвокультурный аспекты манипулятивного воздействия в судебном дискурсе, что представляет дальнейший предмет нашего исследования.

Список литературы

1. Александров А. С. Техники доказывания в русском уголовно-процессуальном дискурсе // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование : Сборник статей; под ред. В. М. Баранова. Нижний Новгород : Изд-во «Нижегородская правовая академия», 2001. Т. 2. С. 465–481.
2. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1990. С. 136–137.
3. Баранов А. Н., Крейдлин Г. Е. Структура диалогического текста: лексические показатели минимальных диалогов // Вопросы языкознания. 1992. № 3. С. 84–93.
4. Голев Н. Д. Об объективности и легитимности источников лингвистической экспертизы // Юрислингвистика – 3: Проблемы юрислингвистической экспертизы : межвуз. сборник научных трудов. Барнаул : Изд-во «Алтайский университет», 2002. С. 45–56.
5. Гольдин В. Е., Сиротинина О. Б., Ягубова М. А. Русский язык и культура речи. М. : ЛКИ, 2008. 216 с.
6. Дубровская Т. В. Судебный дискурс: речевое поведение судьи : автореф. ... д. филол. наук. Саратов, 2010. 40 с.
7. Звегинцев В. А. Предложение и его отношение к языку и речи. М. : Изд-во «Московский государственный университет», 1976. 307 с.
8. Красовская О. В. О речевой коммуникации в судебной практике : учеб. пособие. М. : Флинта; Наука, 2008. 128 с.
9. Лунева Е. С. К вопросу о судебном дискурсе // Материалы XXXVIII научно-технической конференции по итогам работы профессорско-преподавательского состава СевКавГТУ за 2008 год. Том второй. Общественные науки. Ставрополь : Изд-во «Северо-Кавказский государственный технический университет», 2009. 208 с.
10. Пищальникова В. А. Психолингвистический аспект исследования судебной речи // Известия Алтайского государственного университета. 2008. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psiholingvisticheskiy-aspekt-issledovaniya-sudebnoy-rechi/viewer> (дата обращения: 18.08.2024).
11. Стернин И. А. Введение в речевое воздействие. Воронеж : Изд-во «Воронежский государственный университет», 2001. 252 с. URL: https://www.vsu.ru/ru/university/structure/communicate/pdf/monographs/verbal-infl_2001.pdf (дата обращения: 12.08.2023).
12. Хлопкова Е. В. Классификация манипулятивных стратегий и тактик в судебном состязательном дискурсе // Гуманитарные исследования. 2010. № 4. С. 152–158.
13. Bhatia V. K., Candlin C. N., Endberg J. Legal discourse across cultures and systems. Aberdeen, Hong Kong : Hong Kong University Press, 2008. 324 p.
14. Brown G., Yule G. Discourse analysis. Cambridge : Cambridge University Press, 1983. 288 p.
15. Conley J. M., O'Barr W. M. Rules versus relationships in small claims disputes. Cambridge; New York, 1990. P. 178-196.
16. Farrelly C., Solum L. B. Virtue jurisprudence. London: Palgrave Macmillan, 2007. 256 p.

17. Fasold R. W. *Sociolinguistics of Language*. Oxford : Basil Blackwell. 1990. 352 p.
19. Goodrich P. *Legal discourse : studies in linguistics, rhetoric, and legal analysis*. London : Macmillan, 1987. 266 p.
20. Lyons J. *Semantics*. Cambridge : Cambridge University Press, 1977. Vol. 1. 371 p.
21. Maley Y. From adjudication to mediation: third party discourse in conflict resolution // *Journal of Pragmatics*. Vol. 23 (1). 1995. P. 93–110.
22. Pridalova E. The language of the law: characteristics of the courtroom discourse. 1999. URL: <http://publib.upol.cz/~obd/fulltext/iuridic1/iuridic1-15.pdf> (дата обращения: 15.08.2023).
23. Russell D. Interpreting Strategies in Legal Discourse // *Professionalization of interpreting in the community*. 2004. № 4. P. 1–10.
24. Searle J., Kiefer F., Bierwisch M. *Speech Act Theory and Pragmatics*. Boston: D. Reidel, 1980. 317 p.
25. Stubbs M. *Discourse Analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language*. Oxford : Blackwell, 1983. 272 p.
26. Trosborg A. The performance of legal discourse. URL: <https://tidsskrift.dk/her/article/view/21503/18954> (дата обращения: 15.08.2023).

References

1. Aleksandrov A. S. Tehniki dokazyvanija v russkom ugovolno-processual'nom diskurse [Techniques of evidence in Russian criminal procedural discourse]. *Zakonotvorcheskaja tehnika sovremennoj Rossii: sostojanie, problemy, sovershenstvovanie* [Legislative technology of modern Russia: status, problems, improvement]. Novgorod, Nizhny Novgorod Law Academy, 2001, vol. 2, pp. 465-481. (In Russ.).
2. Arutjunova N. D. Diskurs [Discourse]. *Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow, Sovetskaja jenciklopedija Publ., 1990, pp. 136-137. (In Russ.).
3. Baranov A. N., Krejdlin G. E. Struktura dialogicheskogo teksta: leksicheskie pokazateli minimal'nyh dialogov [Structure of dialogic text: lexical indicators of minimal dialogues]. *Voprosy jazykoznanija* [Questions of linguistics]. 1992, no. 3, pp. 84-93. (In Russ.).
4. Golev N. D. Ob obektivnosti i legitimnosti istochnikov lingvisticheskoj jekspertizy [On the objectivity and legitimacy of sources of linguistic expertise]. *Jurilingvistika - 3: Problemy jurilingvisticheskoy jekspertizy* [Jurislinguistics - 3: Problems of legal linguistic expertise]. Barnaul, Altai University Publ., 2002, pp. 45-56. (In Russ.).
5. Gol'din V. E., Sirotinina O. B., Jagubova M. A. Russkij jazyk i kul'tura rechi [Russian language and culture of speech]. Moscow, LKI Publ., 2008, 216 p. (In Russ.).
6. Dubrovskaja T. V. Sudebnyj diskurs: rechevoe povedenie sud'i [Judicial discourse: speech behavior of a judge]. Doctoral dissertation abstract. Saratov, 2010, 40 p. (In Russ.).
7. Zvegincev V. A. Predlozhenie i ego otnoshenie k jazyku i rechi [The sentence and its relation to language and speech]. Moscow, Moscow State University Publ., 1976, 307 p. (In Russ.).
8. Krasovskaja O. V. O rechevoj kommunikacii v sudebnoj praktike [On speech communication in judicial practice]. Moscow, Flinta; Nauka Publ., 2008, 128 p. (In Russ.).
9. Luneva E. S. K voprosu o sudebnom diskurse [On the issue of judicial discourse]. Stavropol, North Caucasus State Technical University Publ., vol. 2, 2009, 208 p. (In Russ.).
10. Pishhal'nikova V. A. Psiholingvisticheskij aspekt issledovanija sudebnoj rechi [Psycholinguistic aspect of the study of judicial speech]. *Izvestija Altajskogo gosudarstvennogo universiteta* [News of Altai State University]. 2008. (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/psiholingvisticheskij-aspekt-issledovaniya-sudebnoj-rechi/viewer> (accessed: 18.08.2024).

11. Sternin I. A. Vvedenie v rechevoe vozdejstvie [Introduction to speech influence]. Voronezh, Voronezh State University Publ., 2001, 252 c. (In Russ.). Available at: https://www.vsu.ru/ru/university/structure/communicate/pdf/monographs/verbal-infl_2001.pdf (accessed: 12.08.2023).
12. Hlopkova E. V. Klassifikacija manipuljativnyh strategij i taktik v sudebnom sostjazatel'nom diskurse [Classification of manipulative strategies and tactics in judicial adversarial discourse]. *Gumanitarnye issledovanija* [Humanities studies]. 2010, no. 4, pp. 152-158. (In Russ.).
13. Bhatia V. K., Candlin C. N., Endberg J. Legal discourse across cultures and systems. Aberdeen, Hong Kong : Hong Kong University Press, 2008. 324 p.
14. Brown G., Yule G. Discourse analysis. Cambridge : Cambridge University 1983. Press. 288 p.
15. Conley J. M., O'Barr W. M. Rules versus relationships in small claims disputes. Cambridge; New York, 1990. P. 178-196.
16. Farrelly C., Solum L. B. Virtue jurisprudence. London: Palgrave Macmillan, 2007. 256 p.
17. Fasold R. W. Sociolinguistics of Language. Oxford : Basil Blackwell. 1990. 352 p.
19. Goodrich P. Legal discourse : studies in linguistics, rhetoric, and legal analysis. London : Macmillan, 1987. 266 p.
20. Lyons J. Semantics. Cambridge : Cambridge University Press, 1977. Vol. 1. 371 p.
21. Maley Y. From adjudication to mediation: third party discourse in conflict resolution // *Journal of Pragmatics*. Vol. 23 (1). 1995. P. 93–110.
22. Pridalova E. The language of the law: characteristics of the courtroom discourse. 1999. URL: <http://publib.upol.cz/~obd/fulltext/iuridic1/iuridic1-15.pdf> (accessed: 15.08.2023).
23. Russell D. Interpreting Strategies in Legal Discourse // *Professionalization of interpreting in the community*. 2004. № 4. P. 1-10.
24. Searle J., Kiefer F., Bierwisch M. Speech Act Theory and Pragmatics. Boston: D. Reidel, 1980. 317 p.
25. Stubbs M. Discourse Analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language. Oxford : Blackwell, 1983. 272 p.
26. Trosborg A. The performance of legal discourse. URL: <https://tidsskrift.dk/her/article/view/21503/18954> (accessed: 15.08.2023).

Информация об авторе

Е. В. Рюмкова – старший преподаватель,
кафедра английского языка и профессиональных коммуникаций,
Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева.

Information about the author

E. V. Ryumkova – Senior Lecturer, Department of English and Professional Communications,
Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev.

Статья поступила в редакцию 01.12.2023; одобрена после рецензирования 25.12.2023; принята к публикации 10.01.2024.

The article was submitted 01.12.2023; approved after reviewing 25.12.2023; accepted for publication 10.01.2024.

Евразийский гуманитарный журнал. 2024. № 1. С. 63–75.

Eurasian Humanitarian Journal. 2024. No. 1. P. 63-75.

Научная статья

УДК 811.111'38

ЯЗЫКОВЫЕ МАРКЕРЫ ОБЩЕИЗВЕСТНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ

Юлия Юрьевна Хлыстунова¹, Наталья Николаевна Ульянова²

^{1,2} Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия

² Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, Новосибирск, Россия

¹ pivovarova-julia@mail.ru

² natascha297@mail.ru

Аннотация. Статья раскрывает содержание понятия «языковой маркер», которое в разных источниках имеет различную интерпретацию, а именно: «слова-маркеры», «ключевые слова», «слова-хронофакты», «слова-ключи», «слова-символы», «слова-свидетели» и другие. Существуют тексты, для которых характерно смешение стилей, и только маркеры позволяют определить специфику мировосприятия человека. Современное общество вступило в эпоху децентрализации, что сказывается на нивелировании жанровых, сюжетных, идейных конструкций текстов, выделение которых способствует использованию определённых языковых маркеров. При использовании языкового маркера общеизвестности автор текста отсылает читателя к известным фактам, событиям, закреплённым в сознании реципиента, и так выражает отношение к сказанному. Авторы данной статьи разделяют маркеры общеизвестности по цели: на использованные с целью подтверждения или критики, а также с целью приведения общеизвестного примера или обобщения. Материалом данного исследования послужили языковые единицы из следующих англоязычных СМИ: “CNN”, “BBC News”, “The Wall Street Journal”, “Morning Star”, “Washington Times” и “Daily Chronicle”. Употребление маркеров общеизвестности сигнализирует об известности рассматриваемого события или явления, соответственно неоспоримости его достоверности: подразумевается оперирование не конкретными данными или фактами, а некой абстрактной информацией, сформированной за счёт массовой известности. Авторы статьи приходят к выводам: подавляющее большинство маркеров общеизвестности, применительно к англоязычным текстам СМИ, выражены наречиями в значениях «обычно», «традиционно», «фактически» – 50 %; имеют место случаи выражения их глаголами в пассивном залоге (5 %), в Participle II (15 %) и Present Perfect (5 %), прилагательными (15 %), а также сочетаниями «прилагательное + Participle II» – 5 % и «предлог + существительное» – 5 %.

Ключевые слова: языковой маркер, лингвистические маркеры этнолингвистической и профессиональной идентичности, лингвистические маркеры взаимности действий, лингвистические маркеры трансляции опыта, лингвистические маркеры деловой коммуникации, дискурсивные маркеры.

Для цитирования: Хлыстунова Ю. Ю., Ульянова Н. Н. Языковые маркеры общеизвестности в современных англоязычных СМИ // Евразийский гуманитарный журнал. 2024. № 1. С. 63–75.

Original article

LANGUAGE MARKERS OF COMMON KNOWLEDGE IN MODERN ENGLISH MEDIA

Yulia Yur'evna Khlystunova¹, Natalia Nikolaevna Ulianova²

¹ Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia

² Novosibirsk Military Institute of the Order of Zhukov named after General of the Army I. K. Yakovlev of National Guard Troops of the Russian Federation, Novosibirsk, Russia

¹ pivovarova-julia@mail.ru

² natascha297@mail.ru

Abstract. The article reveals the content of the concept of "language marker", which in different sources has a different nomination, namely "marker words", "key words", "chrono-facts words", "key words", "symbol words", "witness words" and others. Modern texts are characterized by a mixture of styles, where markers allow you to determine the specifics of a person's worldview. The modern development of society has entered the era of decentralization, which affects the leveling of genre, plot, and ideological structures of texts, the allocation of which is facilitated by the use of certain language markers. In other words, when using a linguistic marker of common knowledge, the author gives a reference to those well-known facts or events fixed in the recipient's mind and thereby expresses an attitude towards what has been said. Functionally, the markers of common knowledge can be divided into appeals for the purpose of confirmation / criticism; giving a well-known example and generalizing of well-known facts. The research materials were articles from CNN, BBC News, The Wall Street Journal, Morning Star, Washington Times and Daily Chronicle, based on which the studied language units were selected. The use of well-known markers signals the prominence of the event or phenomenon in question, respectively, the indisputability of its reliability. Thus, the use of well-known markers signals a reference to an indisputable source of information that operates not with specific data or facts, but with some abstract information formed due to mass fame. The authors of the article come to the conclusion that the vast majority of markers of common knowledge, in relation to English-language media texts, are expressed in adverbs in the meaning of "usually", "traditionally", "actually" – 50 %. There are also cases of their expression by verbs in the passive voice (5 %), in Participle II (15 %) and Present Perfect (5 %), adjectives (15 %), as well as combinations of "adjective + Participle"

Keywords: linguistic marker, linguistic markers of ethnolinguistics and professional identity, linguistic markers of reciprocity of actions, linguistic markers of experience translation, linguistic markers of business communication, discourse markers.

For citation: Khlystunova Yu. Yu., Ulianova N. N. Language markers of common knowledge in modern English media. Eurasian Humanitarian Journal. 2024;1:63-75. (In Russ.).

Введение

Использование в текстах различных маркеров неразрывно связано с развитием общественных отношений и получением новых знаний, что зачастую создаёт необходимость апелляции к чему-то известному. Под языковыми маркерами понимается речевой приём, при котором говорящий стремится не только обратить на себя внимание, но и строит своё высказывание таким образом, чтобы в дальнейшем поддерживать контакт с реципиентом. Говоря об авторах текстов общественно-политического дискурса, необходимо отметить, что

для них характерно использование известных ранее фактов, событий, а сами авторские суждения строятся на проверенной информации, для апелляции к которой и применяются языковые маркеры.

В лингвистике «маркер» (от франц. *marquer* ‘отмечать’) – это свободная или связанная морфема, которая указывает на грамматическую функцию слова, фразы или предложения, на которые необходимо обратить внимание. Маркерами также можно назвать ключевые объекты в речи или в тексте, на употребление и существование которых автор хочет обратить особое внимание: факты, характеристики или категории времени, событий, явлений и т. д. Языковыми (лингвистическими) маркерами принято считать «ключевые слова» (англ. *keywords*). «К ключевым словам относятся лексические единицы, актуальные для текущего, сравнительно короткого исторического периода развития общества» [Майер 2020: 194].

Ю. А. Мельник определяет такие слова как «конкретные понятия и явления, которые в данный момент находятся в поле социального внимания» [Мельник 2017: 35]. Термин «ключевые слова» рассматриваются представителями различных наук в своей интерпретации, а именно таким образом, чтобы отразить её особенности.

В понимании З. Е. Фоминой ключевые слова – это «слова-хронофакты, то есть слова, характеризующие конкретный факт (явление, событие, понятие и т. п.), свойственный определённому срезу времени» [Фомина 1999: 207].

Анализируя информационно-поисковые базы с целью нахождения необходимой информации, используются так называемые «слова-ключи» или «*key words*», которые позволяют точно и быстро осуществить поиск в текстовом пространстве. В дефиниции А. Вежбицкой ключевые слова определяются как «слова, особенно важные и показательные для отдельно взятой культуры» [Вежбицкая 2001: 118]. Т. В. Шмелева сузила рассматриваемый термин до «ключевого слова текущего момента». «Ключевое слово текущего момента – это слово, находящееся у всех на устах, слово, “оказавшееся в центре всеобщего внимания”» [Шмелева 1993: 33].

Резюмируя сказанное, упомянем, что данное понятие употребляют в одном синонимическом ряду с терминами слова-символы, слова-маркеры, слова-ключи, ключевые термины, слова-свидетели, лексические единицы, служащие для понимания некой группы ассоциируемых понятий.

Основная часть

Можно утверждать, что языковые маркеры – это группа слов или словосочетаний, употребляемых в различных текстах для выделения особенностей на каком-либо языковом уровне (грамматическом, лексическом, фонетическом). Существует множество вариаций применения языковых маркеров, которые могут быть классифицированы по своему назначению в зависимости от интенций автора.

Речевая ситуация предопределяет использование различных лингвистических единиц в качестве языковых маркеров, с помощью которых автор может подчеркнуть значимые для него и / или читателей семантические объекты, которые применяются для обозначения тех или иных особенностей в определённых областях. Можно классифицировать языковые маркеры по пяти направлениям: лингвистические маркеры этнолингвистической и

профессиональной идентичности, лингвистические маркеры взаимности действий, лингвистические маркеры трансляции опыта, лингвистические маркеры деловой коммуникации и дискурсивные маркеры.

В современной лингвистической парадигме явления, возникающие и происходящие в языке, принято рассматривать как особые специфические слои обретенных тем или иным этносом знаний, а также повседневного опыта. Языковая картина мира, описывая или констатируя окружающую внеязыковую действительность, является отражением воспринимаемой реальности. Осознание личностью своего «Я» включает в себя необходимость её принадлежности к какой-либо этнической или профессиональной группе. Личность обретает при этом собственную индивидуальность, осваивая лексику и «профессиональный словарь».

Лингвистические маркеры могут быть кодифицированы в профессиональной и частной коммуникации представителей определённой профессии или этноса. Например, в лексике сотрудников правоохранительных органов: «откатать задержанного» означает взять у него отпечатки пальцев, «строчить шкурки по выявленным палкам» – писать рапорты по раскрытым преступлениям.

В лексике профессиональных водителей-дальнобойщиков можно встретить напутствие: «ни гвоздя, ни жезла». Оно означает пожелание успешного рейса без технических проблем и без остановок сотрудниками ГИБДД. Встречаются также случаи смещения ударения в общеупотребительных словах, к примеру, в слове «средства» у военнослужащих на последний слог. Использование подобной лексики или ударения в обиходе является сигналом того, что данный человек принадлежит к определённому сообществу, что характеризует его профессионально-квалификационный статус.

Таким образом, указанные единицы и речевые особенности можно считать языковыми маркерами, поскольку они выполняют функцию выделения особенностей языка, а в данном случае – профессиональной среды.

В языковом аспекте наличие общих или совместных действий несёт в себе характер взаимной обусловленности. Подобные конструкции обозначают ситуации, включающие двух или более участников, которые являются друг для друга одновременно субъектами и объектами воздействия. Чаще всего тому, кому в конкретной ситуации даётся роль подлежащего (совершившего действие), приписывается роль инициатора действия, а субъект является объектом действия со стороны первого субъекта. Данные лингвистические маркеры, как правило, распространены в юридической сфере, в работе правоохранительных органов при взятии показаний у задержанных (подследственных).

В русском языке выделяются следующие лингвистические способы их реализации – использование:

- 1) возвратных глаголов со «взаимным» значением;
- 2) возвратных местоимений;
- 3) «взаимных» местоимений (например, друг другу);
- 4) местоимений множественного числа (мы, нас);
- 5) слов, словосочетаний и предложений со значением «взаимный», «общий»;
- 6) определённых предложно-падежных конструкций;
- 7) синтаксических структур с активными участниками определённой ситуации.

Эти маркеры в речи позволяют уловить значение взаимодействия при наличии определённых условий и обстоятельств в той или иной ситуации, то есть данные единицы распространены повсеместно, особое значение им придаётся в юридической среде, как языковым инструментам. Проблема знания как компонента человеческой деятельности является актуальной ещё с античных времён. Попытка выработать понимание опыта при помощи лингвистических терминов привела к выделению определённых языковых единиц, которые по праву можно назвать маркерами. С. Б. Белецкий и А. А. Лесков выделяют следующие формальные показатели наборов маркеров:

1) «элементы сниженного (разговорного, обиходно-бытового) стиля речи: слова, выражения, конструкции, имеющие значение соответствующей семантики, окончания форм глаголов в прошедшем времени, эмотиконы;

2) элементы книжного и официально-делового стилей речи: безличные конструкции, формы глаголов настоящего времени, наречия значения постоянства, точности, общеизвестности, переводы с одного языка на другой, отличающиеся прямотой и точностью» [Белецкий, Лесков 2013: 586].

Данные маркеры точно отражают особенности чувственного и практического восприятия получаемого человеком опыта, приобретённых знаний и умений. Получение какого-либо опыта является неотъемлемой частью жизни, поэтому можно без труда рассмотреть лингвистические особенности в рамках процесса познания.

Важнейшей частью деятельности человека является общение. Что касается официально-деловой сферы человеческого взаимодействия, общение осуществляется по установленным общественными и деловыми нормами критериям. М. М. Бахтин, в частности, считает, что «сущность человека раскрывается» «во внутреннем и внешнем общении» [Бахтин 1986: 46]. При этом деловая коммуникация является средством организации и оптимизации различных видов деятельности и может подразделяться на устную форму (деловая речь) и письменную (деловая документация, корреспонденция), а маркеры деловой коммуникации могут указывать на принадлежность дискурса именно к этой сфере: маркеры констатации, маркеры волеприказания (директивы), маркеры комиссивности, маркеры экспрессивности и эмотивности, маркеры декларативности и маркеры вокативности [Майер 2020].

Маркеры призваны регулировать официально-деловые отношения и указывают на принадлежность говорящего к такого рода сфере деятельности. Дискурсивные маркеры по праву считают достаточно популярным объектом лингвистического исследования, поскольку они имеют широкий диапазон применения и спектр функциональных возможностей, что обеспечивает целостность смысла коммуникации, выражает субъективное отношение к ситуации или действию, регулирует процесс усвоения знаний и понимания текста (речи). Каждый конкретный язык обладает своим набором дискурсивных средств, владение которыми является показателем коммуникативной компетенции человека. Дискурсивные маркеры обладают прагматической многозначностью, поскольку их значение достаточно абстрактно. Но анализ позволяет увидеть и выделить вариативность употребления языковых средств. Б. Фрейзер констатирует, что «прагматические маркеры представляют собой функциональный класс лексических выражений, задача которых заключается в демонстрации взаимосвязей между высказываниями» [Fraser 2002: 201].

Так, маркер фактичности подчеркивает практическую значимость для реципиента информации, получаемой в ходе ознакомления с дискурсом. На письме и в речи они могут быть представлены такими наречиями как: *актуально, немаловажно* в русском языке; *in fact, actually* – в английском, *tatsächlich, in Realität* – в немецком. Дискурсивный маркер *actually* употребляется в качестве вводной конструкции в начале или конце предложения, сравните: *Actually, not at all* или *I like to use there stroom, actually*.

Таким образом, маркер выполняет уже не семантическую, а прагматическую функцию. В функции дискурсивного маркера он относится ко всему высказыванию и может указывать на соотношение полученной ранее информации к новой. Немецкий маркер *tatsächlich* употребляется, как правило, в препозиции, что объясняется рамочной конструкцией предложения. Анализ теоретических источников позволяет нам определить, что маркеры общеизвестности включают в себя те лексические и лексико-грамматические средства, что отражают интенции автора, вводимые в высказывания. Иными словами, автор даёт отсылку к тем общеизвестным фактам или событиям, которые закреплены в сознании реципиента и выражает тем самым своё отношение к сказанному.

Функционально маркеры общеизвестности можно разделить на четыре группы, использованные с целью подтверждения, критики, приведения общеизвестного примера, обобщения общеизвестных фактов.

Таким образом, употребление маркеров общеизвестности сигнализирует об известности рассматриваемого события или явления, неоспоримости его достоверности и оперирует не конкретными данными или фактами, а некой абстрактной информацией, сформированной за счёт массовой известности. На основе анализа англоязычных статей из “CNN”, “BBC News”, “The Wall Street Journal”, “Morning Star”, “Washington Times” и “Daily Chronicle” были отобраны лексические средства, выражающие исследуемый маркер (см. Таблица 1).

Таблица 1. Процентное соотношение представленности маркеров общеизвестности на материале английских общественно-политических текстов

Способ выражения маркера	Глагол в пассивном залоге	Наречие	Глагол в participle II	Прилагательное	Глагол в present perfect	Прилагательное + participle II	Предлог + существительное
%	5 %	50 %	15 %	15 %	5 %	5 %	5 %

(1) Фрагмент из статьи британского новостного агентства “BBC News”, посвящённой новелле Джозефа Конрада «Сердце тьмы»: *Conrad’s novella was first serialised in Blackwood’s Edinburgh Magazine in 1899 and is now **considered** a seminal piece of literature for its brutal critique of European colonialism and the devastating effect it had on African civilisations. Academics, literary critics and readers continue to celebrate the British–Polish author for bravely depicting the horrifying reality of colonialism at a time when it continued to infect the lands on which Europe laid its claim without significant objection from ‘civilised’ society [25]. Considered – считается; маркер общеизвестности выражен глаголом в пассивном залоге.*

(2) Фрагмент из статьи британского новостного агентства “BBC News” под заголовком “Spending Review: What is it and how does it affect me?": *Normally the amount of money a chancellor would allocate in a Spending Review would be strictly limited by how much they would be prepared for the government to borrow* [22]. *Normally* – обычно; маркер общеизвестности выражен вводным словом, наречием.

(3) Материал из сообщения британского информационного агентства “BBC News” под заголовком “US military drops 'mother of all bombs on IS' in Afghanistan”: *The GBU-43/B Massive Ordnance Air Blast Bomb (MOAB), known as "the mother of all bombs", is the largest non-nuclear bomb ever used by the US in a conflict* [27]. *Known as...* – известная, как...

Маркер общеизвестности выражен глаголом в форме причастия II.

(4) Материал из статьи британского новостного агентства “BBC News” под заголовком “Mother of all bombs: How powerful is US mega-weapon?": *Russia has developed its own massive conventional bomb, nicknamed the Father Of All Bombs. The FOAB is a kind of fuel-air bomb, technically known as a thermobaric weapon* [19]. *Known as...* – известная, как...

Маркер общеизвестности выражен глаголом в форме причастия II.

(5) Фрагмент из статьи британского новостного агентства “BBC News” под названием “Islamic State: Raqqa's loss seals rapid rise and fall”: *Around 1,700 are believed to have been massacred in cold blood. The mass graves are still being exhumed* [14]. *Believed* – считается; маркер общеизвестности выражен вводным словом, наречием.

(6) Материал из статьи британского новостного агентства «BBC News» под названием “Islamic State: Raqqa's loss seals rapid rise and fall”: *“IS issued a video showing its notorious, London-accented and now late executioner Mohammed Emwazi (sardonically nicknamed "Jihadi John" by former captives) gruesomely beheading American journalist James Foley”* [14].

Notorious – «печально известный». В данном случае маркер общеизвестности выражен прилагательным и указывает на негативный пример общеизвестного факта, в данном контексте – о преступнике и палаче.

(7) Фрагмент из статьи британского новостного агентства «BBC News» под заголовком “Coronavirus and gender: More chores for women set back gains in equality”: *“More alarming is the fact that many women are actually not going back to work,” says Ms Bhatia* [10]. *Actually* – фактически; маркер общеизвестности выражен наречием.

(8) Фрагмент из статьи британского новостного агентства “BBC News” под заголовком “Manchester Arena Inquiry: Prisoner in touch with bomber to be released”: *The Manchester Arena Inquiry, which is investigating all aspects of the attack carried out by Salman Abedi in May 2017 that killed 22 people, has heard that Abdallah is a “witness with important evidence to give”.*

But, when interviewed in prison this summer by inquiry lawyers, Abdallah refused to answer any questions in case he incriminated himself [17].

Has heard – стало известно (в данном контексте).

Маркер общеизвестности выражен глаголом в форме Present Perfect.

(9) Фрагмент из статьи британского новостного агентства “BBC News” под заголовком “The young woman who saved millions of lives without knowing”: *In most people a natural process called senescence puts a limit on the lifespan of cells. Senescence is linked to aging: as cells divide and multiply over time, the accuracy of each accompanying replication of DNA wanes. The protective caps on the end of each strand of DNA – known as telomeres – shorten, until*

eventually the DNA strands are unprotected and harmful mutations arise. These mutations tend to be associated with cancers and other age-related diseases. To protect against this, the replication machinery inside cells is able to detect this shortening of the telomeres so that after a certain point they stop dividing [24]. *Known as...* – известные как...

Маркер общеизвестности выражен глаголом в форме причастия II.

(10) Материал из статьи британского новостного агентства “BBC News” под заголовком “Kylie Moore-Gilbert: Lecturer released by Iran in prisoner swap”: *Concerns for her wellbeing escalated in August when news emerged that she had been transferred to Qarchak, a notorious prison in the desert.*

She was visited shortly afterwards by Australia's ambassador to Iran, Lyndall Sachs, who reported that she was "well" [16].

Notorious – печально известную; маркер общеизвестности выражен прилагательным.

(11) Материал из статьи американской газеты «Washington Times» под заголовком «Trump grants 'full pardon' to Michael Flynn».

Controversial high-profile pardons usually come in the final days of an administration, perhaps signaling that Mr. Trump understands that his time in office is coming to an end, despite insisting he won the presidential election.

The pardon ends three years of legal back-and-forth as his case moved through the court system [26].

Usually – обычно; маркер общеизвестности выражен наречием.

(12) Фрагмент из статьи американской газеты “Daily Chronicle” под заголовком “Update: DeKalb police search for green van suspected in reported abduction of 10-year-old boy”: *A 10-year-old reported that two males in a van forced him into the car and the car drove a mile or two," Redel said. "Down by Schnucks he was able to jump out of the car".*

Redel said police are still investigating the incident and are urging anyone who may have seen the car around the 100 block of Loren Drive, where the incident reportedly happened, to contact DeKalb police with details [21].

Reportedly – как сообщается; маркер общеизвестности выражен наречием.

(13) Фрагмент из статьи британской газеты “Morning Star” под названием “Student occupiers celebrate victory after Manchester University pays out £12m rent rebate”: *This amounts to a £12 million pay-out, which makes this the largest win for a university rent strike in known history.*

Although an incredible victory, this money pales in comparison to the £40 million 'surplus' that the university reported in the 2018-19 academic year [21].

Known – известной; маркер общеизвестности выражен прилагательным.

(14) Фрагмент из статьи американского журнала “The Wall Street Journal” под заголовком “Midwestern Governors Seek More Federal Covid-19 Aid for Businesses”: *Businesses, which generally got a smaller slice of the aid than programs directly tied to the public-health emergency, are in a particularly precarious spot. In addition, federal loans to businesses during the shutdown earlier this year-known as the Paycheck Protection Program-have since run out [18].* *Generally* – обычно; маркер общеизвестности выражен наречием.

(15) Материал из статьи американского журнала “The Wall Street Journal” под заголовком “In Italy's South, War Zone Doctors Are Called to the Rescue Amid Covid-19 Upsurge”: *The Milan-based nongovernmental organization Emergency is best known for assisting*

war victims in countries such as Afghanistan, or Ebola patients in Sierra Leone. It has now agreed to help confront the crisis in Italy's poorest region of Calabria, where the dysfunctional health-care system is ill-equipped to deal with a viral outbreak [13]. Best known... – наиболее известна...

Маркер общеизвестности выражен конструкцией «прилагательное в превосходной степени + причастие II».

(16) Фрагмент из статьи американского журнала “The Wall Street Journal” под названием “New Face Masks Relieve Pressure on N95 Supplies”: *The companies say their new masks follow recommendations from public health authorities and **typically** include a combination of reusable layers and a replaceable filter.*

“It's not just about covering your face anymore; it's about how effectively you are mitigating the spread of the virus,” one buyer said [20].

Typically – обычно (в данном контексте); маркер общеизвестности выражен наречием.

(17) Фрагмент из статьи издательства “CNN” под заголовком “Biden to begin receiving Presidential Daily Briefings on Monday”: *Biden is set to begin receiving Presidential Daily Briefings on Monday, a courtesy that is **traditionally** given to the president-elect, which was delayed by nearly four weeks because of Trump's refusal to concede.*

Meanwhile, binders have been created for the transition activities, specifically with regard to work at the National Security Council, with details about how the Principal Coordination Committee, a key interagency meeting, and other types of meetings are conducted, the official said [9]. Traditionally – традиционно; маркер общеизвестности выражен наречием.

(18) Фрагмент из статьи издательства «CNN» подзаголовком «How Biden won: He built on Clinton's successes».

*«**In fact**, Biden's 94 % among Democrats was the highest ever for a Democratic nominee since the first exit poll in 1972. His 89 % among liberal swastied for the highest» [9].*

Infact – фактически; маркер общеизвестности выражен вводной конструкцией «предлог + существительное».

(19) Фрагмент из статьи издательства “CNN” под заголовком “US cities are losing 36 million trees a year. Here's why it matters and how you can stop it”: *"A lot of our native trees can't actually find a place to drop an acorn so they can regenerate," explains Greg Levine, co-executive director for Trees Atlanta.*

*"That's why the community has to go in and **actually** plant a tree because the areas just aren't natural anymore" [15].*

Actually – фактически (в данном контексте); маркер общеизвестности выражен наречием.

(20) Фрагмент из статьи британского новостного агентства “BBC News” под заголовком “Ethiopia's Tigray crisis: Fears of a march into guerrilla warfare”: *Mr Davison said that while federal troops were advancing towards Mekelle, it was unclear how many towns and cities they had **actually** taken control of along the way and how many they had just passed through [11].*

Actually – фактически (в данном контексте); маркер общеизвестности выражен наречием.

Заключение

Для удобства определения особенностей функционирования языковых маркеров общеизвестности в англоязычных общественно-политических текстах приведём отдельно данные единицы: *considered, normally, knownas, believed, notorious, actually, hasheard, usually,*

reportedly, generally, best known, typically, traditionally, in fact. Представляется, что подавляющее большинство маркеров общеизвестности, применительно к англоязычным текстам СМИ, выражены наречиями в значении «обычно», «традиционно», «фактически» – 50 %.

Также имеют место случаи выражения их глаголами в пассивном залоге (5 %), в Participiale II (15 %) и Present Perfect (5 %), прилагательными (15 %), а также сочетаниями «прилагательное + Participiale II» – 5 % и «предлог + существительное» – 5 %. Таким образом, понятие *языковой маркер* можно передать определением *ключевое слово*. Это слово, словосочетание или выражение, задачей которого является подчеркнуть или выделить что-либо в тексте, его наиболее важный аспект, или показать точку зрения автора.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1986. 445 с.
2. Белецкий С. Б., Лесков А. А. База знаний по обучению в Испании как элемент организационной коммуникации // Образовательные технологии и общество. 2013. Т. 16. № 2. С. 581–594.
3. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М. : Языки славянской культуры, 2001. 288 с.
4. Галиева К. С. Понятие маркера и его виды и функции: эволюция в науке и искусстве // Язык и культура в современном мире : Сборник материалов Всероссийской научно-практической студенческой конференции с международным участием, Челябинск, 29 апреля 2022 года. Челябинск : ЗАО «Библиотека А. Миллера», 2022. С. 23–28.
5. Майер В. С. Словообразовательное моделирование языковых маркеров современности (на материале немецкого языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. № 6. С. 194–202.
6. Мельник Ю. А. Языковые маркеры новейшего времени (на материале социолингвистических проектов «Слово года») // Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки. 2017. № 11 (407). С. 34–43.
7. Фомина З. Е. Слова-хронофакты в языке политических текстов // Язык и эмоции : Сборник научных трудов. Волгоград : Перемена, 1995. С. 207–215.
8. Шмелева Т. В. Ключевые слова текущего момента // Collegium. 1993. № 1. С. 33–41.
9. Biden to face test over access to sensitive information as he inherits Trump's secret serve. URL: <https://edition.cnn.com/2020/11/26/politics/biden-trump-sensitive-information/index.html> (дата обращения: 24.11.2020).
10. Coronavirus and gender: More chores for women set back gains in equality. URL: <https://www.bbc.com/news/world-55016842> (дата обращения: 17.11.2020).
11. Ethiopia's Tigray crisis: Fears of a march into guerrilla warfare. URL: <https://www.bbc.com/news/world-africa-55065229> (дата обращения: 24.11.2020).
12. Fraser B. An Account of Discourse Markers // International Review of Pragmatics. 2002. P. 6–20.
13. In Italy's south warzone doctors are called to the rescue amid covid-19 upsurge. URL: <https://www.wsj.com/articles/in-italys-south-warzone-doctors-are-called-to-the-rescue-amid-covid-19-upsurge-11606397699> (дата обращения: 22.11.2020).
14. Islamic State': Raqqa's loss seals rapid rise and fall. URL: <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-35695648> (дата обращения: 17.11.2020).

15. IYW cities losing 36 million trees. - howtohelp? URL: <https://edition.cnn.com/2019/07/20/health/iyw-cities-losing-36-million-trees-how-to-help-trnd/index.html> (дата обращения: 24.11.2020)
16. Kylie Moore–Gilbert: Lecturer released by Iran 'in prisoner swap'. URL: <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-55077744> (дата обращения: 19.11.2020).
17. Manchester Arena Inquiry: Prisoner in touch with bomber to be released. URL: <https://www.bbc.com/news/uk-55079754> (дата обращения: 17.11.2020).
18. Midwestern Governors Seek More Federal Covid–19 Aid for Businesses. URL: <https://www.wsj.com/articles/midwestern-governors-seek-more-federal-covid-19-aid-for-businesses-11606395603> (дата обращения: 21.11.2020).
19. Mother of all bombs: How powerful is US mega–weapon? URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-39596333> (дата обращения: 17.11.2020).
20. New Face Masks Relieve Pressure on N95 Supplies. URL: <https://www.wsj.com/articles/new-face-masks-relieve-pressure-on-n95-supplies-11606386602> (дата обращения: 22.11.2020).
21. Over 12 % of DeKalb County residents are now fully vaccinated; 15 more cases Tuesday. URL: <https://www.daily-chronicle.com/2020/11/25/update-dekalb-police-search-for-green-van-suspected-in-reported-abduction-of-10-year-old-boy/a57a30p/> (дата обращения: 21.11.2020).
22. Spending Review: What is it and how does it affect me? URL: <https://www.bbc.com/news/business-49549350> (дата обращения: 16.11.2020).
23. Student occupiers celebrate victory after Manchester University pays out £12m rent rebate. URL: <https://morningstaronline.com.uk/article/b/student-occupiers-celebrate-victory-after-manchester-university-pays-out-12m-rent-rebate> (дата обращения: 21.11.2020).
24. The young woman who saved millions of lives without knowing. URL: <https://www.bbc.com/future/article/20201123-the-young-woman-who-saved-millions-of-lives-without-knowing> (дата обращения: 19.11.2020).
25. The real heart of Darkness. URL: <https://www.bbc.com/culture/article/20201027-the-real-heart-of-darkness> (дата обращения: 16.11.2020).
26. Trump grants 'full pardon' to Flynn. URL: <https://www.washingtontimes.com/news/2020/nov/25/michael-flynn-granted-full-pardon-donald-trump/> (дата обращения: 19.11.2020).
27. US military drops 'mother of all bombs on IS' in Afghanistan. URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-39595989> (дата обращения: 16.11.2020).

References

1. Bahtin M. M. *Jestetika slovesnogo tvorcestva [Aesthetics of verbal creativity]*. Moscow, Iskustvo Publ., 1986, 445 p. (In Russ.).
2. Beleckij S. B., Leskov A. A. *Vaza znanij po obucheniju v Ispanii kak jelement organizacionnoj kommunikacii [Knowledge base on training in Spain as an element of organizational communication]. Obrazovatel'nye tehnologii i obshhestvo [Educational technology and society]*. 2013, vol. 16, no. 2, pp. 581-594. (In Russ.).
3. Vezhbickaja A. *Ponimanie kul'tur cherez posredstvo kljuchevyh slov [Understanding cultures through keywords]*. Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 2001, 288 p. (In Russ.).
4. Galieva K. S. *Ponjatие markera i ego vidy i funkicii: jevoljucija v nauke i iskusstve [The concept of a marker and its types and functions: evolution in science and art]. Jazyk i kul'tura v sovremennom mire [Language and culture in the modern world]*. Cheljabinsk, ZAO «Biblioteka A. Millera» Publ., 2022, pp. 23-28. (In Russ.).

5. Majer V. S. Slovoobrazovatel'noe modelirovanie jazykovykh markerov sovremennosti (na materiale nemeckogo jazyka) [Word-formation modeling of modern language markers (based on the material of the German language)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Questions of theory and practice]. 2020, vol. 13, no. 6, pp. 194-202. (In Russ.).
6. Mel'nik Ju. A. Jazykovye markery novejshego vremeni (na materiale sociolingvisticheskikh proektov «Slovo goda») [Linguistic markers of modern times (based on the sociolinguistic projects “Word of the Year”)]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologicheskie nauki* [Bulletin of Chelyabinsk State University. Philological sciences]. 2017, no. 11 (407), pp. 34-43. (In Russ.).
7. Fomina Z. E. Slova-hronofakty v jazyke politicheskikh tekstov [Words-chronofacts in the language of political texts]. *Jazyk i jemocii* [Language and emotions]. Volgograd, Peremena Publ., 1995, pp. 207-215. (In Russ.).
8. Shmeleva T. V. Kljuchevye slova tekushhego momenta [Keywords of the moment Collegium]. 1993, no. 1, pp. 33-41. (In Russ.).
9. Biden to face test over access to sensitive information as he inherits Trump's secret serve. URL: <https://edition.cnn.com/2020/11/26/politics/biden-trump-sensitive-information/index.html> (accessed: 24.11.2020).
10. Coronavirus and gender: More chores for women set back gains in equality. URL: <https://www.bbc.com/news/world-55016842> (accessed: 17.11.2020).
11. Ethiopia's Tigray crisis: Fears of a march into guerrilla warfare. URL: <https://www.bbc.com/news/world-africa-55065229> (accessed: 24.11.2020).
12. Fraser B. An Account of Discourse Markers // *International Review of Pragmatics*. 2002. P. 6–20.
13. In Italy's south warzone doctors are called to the rescue amid covid-19 upsurge. URL: <https://www.wsj.com/articles/in-italys-south-warzone-doctors-are-called-to-the-rescue-amid-covid-19-upsurge-11606397699> (accessed: 22.11.2020).
14. Islamic State': Raqqa's loss seals rapid rise and fall. URL: <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-35695648> (accessed: 17.11.2020).
15. IYW cities losing 36 million trees. - howtohelp? URL: <https://edition.cnn.com/2019/07/20/health/iyw-cities-losing-36-million-trees-how-to-help-trnd/index.html> (accessed: 24.11.2020)
16. Kylie Moore–Gilbert: Lecturer released by Iran 'in prisoner swap'. URL: <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-55077744> (accessed: 19.11.2020).
17. Manchester Arena Inquiry: Prisoner in touch with bomber to be released. URL: <https://www.bbc.com/news/uk-55079754> (accessed: 17.11.2020).
18. Midwestern Governors Seek More Federal Covid–19 Aid for Businesses. URL: <https://www.wsj.com/articles/midwestern-governors-seek-more-federal-covid-19-aid-for-businesses-11606395603> (accessed: 21.11.2020).
19. Mother of all bombs: How powerful is US mega–weapon? URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-39596333> (accessed: 17.11.2020).
20. New Face Masks Relieve Pressure on N95 Supplies. URL: <https://www.wsj.com/articles/new-face-masks-relieve-pressure-on-n95-supplies-11606386602> (accessed: 22.11.2020).
21. Over 12 % of DeKalb County residents are now fully vaccinated; 15 more cases Tuesday. URL: <https://www.daily-chronicle.com/2020/11/25/update-dekalb-police-search-for-green-van-suspected-in-reported-abduction-of-10-year-old-boy/a57a30p/> (accessed: 21.11.2020).
22. Spending Review: What is it and how does it affect me? URL: <https://www.bbc.com/news/business-49549350> (accessed: 16.11.2020).

23. Student occupiers celebrate victory after Manchester University pays out £12m rent rebate. URL: <https://morningstaronline.com.uk/article/b/student-occupiers-celebrate-victory-after-manchester-university-pays-out-12m-rent-rebate> (accessed: 21.11.2020).

24. The young woman who saved millions of lives without knowing. URL: <https://www.bbc.com/future/article/20201123-the-young-woman-who-saved-millions-of-lives-without-knowing> (accessed: 19.11.2020).

25. The real heart of Darkness. URL: <https://www.bbc.com/culture/article/20201027-the-real-heart-of-darkness> (accessed: 16.11.2020).

26. Trump grants 'full pardon' to Flynn. URL: <https://www.washingtontimes.com/news/2020/nov/25/michael-flynn-granted-full-pardon-donald-trump/> (accessed: 19.11.2020).

27. US military drops 'mother of all bombs on IS' in Afghanistan. URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-39595989> (accessed: 16.11.2020).

Информация об авторах

Ю. Ю. Хлыстунова – кандидат филологических наук, доцент,
кафедра романо-германской филологии,

Новосибирский государственный педагогический университет;

Н. Н. Ульянова – кандидат филологических наук, доцент,

*Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И. К. Яковлева
войск национальной гвардии Российской Федерации; кафедра романо-германской филологии,
Новосибирский государственный педагогический университет.*

Information about the authors

Yu. Yu. Khlystunova – Ph. D. (Philology), Associate Professor,
*Department of Romano-Germanic Languages,
Novosibirsk State Pedagogical University;*

N. N. Ulianova – Ph. D. (Philology), Associate Professor,
Department of Translation and Translation Studies,

*Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute named after General I. K. Yakovlev
Army of the National Guard Troops of the Russian Federation,
Associate Professor, Department of Romano-Germanic Languages,
Novosibirsk State Pedagogical University.*

Статья поступила в редакцию 10.09.2023; одобрена после рецензирования 25.10.2023; принята к публикации 10.01.2024.

The article was submitted 10.09.2023; approved after reviewing 25.10.2023; accepted for publication 10.01.2024.

Евразийский гуманитарный журнал. 2024. № 1. С. 76–86.

Eurasian Humanitarian Journal. 2024. No. 1. P. 76-86.

Научная статья

УДК 811.111'23

СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ МАНИПУЛЯТИВНОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКИХ СТАТЬЯХ СМИ

Надежда Николаевна Меньшакова¹, Егор Витальевич Ильенков²

^{1,2} Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь,
Россия, mnesperanza@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена анализу приёмов, стратегий и тактик манипулятивности, используемых авторами политических статей в современных средствах массовой информации, в том числе и на английском языке. Желание манипулировать сознанием реципиентов заставляет автора создавать текст, наполненный оценочными высказываниями, зачастую не имеющими никакого фактического подтверждения, кроме мнения самого автора. Манипулятивный характер текстов политического дискурса является его неотъемлемой чертой и выражается вполне определёнными вербальными средствами, которые поддаются индентификации и которые можно квалифицировать. Наиболее распространёнными средствами выражения манипулятивности являются реализация стратегии мобилизации, тактика шокирования фактами и тактика цитирования объекта дискредитации. Авторами данного исследования проводится подробный анализ одной газетной политической статьи из известного американского журнала The New Yorker. Это средство массовой информации специализируется на политических новостях, сообщениях о сфере массовой культуры, нередко использует юмор, а также публикует различные подкасты и видео самой разной тематики. Однако основной упор журнал The New Yorker делает на освещении политики и социо-культурных явлений. Автором анализируемой статьи является американская журналистка Susan B. Glasser. В статье о Дональде Трампе и выборах президента США, журналистка однозначно и довольно субъективно высказывается о кандидате в президенты и о политической ситуации в стране в целом. Анализ тактик и стратегий манипуляции анализируемой статьи позволяет реципиенту увидеть, каким образом – с помощью каких средств – её автор манипулирует сознанием читателей.

Ключевые слова: манипулятивность, политический дискурс, СМИ, стратегии, тактики.

Для цитирования: Меньшакова Н. Н., Ильенков Е. В. Стратегии и тактики манипулятивности в политических статьях СМИ // Евразийский гуманитарный журнал. 2024. № 1. С. 76–86.

Original article

STRATEGIES AND TACTICS OF MANIPULATIVENESS IN POLITICAL ARTICLES OF MASS MEDIA

Nadezhda N. Menshakova¹, Egor V. Ilyenkov²

Perm State University, Perm, Russia, mnesperanza@mail.ru

Abstract. The article deals with the peculiarities of techniques, strategies and tactics of manipulateness used by the authors of political articles in modern mass media. Manipulation of the recipients' consciousness allows creating a text filled with evaluative statements that have no factual evidence, except for the author's opinion. Manipulateness in political discourse is an integral part of it and is expressed by certain verbal means. The most common means of expressing manipulateness are the implementation of mobilization strategy, tactics of shocking with facts and tactics of quoting the object of discrediting. The paper provides a detailed analysis of one newspaper political article from The New Yorker magazine, which specializes in political news, mass culture, humor, and also publishes various videos and podcasts on various topics, but the main focus of the magazine is on politics and socio-cultural phenomena. The author of the analyzed article is Susan B. Glasser. In the article about Donald Trump and the US presidential election, the journalist unambiguously and subjectively speaks about the presidential candidate and the political situation in general. Analyzing the tactics and strategies of manipulation in the article allows us to see how the author manipulates the readers' consciousness.

Keywords: manipulateness, political discourse, media, strategies, tactics.

For citation: Ilyenkov E. V., Menshakova N. N. Strategies and tactics of manipulateness in political articles of mass media. Eurasian Humanitarian Journal. 2024;1:76-86. (In Russ.).

Введение

По меткому выражению Аристотеля, человек есть политическое животное. Считается, что политика управляет человеком, направляет его, сдерживает общество от хаоса; структурирует другие институты общества и контролирует их, поддерживает экономику, реализует интересы социальных групп, распределяет ресурсы. Поскольку политика стремится глубоко проникнуть в жизнь отдельного человека, в ней развились особые инструменты, способствующие реализации поставленных политических целей. К таким инструментам можно отнести манипулятивность, пропаганду. Они могут обратить ситуацию в пользу говорящего, заставить реципиента мыслить в том или ином направлении.

Политические события освещают средства массовой информации, роль которых в современном мире сложно недооценить. Без СМИ в повседневной жизни практически невозможно было бы узнать, что происходит в мире. СМИ предстают посредником в передаче информации из «первых уст» реципиенту.

Однако информация в СМИ зачастую проходит определённую фильтрацию, видоизменяется и доходит до реципиента в переиначенном – искажённом – виде. СМИ, как и политика, стараются проникнуть как можно глубже в жизнь конкретного человека и напрямую влиять на него. Именно поэтому СМИ активно используют приёмы пропаганды и манипулятивности.

Актуальность данного исследования обусловлена вышеизложенными фактами. Цель исследования состоит в выявлении приёмов манипулятивности в публицистических статьях политической направленности. В исследовании использовались такие методы, как стилистический анализ, семантический анализ, а также лингвопереводческий анализ.

Основная часть

Политический дискурс, как и любой другой вид дискурса, обладает отличительными особенностями. Под политическим дискурсом понимаются указы, законы, тексты политической тематики: политологические и социально-политические статьи. Политический

дискурс в СМИ характеризуется не такими строгими формулировками, как в указах или законах. Поэтому можно сказать, что он содержит не только политический стиль, но и отображает личные особенности речи оратора / автора. В данной статье рассматривается лингвостилистическая специфика политического дискурса. Под лингвостилистическими особенностями подразумеваются средства и приёмы выразительности разных языковых уровней, которые влияют на стиль и жанр текста.

К лингвостилистическим особенностям политического дискурса относятся следующие: использование терминов, пассивного и активного залогов, средств выразительности (метафор, фразеологизмов и метонимий), а также номинализации и повторов ключевых фрагментов речи / текста. Помимо этого, политический дискурс характеризуется эмоциональной окрашенностью и употреблением различных приёмов внушения идей, убеждений – манипулятивности и провокаций [Андросова 2014: 25; Бейня 2018: 100; Варламова 2007: 87; Федоров: эл. ресурс].

Манипулятивность является основополагающим аспектом в политическом дискурсе, так как является формой внушения идей. В. А. Мишланов, в частности, считает, что манипулятивность имеет прямое отношение к лингвистике, так как осуществляется с помощью речевых средств и происходит в трёх направлениях: в психологическом, политологическом и социологическом [Мишланов 2003].

Манипуляция рассматривается как «ухищрение», «махинация» или «жульничество», то есть сам термин имеет негативную коннотацию. Во всех сферах данный термин имеет общее значение – коммуникативное воздействие на реципиента на основе психологических тактик с целью внедрения определённых установок [Большой психологический словарь: эл. ресурс; Энциклопедия социологии: эл. ресурс; Политическая наука. Словарь-справочник: эл. ресурс]. По определению Е. С. Поповой «манипуляция это – разновидность скрытого речевого воздействия, направленного на достижение собственных целей субъекта воздействия, которые не совпадают с намерениями или противоречат желаниям и интересам объекта воздействия» [Попова 2005: 6].

И. Г. Катенева, анализируя предвыборные материалы партий, пришла к выводу, что одной из наиболее популярных манипулятивных стратегий является тактика «шокирования “фактами”» [Катенева 2012: 90]. Исследователь также выделяет в качестве популярной тактики для манипулирования «цитирование объекта дискредитации», которая заключается в «выхватывании фразы из контекста» и в «неадекватных комментариях» [там же].

Исследователи выделяют также стратегию мобилизации и отождествление себя с говорящим [Сагайдачная 2007]. Помимо вербальных приёмов и тактик манипулятивности в выступлениях политиков используются невербальные приёмы: жестикация, интонация и мимика являются не менее важными компонентами манипулятивности [Журавлева 2020: 35; Сафина 2017: 111, 114].

Рассмотрим названные вербальные тактики манипуляции на материале газетной статьи “Don’t Say You Haven’t Been Warned About Trump and 2024” американской журналистки Сьюзан Глассер, опубликованной в The New Yorker.

Стратегия мобилизации

The disaster that was the CNN “town hall” with Trump in New Hampshire on Wednesday night was both predictable and predicted. None of it was a surprise. The Donald Trump running in the 2024 Presidential election is the same Donald Trump he always was, a purveyor of industrial-strength untruths. A demagogue. A hater. The struggle of the interviewer, CNN’s Kaitlan Collins, to fact-check his fire hose of falsehoods was painful to watch. The kindest thing to say is that she tried. It is not easy when the former President of the United States is calling you a “nasty person” in front of a cheering crowd of his voters.

Первое предложение данного абзаца указывает на намеренное (излишнее) утрирование ситуации, что раскрывает суть стратегии мобилизации, сравните: «Дискуссия CNN с Трампом в Нью-Хэмпшире в среду вечером обернулась настоящей катастрофой. Однако она была предсказуема и прогнозируема. Это не было неожиданностью» (Здесь и далее перевод наш). Слова *predictable* и *predicted* указывают на негативное отношение к Трампу и отсутствие позитивных ожиданий от его личности. Тем самым автор статьи намекает, что Трамп уже давно показал своё «отрицательное» поведение – было ожидаемо, что он продемонстрирует его и в этот раз. Слово *disaster* не подкрепляется фактами и в целом утрирует ситуацию. В словах «Дональд Трамп, участвующий в президентских выборах 2024 г. – абсолютно тот же самый Трамп, каким он и всегда был, – распространитель лжи промышленной мощи. Демагог. Ненавистник» можно заметить открытую неприязнь автора к фигуре Д. Трампа. Парцелляция используется как дополнительное средство для усиления отрицательного образа Д. Трампа.

Слова *demagogue* и *hater* имеют отрицательные коннотации: *demagogue – a person, especially a political leader, who wins support by exciting the emotions of ordinary people rather than by having good or morally right ideas* [Cambridge Dictionary: эл. ресурс]; *hater – a person who hates somebody/something* [Cambridge Dictionary: эл. ресурс]. Эти слова помогают автору продемонстрировать нужное ему – негативное – мнение об образе Трампа и убедить в своей правоте реципиента.

В следующем фрагменте С. Глассер пишет: *Throughout, Collins struggled, and how could she not, having been assigned a near-impossible task?* В данном предложении автор гиперболизирует положение Коллинз перед аудиторией. Выражение *near-impossible task* говорит о предвзятости толпы, поддерживающей Трампа.

Далее С. Глассер задаёт ряд вопросов: *Should Trump be given a platform to make his attacks on American democracy, and, if so, should you listen? Does the mere fact of his large following in an increasingly radicalized and extremist Republican Party require that news organizations broadcast his views to millions?* При этом слово *attack* имеет явно негативный оттенок. Автор завуалированно говорит, что Трамп нападает на такую важную для жителей США демократию, и ему буквально предоставляют для этого место, откуда он и может это делать. Во втором вопросе использованы как стратегия мобилизации, так и тактика шокирования фактами. Журналистка гиперболизировано называет партию Трампа радикальной и экстремистской, чтобы удивить реципиента и внушить ему, что эта партия и Трамп в том числе – опасны для общества (*extrimist – a person whose opinions, especially about religion or politics, are extreme, and who may do things that a reviolent, illegal* [Oxford Dictionary: эл. ресурс]).

Рассмотрим ещё один контекст, в котором одновременно применяются тактика шокирования фактами и стратегия мобилизации: *He gleefully slung insults at “RINOs” and Democrats and Europeans. He said words like “horrible” a lot. “Our country is being destroyed by stupid people, by very stupid people,” he said. It was the same garbled nonsense, empty catchphrases, and nasty gibberish so familiar from his four years in the White House. This 2024 Trump still does not speak in coherent sentences, or make arguments. He’s a demagogue. He demagogued.*

Говоря о том, что Трамп оскорблял с ликованием, журналистка использует тактику шокирования фактами – высокопоставленный человек ведёт себя некорректно и непрофессионально. Сам Трамп применяет стратегию мобилизации, чтобы гиперболизировать происходящее в США. Он говорит о том, что страну буквально разрушают глупые люди, а стране нужна помощь – слова *destroy* и *stupid* негативно окрашены и передают отношение Трампа к людям, которые управляют страной. В данном фрагменте снова можно заметить презрительное отношение к Трампу – слова *nonsense* и *gibberish* отражают негативный подтекст (*nonsense – an idea, something said or written, or behavior that is silly or stupid* [Cambridge Dictionary: эл. ресурс]; *gibberish – spoken or written words that have no meaning* [Cambridge Dictionary: эл. ресурс]).

С. Глассер укрепляет созданный негативный образ Трампа как пустослова, утверждая, что Трамп не приводит аргументов в пользу своей точки зрения и попросту занимается демагогией. Последнее слово также является ключевым в манипуляции: *demagogue – a person, especially a political leader, who wins support by exciting the emotions of ordinary people rather than by having good or morally right ideas* [Cambridge Dictionary: эл. ресурс]. Аргументированная и связная речь – черты хорошего политика и образованного человека, однако, по мнению С. Глассер, у Д. Трампа нет ни аргументов, ни связной речи.

Автор статьи пишет: *By the time the farce was over, Trump had made false claims about the 2020 election, about supposedly offering the use of “ten thousand soldiers” on January 6th, about creating “the greatest economy in history” and the “biggest tax cuts” ever. He had lied about President Obama taking classified documents when he left office. Among others. No surprise there: a lying liar is going to lie. Trump is nothing if not consistent in that.*

С. Глассер использует слово *farce*, чтобы придать выступлению Д. Трампа несерьезности (*farce – a humorous play or film where the characters become involved in unlikely situations* [Cambridge Dictionary: эл. ресурс]). Автор снова напрямую обвиняет Трампа во лжи, убеждая в этом читателя: слова *lie, lying, liar, false* – это завуалированные оскорбления.

Рассмотрим ещё один фрагмент, в котором находит выражение стратегия мобилизации: *He is also a believer in another time-honored technique of the propagandist: repetition. His provocations on Wednesday night were familiar to anyone who has been paying attention.* В данном фрагменте автор также обвиняет Дональда Трампа в пустословии.

С. Глассер использует слова с негативной коннотацией: *propogandist* и *provocation* (*propoganda – information, ideas, opinions, or images, often only giving one part of an argument, that are broadcast, published, or in some other way spread with the intention of influencing people's opinions; provocation – an action or statement that is intended to make someone angry* [Cambridge Dictionary: эл. ресурс]). Автор подчёркивает нацеленность Трампа на достижение

своих корыстных целей, для чего он использует обычных людей. Причём, следует отметить, что С. Глассер упрекает Д. Трампа не только в том, что он лжёт сейчас, но и в том, что он постоянно лгал и до этого.

Тактика шокирования фактами

С. Глассер пишет: *The cheering crowd, in fact, was the tell, the most revealing part of the whole exercise. Trump without the approval of the mob, his mob, would be just another angry old American man, an unwilling Florida retiree shouting at the television after a round of golf. Instead, he still commands his following, which means that he gets to be an angry old man shouting on the television and not merely at it.* Здесь высказано личное мнение автора статьи, показно её видение происходящего, поэтому данный приём мы относим к тактике шокирования фактами.

В данном отрывке автор называет Трампа пенсионером – *retiree*, указывая на «слишком» почтенный возраст для политической деятельности и как следствие – профнепригодность. Автор статьи иронично говорит о том, что Трамп должен смотреть телевизор, а не вещать из него.

Так С. Глассер создаёт образ Д. Трампа как злого диктатора, который командует своими подчинёнными, а не избирателями. Автор буквально сравнивает поддерживающих Трампа с преступной организацией, используя слово *mob* – *a large, angry crowd, especially one that could easily become violent; – an organization of criminals* [Cambridge Dictionary: эл. ресурс].

В следующем отрывке С. Глассер пишет: *The crowd hooted, chuckled, or clapped when Trump called the former Speaker of the House “Crazy Nancy” and when he insisted that his former Vice-President, Mike Pence, had the power to single-handedly overturn the election results on January 6, 2021. They laughed when he insulted Collins. The more offensive Trump’s words, it seemed, the more they cheered.* В данном контексте автор усиливает негативный образ поддерживающих Трампа; использует слово *hooted* (*to make the sound that an owl makes* [Cambridge Dictionary: эл. ресурс]), что демонстрирует реципиенту неприемлемое поведение толпы.

Также автор дискредитирует Д. Трампа и сообщает, что он ничего не сказал, просто бросался оскорблениями. Слово *insulted* несёт негативную окраску, выражает неуважение к людям. Слово *more* в данном случае отражает степень усиления неправильного, «отрицательного» поведения самого Трампа и поддерживающих его, что усиливать его негативный образ.

В том же абзаце автор пишет: *Only a day before the CNN event, a jury in New York had found Trump civilly liable for sexually abusing and defaming the writer E. Jean Carroll and awarded her five million dollars in damages. Trump’s response was to insult Carroll again on national TV. When he said that he felt sorry for her ex-husband, the audience laughed. When he called her a “whack job,” they laughed once more. When the show was finally over, the audience offered Trump a standing ovation.*

Здесь автор статьи упоминает суд над Трампом, что, без сомнения, должно было поразить реципиента и уверить в том, что Трамп – негативная персона. В данном фрагменте – тактика шокирования фактами. Упоминание статей, за которые осудили Трампа – *sexually abusing* и *defaming* – усиливает эффект создания образа. С. Глассер

использует в данном фрагменте и слово *show*, чтобы указать на театрализованность происходящего, направленность на эмпирическое мировоззрение реципиента (в данном случае – толпы) (*to show – to make an artist's work available for the public to see*» [Cambridge Dictionary: эл. ресурс]. Автор показывает, что это не серьезное мероприятие, а просто шоу под руководством Трампа; называет Трампа актёром – чтобы показать, что он покоряет людей лишь эмоциональным посылом, а не конкретными действиями.

Слово *laugh* имеет положительную окраску, однако здесь это слово применяется к толпе и, учитывая всё происходящее, автор отождествляет толпу с самим Трампом – они смеются над тем, что Трамп оскорбляет людей. Автор цитирует Трампа и его выражение *whack job* – словосочетание, которое имеет негативную коннотацию, что и помогает автору в очередной раз дополнить негативное изображение Трампа (*whack job – some one who is very strange or has mental problems* [Cambridge Dictionary: эл. ресурс]).

Рассмотрим следующий фрагмент: *One revealing moment, among so many, came well into the hour, after Trump interrupted a long, untruthful speech about how he had “finished” the border wall, which he had not in fact finished, to mention, yet again, the “rigged election” of 2020. Collins tried once more to interject. “The election was not rigged, Mr. President,” – she said. “You can’t keep saying that all night long”.*

В данном контексте автор вновь навязывает реципиенту своё мнение о том, что Трамп говорит неправду – словосочетание *untruthful speech* имеет явную отрицательную окраску, выставляя Трампа лжецом, приводя факт, что стена вообще не была достроена – это тактика шокирования фактами без их подтверждения. Однако эта тактика дополняется другим приёмом манипулятивности – *стратегией мобилизации*: С. Глассер в очередной раз развивает тему лжи. Это показывает читателю, что Трамп лжёт в каждом слове, ему вообще нельзя верить. Трамп, в свою очередь, также использует манипулятивный приём шокирования фактами, говоря, что выборы сфальсифицированы – *rigged election (to rig – to arrange dishonestly for the result of something* [Cambridge Dictionary: эл. ресурс]).

Обратим внимание на ещё один фрагмент: *In the immediate aftermath of Trump’s 2020 defeat, with the memory still fresh of his summoning of a violent horde to the U.S. Capitol to do his bidding, there seemed to be a clear answer. The answer was no. He was kicked off Twitter and Facebook. Even Fox News mostly cancelled him. And yet here we are, little more than two years later. Trump has not changed his views or become any less untruthful, inflammatory, or dangerous. If anything, he has become more extreme, even saying that the Constitution itself should be subject to “termination” if that is what it takes to reinstate him to power.*

В данном отрывке С. Глассер называет последователей Трампа жестокой ордой, используя словосочетание *violent horde (a horde – a large group of people (often disapproving)* [Cambridge Dictionary: эл. ресурс]); утверждает, что именно Трамп отдавал приказы – *his summoning*. Помимо этого, перечисляя, какие организации перестали сотрудничать с Трампом, использует тактику шокирования фактами: реципиент, по мнению автора, должен понимать, что крупные компании не перестали бы просто так сотрудничать с Трампом. Автор снова живописует негативный образ Трампа, используя слова с отрицательной коннотацией: *inflammatory (intended or likely to cause anger or hate; dangerous – able or likely to cause harm or death, or unpleasant problems; untruthful – not telling the truth completely, or containing or telling lies* [Cambridge Dictionary: эл. ресурс]).

Таким образом, автор хочет оттолкнуть читателя от Трампа, показав, что он – агрессивный лжец. Также автор подчеркивает, что такой важный для государства документ как конституция должен быть, по мнению Трампа, уничтожен – так С. Глассер показывает, что Д. Трамп намерен вновь прийти к власти во что бы то ни стало.

Продолжая тему предыдущих абзацев, С. Глассер сообщает: *It certainly was not news that a former President who, according to the Post, made more than thirty thousand falsehoods and misleading statements while in office would ceaselessly lie on air.*

По замыслу автора статьи читателя должно ошарашить, что Трамп в свой президентский срок сделал более тридцати тысяч ложных заявлений. При этом С. Глассер ссылается на некий источник, что призвано создавать иллюзию правдивости. При этом автор статьи использует слова с ярко выраженной негативной коннотацией – *falsehood* и *misleading* – для поддержания отрицательного образа Трампа.

Тактика цитирования объекта дискредитации

В открывающем статью фрагменте С. Глассер пишет: *t took barely a minute for Donald Trump to say “rigged election.” From there, he rambled. He ranted. He lied. And he lied some more. And that was the response to the first question of the evening to the first President in American history to refuse to concede his defeat and accept the peaceful transfer of power: “Why should Americans put you back in the White House?”* Здесь применён приём цитирования объекта дискредитации, однако основной упор делается на негативный комментарий после цитаты.

Автор вкладывает свою субъективную оценку в описание действий Трампа, выставляя его непрофессиональным и неадекватным политическим деятелем. На это указывают слова, имеющие отрицательную окраску: *to rant – to speak, write or shout in a loud, uncontrolled, or angry way, often saying confused or silly things*; слово *to ramble – if you say that a person rambles in their speech or writing, you mean they do not make much sense because they keep going off the subject in a confused way* [Cambridge Dictionary: эл. ресурс]; слово *lie* также имеет негативную коннотацию.

Помимо этого, в данном фрагменте можно увидеть личное мнение автора, которое не подкреплено достоверными аргументами или фактами: *He lied. And he lied some more.* Портрет Трампа выстраивается только со слов автора. Трамп также применяет приём манипулятивности – шокирование фактами. Он старается внушить свои слушателям, что выборы были сфальсифицированы. В выражении *rigged election* слово *to rig* означает *to arrange dishonestly for the result of something* [Cambridge Dictionary: эл. ресурс].

Заключение

Таким образом, манипулятивность является неотъемлемой частью политической статьи современных СМИ. Она проявляется настолько ярко, насколько автор статьи желает выразить свое мнение, точку зрения, видение той или иной ситуации, не оперируя при этом доказательной базой.

Индивидуальный авторский стиль влияет на выбор тех или иных тактик и стратегий манипулирования, но, как было выявлено при изучении политических статей, основными являются стратегия мобилизации, тактика шокирования фактами, тактика цитирования объекта дискредитации. Основная цель проанализированной нами статьи – дискредитировать Дональда Трампа и снизить интерес к его личности.

Статья наполнена личной неприязнью к фигуре политика, снабжена сопутствующими этой цели приёмами манипулятивности, которые напрямую вынуждают читателя придерживаться мнения автора статьи. Кроме того, в статье присутствуют открытые провокации и оскорбления, которые также являются частью стратегии манипулирования.

Список литературы

1. Андросова О. Е. Лексико-грамматические особенности политического дискурса // *Контентус*. 2014. № 10 (27). С. 22–28.
2. Бейня М. В. Лингвистические особенности политического дискурса // *Язык, культура и профессиональная коммуникация в современном обществе : материалы VII Междунар. науч. конф.* Тамбов : Изд-во «Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина», 2018. С. 98–102.
3. Большой психологический словарь. 2007. URL: <https://psychological.slovaronline.com/931-MANIPULYATSIYA> (дата обращения: 21.09.2023).
4. Варламова Е. В. Лингвостилистические особенности политического дискурса в интернете // *Язык средств массовой информации: сб. статей*. М. : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2007. С. 84–98.
5. Журавлева Е. В. Специфика невербальной составляющей в политической коммуникации (на примере российских телепередач) // *Политическая лингвистика*. 2020. № 6 (84). С. 33–41.
6. Катенева И. Г. Манипуляция в текстах СМИ как эффективный инструмент политического воздействия и социального контроля (на материале предвыборной кампании 2011 года) // *Вестник Новосибирского государственного университета*. 2012. Том 11. Выпуск 6. С. 89–94.
7. Мишланов В. А., Нецветаева Н. С. Коммуникативные стратегии и тактики в современном политическом дискурсе (на материале политической рекламы предвыборных кампаний 2003, 2007, 2008 гг.) // *Вестник Пермского университета*. Пермь, 2009. № 6. С. 5–13.
8. Политическая наука. Словарь-справочник. 2010. URL: <https://rus-politology-dict.slovaronline.com/1923-Манипуляция> (дата обращения: 21.09.2023).
9. Попова Е. С. Рекламный текст и проблемы манипуляции : автореф. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005. 27 с.
10. Сагайдачная Е. Н. Манипуляция в политическом дискурсе // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2007. № 22. С. 121–126.
11. Сафина А. В. Манипуляция с помощью невербальных средств общения: возможно ли это? // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2017. № 3 (399). В. 105. С. 110–115.
12. Федоров А. В. Основы общей теории перевода (Лингвистические проблемы). 2002. URL: http://samlib.ru/w/wagarow_a_s/osnowyobshejteoriiiperewoda2002.shtml (дата обращения: 15.09.2023).
13. Энциклопедия социологии. 2009. URL: <https://rus-sociologia.slovaronline.com/1970-МАНИПУЛЯЦИЯ> (дата обращения: 21.09.2023).
14. Cambridge Dictionary, 2023. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: октябрь, ноябрь, 2023).
15. Don't say you haven't been warned about Trump and 2024 // *The New Yorker*, 2023. URL: <https://www.newyorker.com/news/letter-from-bidens-washington/dont-say-you-havent-been-warned-about-trump-and-2024> (дата обращения: 30.10.2023).
16. Oxford Dictionary, 2023. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения: октябрь, ноябрь, 2023).

References

1. Androsova O. E. Leksiko-grammaticheskie osobennosti politicheskogo diskursa [Lexico-grammatical features of political discourse]. *Kontentus* [Contents]. 2014, no. 10 (27), pp. 22-28. (In Russ.).

2. Bejnja M. V. Lingvisticheskie osobennosti politicheskogo diskursa [Linguistic features of political discourse]. *Jazyk, kul'tura i professional'naja kommunikacija v sovremennom obshhestve* [Language, culture and professional communication in modern society]. Tambov, Tambov State University named after. G. R. Derzhavina Publ., 2018, pp. 98-102. (In Russ.).

3. Bol'shoj psichologicheskij slovar' [Large psychological dictionary]. 2007. (In Russ.). Available at: <https://psychological.slovaronline.com/931-MANIPULYATSIYA> (accessed: 21.09.2023).

4. Varlamova E. V. Lingvostilisticheskie osobennosti politicheskogo diskursa v internete [Linguistic and stylistic features of political discourse on the Internet]. *Jazyk sredstv massovoj informacii* [Media language]. Moscow, Institute of Scientific Information for Social Sciences RAS Publ., 2007, pp. 84-98. (In Russ.).

5. Zhuravleva E. V. Specifika neverbal'noj sostavljajushhej v politicheskoy kommunikacii (na primere rossijskih teleperedach) [Specifics of the nonverbal component in political communication (using the example of Russian television programs)]. *Politicheskaja lingvistika* [Political linguistics]. 2020, no. 6 (84), pp. 33-41. (In Russ.).

6. Kateneva I. G. Manipuljacija v tekstah SMI kak jeffektivnyj instrument politicheskogo vozdejstvija i social'nogo kontrolja (na materiale predvybornoj kampanii 2011 goda) [Manipulation in media texts as an effective tool of political influence and social control (based on the material of the 2011 election campaign)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Novosibirsk State University]. 2012, vol 11, iss. 6, pp. 89-94. (In Russ.).

7. Mishlanov V. A., Necvetaeva N. S. Kommunikativnye strategii i taktiki v sovremennom politicheskom diskurse (na materiale politicheskoy reklamy predvybornyh kampanij 2003, 2007, 2008 gg.) [Communication strategies and tactics in modern political discourse (based on political advertising of the 2003, 2007, 2008 election campaigns)]. *Vestnik Permskogo universiteta* [Bulletin of Perm University]. Perm, 2009, no. 6. С. 5-13. (In Russ.).

8. Politicheskaja nauka. Slovar'-spravochnik [Political Science. Dictionary-reference book]. 2010. (In Russ.). Available at: <https://rus-politology-dict.slovaronline.com/1923-Manipuljacija> (accessed: 21.09.2023).

9. Popova E. S. Reklamnyj tekst i problemy manipuljicii [Advertising text and problems of manipulation]. PhD dissertation abstract. Ekaterinburg, 2005, 27 p. (In Russ.).

10. Sagajdachnaja E. N. Manipuljacija v politicheskom diskurse [Manipulation in political discourse]. *Manipulation in political discourse*. 2007, no. 22, pp. 121-126. (In Russ.).

11. Safina A. V. Manipuljacija s pomoshh'ju neverbal'nyh sredstv obshhenija: vozmozhno li jeto? [Manipulation using non-verbal means of communication: is it possible?]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University]. 2017, no. 3 (399). iss. 105, pp. 110-115. (In Russ.).

12. Fedorov A. V. Osnovy obshhej teorii perevoda (Lingvisticheskie problemy) [Fundamentals of the general theory of translation (Linguistic problems)]. 2002. (In Russ.). Available at: http://samlib.ru/w/wagapow_a_s/osnowyobshejteoriiiperewoda2002.shtml (accessed: 15.09.2023).

13. Jenciklopedija sociologii [Encyclopedia of Sociology]. 2009. (In Russ.). Available at: <https://rus-sociologia.slovaronline.com/1970-MANIPULJaCIJa> (accessed: 21.09.2023).

14. Cambridge Dictionary, 2023. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (accessed: October, November, 2023).

15. Don't say you haven't been warned about Trump and 2024 // The New Yorker, 2023. URL: <https://www.newyorker.com/news/letter-from-bidens-washington/dont-say-you-havent-been-warned-about-trump-and-2024> (accessed: 30.10.2023).

16. Oxford Dictionary, 2023. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (accessed: October, November, 2023).

Информация об авторах

Н. Н. Меньшакова – кандидат филологических наук,
доцент, кафедра лингвистики и перевода,

Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Е. В. Ильенков – факультет современных иностранных языков и литератур,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the authors

N. N. Menshakova – Ph.D. (Philology), Associate Professor,
Department of Linguistics and Translation,
Perm State University;

E. V. Ilyenkov – Faculty of Modern Foreign Languages and Literatures,
Perm State University.

Статья поступила в редакцию 12.10.2023; одобрена после рецензирования 25.11.2023;
принята к публикации 10.01.2024.

The article was submitted 12.10.2023; approved after reviewing 25.11.2023; accepted for
publication 10.01.2024.

Евразийский гуманитарный журнал. 2024. № 1. С. 87–94.

Eurasian Humanitarian Journal. 2024. No. 1. P. 87-94.

Научная статья

УДК 811.133.1'38

НАРРАТИВ МИГРАЦИОННОГО КРИЗИСА ВО ФРАНЦУЗСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ: НОМИНАЦИОННЫЙ АСПЕКТ

Наталья Владимировна Хорошева¹, Надежда Антоновна Назарова²

^{1,2} Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

¹ romanphyl@gmail.com

² nadezhda.nazarova.2001@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена репрезентации во французском медиадискурсе миграционного кризиса 2015 г., который продолжает оказывать влияние на французскую политическую сферу. В 2015 г. в Европу прибыло 1,25 млн. беженцев, более 70 тыс. из которых, по официальным данным, решили осесть во Франции; число нелегальных мигрантов неизвестно. Итогом миграционного кризиса 2015 г. стал рост расходов на социальную сферу с одновременным увеличением нагрузки на системы социального обеспечения, уровня преступности и социальной напряжённости. Политический медиадискурс во Франции между 2015 г. (пиковый год по приёму мигрантов) и 2017 г. (президентские выборы и соответствующие кампании кандидатов) в значительной степени формировался вокруг проблемы миграции. Под политическим медиадискурсом понимается совокупность речевых практик и продуктов речевой деятельности в сфере политических коммуникаций, актуализированных в средствах массовой информации, во всем богатстве и сложности их взаимодействия, адресованную самой широкой аудитории и распространяемую преимущественно при помощи средств массовой информации. В русскоязычном пространстве французские политические тексты являются важной частью формирования представления о Франции, поэтому важно понимать особенности трансляции дискурса. Рассмотрен политический нарратив, представленный рядом ключевых событий данного кризиса и актуализированный в текстах французских СМИ. Проанализированы номинации основных нарративных узлов и акторов данного кризиса, а также динамика медиадискурса в смещении акцентов и оценочности в течение 2015 г.

Ключевые слова: миграционный кризис, политический медиадискурс, нарратив, медиатекст, номинация, французские СМИ.

Для цитирования: Хорошева Н. В., Назарова Н. А. Нарратив миграционного кризиса во французском политическом медиадискурсе: номинационный аспект // Евразийский гуманитарный журнал. 2024. № 1. С. 87–94.

Original article

THE NARRATIVE OF THE MIGRATION CRISIS IN THE FRENCH POLITICAL MEDIA DISCOURSE: THE NOMINATION ASPECT

Natalia V. Khorosheva¹, Nadezhda A. Nazarova²

^{1,2} Perm State University, Perm, Russia

¹ romanphyl@gmail.com

² nadezhda.nazarova.2001@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the representation in the French media discourse of the migration crisis of 2015, which continues to have an impact on the French political sphere. In 2015, 1.25 million refugees arrived in Europe, more than 70 thousand of whom, according to official data, decided to settle in France; the number of illegal migrants is unknown. The result of the migration crisis in 2015 was an increase in social spending with a simultaneous increase in the burden on social security systems, crime and social tension. Political media discourse in France between 2015 (the peak year for the reception of migrants) and 2017 (the presidential elections and the corresponding campaigns of candidates) were largely formed around the issue of migration. Political media discourse is understood as a set of speech practices and products of speech activity in the field of political communications, updated in the media, in all the richness and complexity of their interaction, addressed to the widest audience and disseminated mainly through the media. In the Russian-speaking space, French political texts are an important part of forming an idea of France, therefore it is important to understand the peculiarities of the discourse translation. The political narrative presented by a number of key events of this crisis and updated.

Keywords: migration crisis, political media discourse, narrative, media text, nomination, French media.

For citation: Khorosheva N. V., Nazarova N. A. The narrative of the migration crisis in the French political media discourse: the nomination aspect. Eurasian Humanitarian Journal. 2024;1:87-94. (In Russ.).

Введение

Миграционный кризис 2015 г. продолжает оказывать влияние на французскую политику и политический дискурс. В русскоязычном пространстве французские политические тексты являются важной частью формирования представления о Франции, поэтому важно понимать особенности трансляции дискурса при трансфере в другую лингвокультурную среду. Нами была поставлена цель выявить особенности французского политического медиадискурса о миграционном кризисе 2015 г. в аспекте номинаций основных нарративных узлов и акторов данного кризиса. Согласно Н. Д. Арутюновой, дискурс – это «связный текст в совокупности с экстралингвистическими [...] факторами [...], речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» [Арутюнова 1990: 136]. Медиадискурс – это «медийный способ трансляции социально-значимых образов, идей, знаний, информации, который представляет собой определенный медиа-режим» [Русакова, Грибовод 2014: 66–67]. Под политическим медиадискурсом понимается «совокупность речевых практик и продуктов речевой деятельности в сфере политических коммуникаций, актуализированных в средствах массовой информации, во всем богатстве и сложности их взаимодействия», адресованную самой широкой аудитории и распространяемую преимущественно при помощи средств массовой информации [Виноградова 2010: 46]. Миграционный дискурс – это «вид дискурса, в фокусе которого находятся мигранты «как этническое меньшинство и представители иной культуры» [Мощанская 2020: 48].

В 2015 г. в Европу прибыло 1,25 млн. беженцев, более 70 тыс. из которых, по официальным данным, решили осесть во Франции; число нелегальных мигрантов неизвестно. Итогом миграционного кризиса 2015 г. стал рост расходов на социальную сферу с одновременным увеличением нагрузки на системы социального обеспечения, уровня преступности и социальной напряжённости. Политический медиадискурс во Франции между 2015 г. (пиковый год по приёму мигрантов) и 2017 г. (президентские выборы и соответствующие кампании кандидатов) в значительной степени формировался вокруг проблемы миграции.

Основная часть

Материалом нашего исследования послужили около 90 текстов, опубликованных изданиями «Le Monde», «Le Figaro», «La Croix», «Les Échos», «Libération» с 7 января по 29 декабря 2015 г. Данные СМИ в полной мере представляют французский политический спектр: «Le Monde» – левоцентристское издание, «Le Figaro» – правое, «La Croix» – католическое, «Libération» – левое, «Les Echos» – либеральное издание, освещающее преимущественно экономические вопросы. Тексты переведены на русский язык автором исследования. Мы выделили семь событий, произошедших во Франции в 2015 г., являющихся, на наш взгляд, ключевыми для формирования миграционного дискурса:

1. Террористический акт в редакции «Charlie Hebdo» 7 января 2015 г.
2. Появление возле г. Кале лагеря для беженцев.
3. Заявления премьер-министра Мануэля Вальса по поводу необходимости ужесточить меры по борьбе с терроризмом.
4. Опубликование «Повестки дня по борьбе с миграцией» Европейской комиссии, где выдвигается идея распределения мигрантов по странам в соответствии со специальными квотами.
5. Высказывание Николя Саркози о ситуации с мигрантами как о проблеме с «лопнувшей трубой», подвергнутое резкой критике со стороны его политических оппонентов.;
6. Теракты 13 ноября 2015 г. в Париже.
7. Протесты корсиканских националистов 25 декабря того же года.

При анализе текстов, посвящённых атаке на редакцию «Charlie Hebdo», мы выделили три группы номинаций для обозначения произошедшего теракта и нападавших: нейтральные (не связывающие произошедшее с каким-то внешним фактором, не дающие никакой дополнительной информации о произошедшем: *l'attentat meurtrier* (смертельное нападение); *l'Autre* («Другой»), *un attentat terroriste* (террористическая атака), *les assaillants* (злоумышленники)); культурные (действия террористов противопоставляются свободным республиканским ценностям Франции и связываются с «варварством» нападавших): *acte d'une exceptionnelle barbarie* (акт исключительного варварства), *barbares* (варвары), *l'obscurantisme et la barbarie* (мракобесие и варварство), религиозно-идеологические (*au nom de l'islamisme radical* (во имя радикального исламизма), *idéologie meurtrière* (смертоносная идеология), *ceux qui croient pouvoir tuer au nom de l'islam* (те, кто верит, что может убить во имя ислама), *les islamistes radicaux* (радикальные исламисты), *l'islamisme* (исламизм), *jihadiste* (джихадист)). В текстах прослеживается чёткое разделение между исламизмом как

радикальной идеологией, оправдывающей насилие религиозными мотивами, и исламом как религией. В рассмотренных текстах произошедшее не связывается с мигрантами и миграционным кризисом (мигранты не упоминаются ни разу).

В апреле 2015 г. около г. Кале, расположенного возле тоннеля под Ла-Маншем, по которому можно было попасть из Франции в Великобританию, появился лагерь беженцев, получивший название «Джунгли» (La Jungle). В изученных текстах используются номинации, подчёркивающие плачевное состояние лагеря и его жителей, а также гигантские размеры поселения: *le bidonville de Calais* (трущобы Кале), *une marée de toiles de tentes bâchées et de cabanes de fortune* (море тентовых палаток и самодельных хижин), *un Sangatte bis, mais à ciel ouvert cette fois* (второй Сангатт, но под открытым небом), *camp humanitaire* (гуманитарный лагерь), *campements illicites* (незаконные поселения). Жители лагеря в большинстве случаев нейтрально именуется *migrants* (мигрантами); другие номинации также содержат нейтральную оценку либо выражают жалость: *ses étrangers* (эти иностранцы), *migrants de Calais* (мигранты Кале), *réfugiés* (беженцы), *demandeurs d'asile «dublinés»* (просители убежища по Дублинскому регламенту), *les malheureux* (несчастные, жалкие). В целом о мигрантах в статьях говорится либо с сочувствием, либо нейтрально; акцент на происхождении мигрантов используется для описания структуры и сложностей лагеря, а также для рассказа личных историй попавших в лагерь людей. Подчёркивается опасность сложившейся ситуации, происходящее впервые начинает именоваться *la crise de l'asile* (кризис политического убежища). Происходит смещение дискурса с безусловной помощи мигрантам на проблемы жителей Кале.

На следующий день после атаки на «Charlie Hebdo» и последовавшей за ней серии терактов премьер-министр Франции Мануэль Вальс признал проблемы в работе по противодействию терроризму, пообещав устранить их [РИА Новости: эл. источник]. В отобранных текстах фокус делается на проблеме терроризма (*Mercredi «post-Charlie»* (среда «после Шарли»), *«leçons à tirer des attentats»* (уроки, которые следует извлечь из терактов)) и на связях этого терроризма с исламом: *la loi antiterroriste ciblant les filières djihadistes* (закон по борьбе с терроризмом, направленный против джихадистских сетей), *un renforcement de la surveillance du cyberdjihadisme et des sites extrémistes* (усиление наблюдения за киберджихадизмом и экстремистскими сайтами). Серьёзность ситуации подчёркивается сравнением происходящего с военными действиями – М. Вальс прямо заявляет: *«Oui, la France est en guerre contre le terrorisme»* (Да, Франция в состоянии войны с терроризмом). Министр говорит об опасности, которую представляет исламизм (*«Nous devons faire vivre les valeurs de la République, expulser les imams radicaux et déchoir de la nationalité française les personnes impliquées dans des réseaux terroristes islamistes. Il n'y aura pas un moment de répit pour ceux qui s'attaquent aux valeurs de la République»* – «Мы должны отстаивать ценности Республики, изгнать радикальных имамов и лишить французского гражданства тех, кто причастен к исламистским террористическим сетям. У тех, кто посягает на ценности Республики, не будет ни секунды на то, чтобы восстановить силы»). М. Вальс апеллирует к национальному единству и защите «республиканских ценностей», используя такие выражения, как *renforcer la cohésion nationale* (укрепить национальное единство), *la lutte contre le racisme et l'antisémitisme* (борьба с расизмом и антисемитизмом), *les thèmes de la République, de la laïcité et du vivre-ensemble* (темы Республики, светскости и сосуществования).

19 апреля 2015 г. произошла одна из главных катастроф миграционного кризиса – крушение судна с несколькими сотнями мигрантов недалеко от о. Лампедуза. 23 апреля было проведено внеочередное заседание Европейского совета, где обсуждались меры борьбы с контрабандой людей. Наибольший резонанс вызвало предложение распределить мигрантов по странам ЕС по квотам [Потемкина 2015: 29–31]. В обсуждениях начинает проявляться тревога в отношении происходящего, что выражается в использовании следующих номинаций: *la situation d'urgence en Méditerranée* (чрезвычайная ситуация в Средиземноморье), *l'afflux croissant de migrants* (растущий приток мигрантов), *la crise des réfugiés* (кризис беженцев). Напряжённость ситуации подчёркиваются использованием военной лексики: *les pays dits «de première ligne»* (страны передовой линии), *le «hot spot»*, («горячая точка»). В обсуждении этой темы начинают активно проявляться проблемы разделения беженцев (*réfugiés*) и экономических мигрантов (*des migrants dits «économiques»*), чтобы отличать людей, явно нуждающихся в международной защите, от так называемых «экономических» мигрантов, которые не имеют на нее права. Поднимается вопрос выявления террористов среди беженцев, который почти не затрагивался в предыдущих темах.

Комментируя предложение Еврокомиссии по распределению мигрантов, бывший Президент Франции и глава крупнейшей оппозиционной партии Николя Саркози на встрече с избирателями сравнил эту инициативу с серьёзным прорывом водопроводной трубы. Саркози подчеркнул, что сама иммиграция не является однозначно отрицательным явлением, но приток большего числа мигрантов, чем страна может принять и разместить, недопустим [Батырев 2015: электр. ресурс]. Эта неосторожная фраза стала предметом активной критики в адрес политика, сосредоточенной, правда, больше на неудачном выборе слов. Вырисовывается два взгляда на проблему: с одной стороны, Франции нужно продолжать принимать беженцев, всё, что требуется от Европы, – «понимание» и «радушие»; с другой – приём мигрантов представляет угрозу для государств, потому что поток мигрантов может оказать непредсказуемое влияние на принимающие общества. Описывая приток мигрантов, газеты подчёркивали масштабы происходящего: *le fardeau de l'accueil des réfugiés* (бремя приёма беженцев), *l'afflux d'étrangers* (наплыв иностранцев), *la manière dont Bruxelles traite le problème de l'immigration* (то, как Брюссель решает проблему иммиграции). Несмотря на более негативный тон, сохраняется сострадание по отношению к самим мигрантам: *ces hommes et ces femmes sont nos frères dans l'espèce humaine* (эти мужчины и женщины – наши братья по роду человеческому); *les migrants ne sont pas des gens heureux. Ce sont des êtres humains, pas un sujet de meeting de cette façon* (Мигранты – несчастные люди. Они – люди, а не субъекты подобных встреч).

Вечером 13 ноября 2015 г. в Париже и пригороде Сен-Дени произошли теракты, жертвами которых стали 130 человек и более 350 были ранены. Ответственность за это взяла на себя запрещённая на территории РФ группировка «Исламское государство»¹. Для обозначения произошедшего в СМИ использовались следующие номинации: *des multiples attaques terroristes* (множественные террористические атаки), *l'horreur des tueries aveugles* (ужас слепых смертоубийств), *cette soirée macabre* (этот ужасный вечер), *les attentats de vendredi à Paris et à*

¹ Запрещенная в России организация.

Saint-Denis (Seine-Saint-Denis) (пятничные теракты в Париже и Сен-Дени (департамент Сена-Сен-Дени)), *scène d'une sanglante prise d'otages* (кровавый инцидент с захватом заложников), *une nuit d'horreur* (ночь ужаса). Значительная часть текстов посвящена выяснению личностей террористов; было выяснено, что почти все *kamikazes* (террористы-смертники) находились под наблюдением французских и европейских служб безопасности. При описании террористов прослеживается попытка проследить, как именно они пришли к тому, что совершили; все участники террористских групп (*équipes de terroristes*) подверглись радикализации ИГИЛ¹. Угроза терроризма сталкивается с джихадизмом, но не с исламом; наоборот, отмечается, что связь террористов с религией может сыграть на руку правым и крайне-правым политикам в преддверии региональных выборов. Французам предлагается объединиться перед лицом войны, которую объявили террористы (*Les terroristes ont déclaré la guerre à la France*). Франция предстает как жертва джихадистов, страдающая за свои республиканские «универсальные» ценности: *La France est présentée, dans la propagande djihadiste et parfois dans des cercles plus larges, comme un pays hostile à l'islam et aux musulmans. La loi sur l'interdiction du port de signes religieux dans les écoles publiques en 2004 puis la loi interdisant la dissimulation du visage dans l'espace public en 2010 ont été présentées par certains prédicateurs comme des atteintes à la pratique de l'islam, voire comme une forme d'oppression des musulmans.* – Франция представлена в джихадистской пропаганде, а иногда и в более широких кругах, как страна, враждебная исламу и мусульманам. Закон, запрещающий ношение религиозных символов в государственных школах в 2004 году, а затем закон, запрещающий сокрытие лица в общественных местах в 2010 году, были представлены некоторыми проповедниками как нападки на практику ислама или даже как форма притеснения мусульман.

Можно сказать, что в этот момент медиадискурс в отношении мигрантов достигает пиковой точки за 2015 г.: миграционный кризис – уже угроза не французской идентичности или рынку труда, но Франции как таковой и всему Европейскому союзу. Последнее отмеченное нами событие связано с переходом от споров к активному выражению недовольства по поводу мигрантов и миграции. С 25 по 28 декабря в Аяччо, столице Корсики, произошла серия демонстраций корсиканских националистов. 24 декабря группа полицейских попала в засаду, устроенную молодыми людьми, избивавшими полицейских и выкрикивавшими оскорбления в сторону корсиканцев. На следующий день под предлогом того, что устроившие засаду – беженцы, группа корсиканцев провела демонстрации, во время которых был сожжен мусульманский молельный зал и подожжены Кораны. Демонстранты выкрикивали на корсиканском языке такие ксенофобные лозунги, как «*Arabi foga!*» («Арабы – вон!»). Корсиканские политики-националисты заявили, что их взгляды не узаконивают ксенофобию, обвинив в протестах французский национализм [BBC 2015: электр. ресурс]. Начавшиеся 25 декабря манифестации против арабов осуждаются как расистские и ксенофобные, разграбление мусульманской молельни – как акт исламофобии и вандализма. В отношении произошедшего используются следующие номинации: *les dérapages racistes* (расистские нападения), *débordements* (беспорядки), *les manifestations de xénophobie* (ксенофобские демонстрации). При этом подчёркивается противопоставление ксенофобии и корсиканского национализма.

¹ Запрещенная в России организация.

Заключение

Таким образом, мы можем наблюдать, как в течение 2015 г. изменялся французский миграционный медиадискурс: если в начале не проводилось различий между беженцами и мигрантами, акцент делался на помощи, которую необходимо оказывать всем вне зависимости от происхождения и причин прибытия во Францию, то позже речь шла об угрозе «французской идентичности» и физической безопасности жителей Франции. Главной опасностью для Франции стал терроризм, а не мигранты.

При переводе текстов с французского на русский язык было крайне важно в точности передать номинации, обозначающие мигрантов, в частности, разницу между понятиями «беженец», «проситель убежища» и «мигрант», а также между понятиями «мусульмане» и «исламисты».

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Советская энциклопедия, 1990. С. 136–137.
2. Батырев И. Саркози раскритиковал предложения Еврокомиссии о перераспределении мигрантов в ЕС. ТАСС. 2015. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2054476> (дата обращения: 20.09.2023)
3. Виноградова С. А. Политический медиадискурс как коммуникативное явление с манипулятивным потенциалом // Мир науки, культуры и образования. 2010. № 4-1. С. 45–47.
4. Мощанская Е. Ю. Устный перевод в миграционном дискурсивном пространстве: проблемы, дидактика // Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: дискурсивные практики, перевод, дидактика : монография. Пермь : Изд-во «Пермский государственный национальный исследовательский университет», 2020. С. 45–83.
URL: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/mono/migracionnaya-lingvistika-vsovremennoj-nauchnoj-paradigme.pdf>. (дата обращения: 20.08.2023).
5. Потемкина О. Ю. «Европейская повестка дня по миграции» – новый поворот в иммиграционной политике ЕС? // Современная Европа. 2015. № 4 (64). С. 41–46.
6. РИА Новости. Премьер-министр Франции признал ошибки в борьбе с терроризмом. URL: <https://ria.ru/20150109/1041928595.html> (дата обращения: 20.09.2023).
7. Русакова О. Ф., Грибовод Е. Г. Политический медиадискурс и медиатизация политики как концепты политической коммуникативистики // Антиномии. 2014. 14 (№ 4). С. 65–77.
8. BBC Corsica march: Hundreds defy protest ban after Muslim prayer hall attack. BBC. 2015. URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-35187901> (дата обращения: 01.09.2023).
9. Le Journal du Dimanche : Nicolas Sarkozy compare l'immigration à une « fuite d'eau ». 2015. URL: <https://www.lejdd.fr/Politique/Nicolas-Sarkozy-compare-l-immigration-a-une-fuite-d-eau-738304> (дата обращения: 20.09.2023)

References

1. Arutjunova N. D. Diskurs [Discourse]. *Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow, Sovetskaja jenciklopedija Publ., 1990, pp. 136-137. (In Russ.).
2. Batyrev I. Sarkozy raskritikoval predlozhenija Evrokomissii o pereraspredelenii migrantov v ES [Sarkozy criticized the European Commission's proposals for the redistribution of migrants in the EU]. TASS, 2015. (In Russ.). Available at: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2054476> (accessed: 20.09.2023) (In Russ.).

3. Vinogradova S. A. Politicheskij mediadiskurs kak kommunikativnoe javlenie s manipuljativnym potencialom [Political media discourse as a communicative phenomenon with manipulative potential]. *Mir nauki, kul'tury i obrazovanija* [World of science, culture and education]. 2010, no. 4-1, pp. 45-47. (In Russ.).
4. Moshhanskaja E. Ju. Ustnyj perevod v migracionnom diskursivnom prostranstve: problemy, didaktika [Interpretation in the migration discursive space: problems, didactics]. *Migracionnaja lingvistika v sovremennoj nauchnoj paradigme: diskursivnye praktiki, perevod, didaktika* [Migration linguistics in the modern scientific paradigm: discursive practices, translation, didactics]. Perm, *Permskij gosudarstvennyj nacional'nyj issledovatel'skij universitet* [Perm State National Research University], 2020, pp. 45-83. (In Russ.). Available at: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/mono/migracionnaya-lingvistika-vsovremennoj-nauchnoj-paradigme.pdf>. (accessed: 20.08.2023).
5. Potemkina O. Ju. «Evropejskaja povestka dnja po migracii» - novyj povorot v immigracionnoj politike ES? [“European Migration Agenda” - a new turn in EU immigration policy?]. *Sovremennaja Evropa* [Modern Europe]. 2015, no. 4 (64), pp. 41-46. (In Russ.).
6. RIA Novosti. Prem'er-ministr Francii priznal oshibki v bor'be s terrorizmom [RIA News. French Prime Minister admits mistakes in fight against terrorism]. (In Russ.). Available at: <https://ria.ru/20150109/1041928595.html> (accessed: 20.09.2023).
7. Rusakova O. F., Gribovov E. G. Politicheskij mediadiskurs i mediatizacija politiki kak koncepty politicheskoi kommunikativistiki [Political media discourse and mediatization of politics as concepts of political communication]. *Antinomii* [Antinomy]. 2014. 14 (no. 4), pp. 65-77. (In Russ.).
8. BBC Corsica march: Hundreds defy protest ban after Muslim prayer hall attack. BBC. 2015. URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-35187901> (accessed: 01.09.2023).
9. Le Journal du Dimanche : Nicolas Sarkozy compare l'immigration à une « fuite d'eau ». 2015. URL: <https://www.lejdd.fr/Politique/Nicolas-Sarkozy-compare-l-immigration-a-une-fuite-d-eau-738304> (accessed: 20.09.2023).

Информация об авторах

Н. В. Хорошева – кандидат филологических наук, заведующий кафедрой лингвистики и перевода, Пермский государственный национальный исследовательский университет;

Н. А. Назарова – факультет современных иностранных языков и литератур, Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the authors

N. V. Khorosheva – Ph. D. (Philology),
Head of the Department of Linguistics and Translation,
Perm State University;

N. A. Nazarova – Faculty of Modern Foreign Languages and Literatures,
Perm State University.

Статья поступила в редакцию 12.10.2023; одобрена после рецензирования 25.11.2023; принята к публикации 10.01.2024.

The article was submitted 12.10.2023; approved after reviewing 25.11.2023; accepted for publication 10.01.2024.

Евразийский гуманитарный журнал. 2024. № 1. С. 95–101.

Eurasian Humanitarian Journal. 2024. No. 1. P. 95-101.

Научная статья

УДК 811(07)

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ГРАМОТНОСТЬ КАК БАЗИС ЦИФРОВИЗАЦИИ РАННЕГО ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Валерий Константинович Безукладников¹, Валерия Ринатовна Габидинова²

¹ Ивановский государственный университет, Иваново, Россия,

valerious.bezukladnikov@gmail.com

² Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, Россия,

gabid.valeri@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается проблема цифровизации раннего обучения иностранным языкам. Современное подрастающее поколение живёт в абсолютно других условиях, относительно предшествующих: немислимая плотность и скорость цифровой среды; текучесть, прозрачность, нестабильность, непредсказуемость, неопределённость, враждебность сверхбыстрого, гибридного мира. Цифровизация и цифровая трансформация обучения идут полным ходом. Необходимо сформировать у подрастающего поколения способность жить в цифровом мире и не потерять человечность. Для этого нужно научить верифицировать информацию, противостоять стрессу, воспитать готовность к переменам, научить постоянно учиться. Эти процессы тесно связаны с вопросами обучения иностранным языкам дошкольников, школьников и взрослых в условиях дополнительного образования. Стратегическая цель раннего обучения иностранному языку в условиях дополнительного образования – личность ребенка и развитие его способности к иноязычному общению. В статье показаны пути достижения указанной цели посредством формирования функциональной грамотности в условиях геймификации.

Ключевые слова: раннее обучение иностранным языкам, цифровизация образования, функциональная грамотность, цифровая грамотность, геймификация, психологические особенности старших дошкольников.

Для цитирования: Безукладников В. К., Габидинова В. Р. Функциональная грамотность как базис цифровизации раннего обучения иностранному языку // Евразийский гуманитарный журнал. 2024. № 1. С. 95–101.

Original article

FUNCTIONAL LITERACY AS A BASIS FOR DIGITALIZATION OF EARLY FOREIGN LANGUAGE LEARNING

Valerii K. Bezukladnikov¹, Valeriia R. Gabidinova²

¹ Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, valerious.bezukladnikov@gmail.com

² Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia, gabid.valeri@gmail.com

Abstract. The article deals with the problem of digitalization of early learning of foreign languages. The modern younger generation lives in completely different conditions, relative to the previous ones: the unthinkable density and speed of the digital environment; fluidity, transparency, instability, unpredictability, uncertainty, hostility of an ultrafast, hybrid world. Digitalization and digital transformation of learning are in full swing. It is necessary to form the ability of the younger generation to live in the digital world and not lose their humanity. To do this, you need to teach how to verify information, resist stress, foster a willingness to change, and teach you to constantly learn. These processes are closely related to the issues of teaching foreign languages to preschoolers, schoolchildren and adults in the context of additional education. The strategic goal of early foreign language learning in the context of additional education is the personality of the child and the development of his ability to communicate in a foreign language. The article shows the ways to achieve this goal through the formation of functional literacy in the context of gamification.

Keywords: early learning of foreign languages, digitalization of education, functional literacy, digital literacy, gamification, psychological characteristics of older preschoolers.

For citation: Bezukladnikov V. K., Gabidinova V. R. Functional literacy as a basis for digitalization of early foreign language learning. Eurasian Humanitarian Journal. 2024;1:95-101. (In Russ.).

Введение

Современное подрастающее поколение живёт в абсолютно других условиях, относительно предшествующих: немыслимая плотность и скорость цифровой среды; текучесть, прозрачность, нестабильность, непредсказуемость, неопределённость, враждебность сверхбыстрого, гибридного мира. Цифровизация и цифровая трансформация обучения идут полным ходом. Стало очевидным, что подготовить к жизни в новом мире старыми методами не удастся. Если полуторогодовалый ребенок может сказать *OK! Google!* и система ему выдаст всё, что он хочет, зачем ему приходить в школу? Ещё 10–15 лет тому назад у обучаемого были два источника информации – учитель (преподаватель) и учебно-методический комплекс (УМК). Сегодня ситуация прямо противоположная. УМК, в связи с этим, выглядит менее конкурентоспособным. Обучаемому, особенно находчивому, у которого есть гаджет и, следовательно, глобальные источники информации, неинтересно то, что пытается «переправить» в его голову учитель. Работать с информацией, получать её сегодня очень легко: глобальный источник информации отличается немыслимой скоростью предъявления единиц знания. Главное – научить человека самому выбирать из всего предлагаемого многообразия то, что ему необходимо. Это то, что называется цифровизация – правильное устройство всего информационного фонда, которое позволяет любому человеку в минимальные сроки найти нужные единицы знания, а также отфильтровать их, классифицировать и использовать здесь и сейчас [Прохорова 2021].

Основная часть

Наличие информационной среды в том числе и негативно влияет на культуру общения обучаемых, что является следствием недостаточного уровня сформированности их коммуникативной компетенции. В межличностном общении они испытывают трудности, выражающиеся в неумении установить контакт с собеседником, выслушать, понять его

позицию, найти необходимые языковые средства для ясного и точного выражения мысли. Наблюдается снижение уровня общей и речевой культуры [см., например, Крюков и другие 2023: 63–75].

Необходимо сформировать у подрастающего поколения способность жить в цифровом мире и не потерять человечность. Для этого нужно научить верифицировать информацию, противостоять стрессу, воспитать готовность к переменам, научить постоянно учиться. Эти процессы тесно связаны с вопросами обучения иностранным языкам дошкольников, школьников и взрослых в условиях дополнительного образования [Захарова, Ощепкова 2023: 53–69; Прохорова 2021: 62–69; Чайка 2021: 55–65;]. Стратегическая цель раннего обучения иностранному языку в условиях дополнительного образования – формирование личности ребенка и развитие его способности к иноязычному общению. Это достигается посредством развития у старших дошкольников когнитивных способностей, определяющих успешность овладения устной речью: языковой и речевой способностей, памяти, внимания, мышления (вероятностного прогнозирования). Необходимыми условиями для такого рода развития являются формирование (1) интереса к изучаемому языку и культуре, с опорой на родную культуру; (2) умений учебно-познавательной деятельности (видеть и действовать в соответствии с целью, осуществлять рефлексивную самооценку своих достижений); (3) умений самостоятельного решения речемыслительных задач в устной речи (в рамках тематики и ситуаций, доступных данной возрастной группе) [Никитенко 2023].

Для того чтобы успешно решать поставленные задачи, педагогу дополнительного образования необходимо знать основные психологические особенности современных старших дошкольников. Дети этого возраста общительны и эмоциональны. Их отличают любознательность, острота и свежесть восприятия. В первую очередь они воспринимают то, что наглядно и вызывает непосредственный эмоциональный отклик. Поэтому в процессе обучения необходимо использовать яркие игрушки, картинки, цифровые ресурсы и необычные ситуации. Дети данного возраста весьма импульсивны (склонны незамедлительно действовать по любому поводу). У них велика потребность в активной внешней разрядке. Их поведение не отличается устойчивостью и в значительной степени произвольно. Всё новое, неожиданное привлекает их внимание. Для психологической разрядки и поддержания интереса у детей необходимо использовать занимательные сюжеты и игровые ситуации в том числе с использованием цифровых ресурсов и технологий (в соответствии с требованиями к их применению, учитывая возрастные особенности обучаемых). При этом крайне необходимо приучать дошкольников быть внимательными и по отношению к тому, что не является занимательным. Если этого не делать, то у них вырабатывается привычка быть внимательными только к внешне привлекательному и не развиваются волевые качества личности. И в дальнейшем они не смогут проявлять настойчивость, ставить перед собой цели и достигать их. При обучении аудированию важно ставить детей в условия, требующие от них постоянных упражнений в тренировке произвольного внимания, волевых усилий для сосредоточивания. Так, при аудировании некоторых текстов нужно давать детям специальную установку на запоминание услышанного, так как им, например, предстоит выбрать из нескольких только те картинки, которые отражают основной смысл прослушанного.

Память у старших дошкольников достаточно развита. Уже не только с помощью взрослых, но и сами они способны ставить перед собой мнемонические задачи (запомнить что-либо). Однако легко и прочно дети запоминают то, что их особенно поражает, что отвечает их интересам. Учитывая эту возрастную особенность, тренировка учащихся в употреблении лексического и грамматического материала организуется в таких ситуациях, которые связаны с их интересами и позволяют создавать мотивы для общения, для взаимодействия учащихся между собой. Это позволит им усваивать языковой материал и способы действий с ним произвольно, без видимых усилий с их стороны. Вместе с тем нужно развивать у учащихся способность к сознательному управлению памятью, то есть специально обращать их внимание на то, что надо запомнить. Учёт психологических особенностей дошкольников и их дальнейшее развитие являются важным условием успешности обучения английскому языку в условиях дополнительного образования.

Важным является формирование их функциональной грамотности (умения решать практические задачи с использованием полученных знаний). В этом случае иностранный язык выступает в своей непосредственной функции – как средство общения. Функциональная грамотность средствами иностранного языка формируется на основе следующей типологии заданий: (1) задания на «знание» – типовые задания базового уровня, формируют элементарные умения из планируемых результатов; (2) задания на «применение» – ориентированы на формирование умений применять знания в простых ситуациях с заданными условиями; (3) задания на «рассуждение» в ситуациях определённости (с аргументацией, обоснованием) – требуют анализа ситуации, обоснование способа решения, проверки ответа); (4) задания с прогнозированием и (или) выдвижением гипотез предполагают многовариантность решений и полученных ответов [Захарова 2023].

Описанная типология заданий обеспечивает технологию работы с ними и даёт возможность детям самостоятельно выбрать тип задания (его сложность – «знание», «применение», «рассуждение» в ситуациях определённости, «рассуждение» в ситуациях неопределённости). Также обучаемый может выполнить эти задания самостоятельно, с помощью партнера или педагога [Формирование функциональной грамотности младших школьников 2023; Чечёткина, Прохорова 2021: 73–78]. Это обеспечивает развитие самостоятельности обучаемых и их перехода от одного уровня самостоятельности к другому (репродуктивно-подражательный, поисково-исполнительский, творческий уровни).

Неоценимую роль в оптимизации обучения иностранным языкам во всех типах учебных заведений играет цифровизация образования. Одним из приоритетов становится создание современной и безопасной цифровой образовательной среды, разработка и верификация цифрового образовательного контента, содержащего интерактивные и адаптивные цифровые инструменты, оснащение образовательных организаций компьютерами, мультимедийным, презентационным оборудованием и программным обеспечением [Стратегические приоритеты: эл. ресурс]. А следовательно, встаёт вопрос о формировании цифровой грамотности как необходимого компонента функциональной грамотности у обучаемых. Для старших дошкольников это прежде всего (1) фотовизуальная грамотность (получать и понимать информацию из изображений); (2) умение ориентироваться в нелинейном цифровом пространстве; (3) информационная грамотность (находить, добывать, критически оценивать информацию, найденную онлайн или офлайн)

[Прохорова 2023]. Использование цифровых технологий и электронных обучающих ресурсов обладает большим дидактическим потенциалом благодаря интерактивности. Одной из технологий, способствующих развитию функциональной грамотности и мотивации к овладению иностранным языком, является геймификация. С. В. Титова, в частности, называет её «ключевым дидактическим свойством цифровых технологий» [Титова 2024: 61].

Заключение

При геймификации используются активные формы обучения, поэтому восприятие и запоминание информации при передаче материала с элементами геймификации приравнивается к усвоению информации, применённой на практике или даже путём использования в реальной жизни, и даёт от 75 % до 90 % эффективности в усвоении учебного материала. Более того, при задействовании геймификации в обучении происходит мобилизация и активизация возможностей личности, реализация ее творческих способностей, так как игре присущи такие характеристики, как импровизация, дух соперничества и удовольствие. Это позволяет обучаемым самореализоваться как личность в игре [Титова 2024: 63].

Использование геймификации способствует преодолению боязни ошибок, происходит стирание граней учебного процесса, обучающиеся абстрагируются от привычных социальных ролей и вживаются в роли своих персонажей, используют, например, аватары и действуют в соответствии с сюжетом.

Список литературы

1. Захарова В. А. 1.1. Функциональная грамотность: научная проблематика и варианты решения // Формирование функциональной грамотности младших школьников: методический и технологический инструментарий для педагогов. Пермь: Изд-во «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», 2023. С. 8–17.
2. Захарова В. А., Ощепкова М. А. Формирование функциональной грамотности в инклюзивном классе: как подготовить учителя к индивидуализации? // Гуманитарные исследования. Педагогика и психология. 2023. № 14. С. 53–69.
3. Крюков А. В., Лесевичкий А. В., Юсупова Ю. К. Позитивные и негативные аспекты процесса цифровизации сферы образования // Гуманитарные исследования. Педагогика и психология. 2023. № 13. С. 63–75.
4. Никитенко З. Н. Иноязычное образование в детском саду и школе: социальное измерение // Иностранные языки в школе. 2023. № 2. С. 61–68.
5. Прохорова А. А., Безукладников В. К., Чечёткина А. И. Особенности обучения мультилингвальных преподавателей эпохи цифровизации // Язык и культура. 2021. № 56. С. 234–253.
6. Прохорова А. А. Мультилингвальная компетентность и уровень владения иностранными языками: анализ зависимости // Гуманитарные исследования. Педагогика и психология. 2021. № 6. С. 62–69.
7. Прохорова А. А., Безукладников В. К., Лизунова Л. Р. Исследование понятия и структуры лингвоцифровой компетенции студента // Язык и культура. 2022. № 58. С. 236–260.
8. Стратегические приоритеты в сфере реализации государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» до 2030 года (в ред. Постановления Правительства РФ от 07.10.2021 № 1701). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286474/7cdb6b823c28cffc11772942395c6357491e784f/ (дата обращения: 24.10.2023).

9. Титова С. В. Цифровая методика обучения иностранным языкам : учебник для вузов. М. : Юрайт, 2024. 248 с.
10. Формирование функциональной грамотности младших школьников: методический и технологический инструментарий для педагогов / И. Н. Власова, О. П. Дьячкова, В. А. Захарова [и др.]. Пермь : Изд-во «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», 2023. 161 с.
11. Чайка К. В. Современные подходы к обучению иностранным языкам // Гуманитарные исследования. Педагогика и психология. 2021. № 7. С. 55–65.
12. Чечёткина А. И., Прохорова А. А. Цифровая мультилингводидактика: генезис // Гуманитарные исследования. Педагогика и психология. 2021. № 8. С. 73–78.

References

1. Zaharova V. A. 1.1. Funkcional'naja gramotnost': nauchnaja problematika i varianty reshenija [Functional literacy: scientific problems and solutions]. *Formirovanie funkcional'noj gramotnosti mladshih shkol'nikov: metodicheskij i tehnologicheskij instrumentarij dlja pedagogov* [Formation of functional literacy of junior schoolchildren: methodological and technological tools for teachers]. Perm, Perm State Humanitarian and Pedagogical University Publ., 2023, pp. 8-17. (In Russ.).
2. Zaharova V. A., Oshhepkova M. A. Formirovanie funkcional'noj gramotnosti v inkluzivnom klasse: kak podgotovit' uchitelja k individualizacii? [Formation of functional literacy in an inclusive classroom: how to prepare a teacher for individualization?]. *Gumanitarnye issledovanija. Pedagogika i psihologija* [Humanities studies. Pedagogy and psychology]. 2023, no. 14, pp. 53-69. (In Russ.).
3. Krjukov A. V., Lesevickij A. V., Jusupova Ju. K. Pozitivnye i negativnye aspekty processa cifrovizacii sfery obrazovanija [Positive and negative aspects of the process of digitalization of the education sector]. *Gumanitarnye issledovanija. Pedagogika i psihologija* [Humanities studies. pedagogy and psychology]. 2023, no. 13, pp. 63-75. (In Russ.).
4. Nikitenko Z. N. Inozazychnoe obrazovanie v detskom sadu i shkole: social'noe izmerenie [Foreign language education in kindergarten and school: social dimension]. *Inostrannye jazyki v shkole* [Foreign languages at school]. 2023, no. 2, pp. 61-68. (In Russ.).
5. Prohorova A. A., Bezukladnikov V. K., Chechjotkina A. I. Osobennosti obuchenija mul'tilingval'nyh prepodavatelej jepohi cifrovizacii [Features of training multilingual teachers in the digital era]. *Jazyk i kul'tura* [Language and culture]. 2021, no. 56, pp. 234-253. (In Russ.).
6. Prohorova A. A. Mul'tilingval'naja kompetentnost' i uroven' vladenija inostrannymi jazykami: analiz zavisimosti [Multilingual competence and level of foreign language proficiency: analysis of dependence]. *Gumanitarnye issledovanija. Pedagogika i psihologija* [Humanities studies. pedagogy and psychology]. 2021, no. 6, pp. 62-69. (In Russ.).
7. Prohorova A. A., Bezukladnikov V. K., Lizunova L. R. Issledovanie ponjatija i struktury lingvocifrovoj kompetencii studenta [Study of the concept and structure of a student's linguistic and digital competence]. *Jazyk i kul'tura* [Language and culture]. 2022, no. 58, pp. 236-260. (In Russ.).
8. Strategicheskie priority v sfere realizacii gosudarstvennoj programme Rossijskoj Federacii «Razvitie obrazovanija» do 2030 goda [Strategic priorities in the implementation of the state program of the Russian Federation “Development of Education” until 2030]. (In Russ.). Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286474/7cdb6b823c28cffe11772942395c6357491e784f/ (accessed: 24.10.2023).
9. Titova S. V. Cifrovaja metodika obuchenija inostrannym jazykam [Digital methodology for teaching foreign languages]. Moscow, Jurajt Publ., 2024. 248 p. (In Russ.).

10. Vlasova I. N., D'jachkova O. P., Zaharova V. A. Formirovanie funkcional'noj gramotnosti mladshih shkol'nikov: metodicheskij i tehnologicheskij instrumentarij dlja pedagogov [Formation of functional literacy of junior schoolchildren: methodological and technological tools for teachers]. Perm, Perm State Humanitarian and Pedagogical University Publ., 2023, 161 p. (In Russ.).

11. Chajka K. V. Sovremennye podhody k obucheniju inostrannym jazykam [Modern approaches to teaching foreign languages]. *Gumanitarnye issledovanija. Pedagogika i psihologija* [Humanities studies. pedagogy and psychology]. 2021, no. 7, pp. 55-65. (In Russ.).

12. Chechjotkina A. I., Prohorova A. A. Cifrovaja mul'tilingvodidaktika: genezis [Digital multilinguodidactics: genesis]. *Gumanitarnye issledovanija. Pedagogika i psihologija* [Humanities studies. pedagogy and psychology]. 2021, no. 8, pp. 73-78. (In Russ.).

Информация об авторах

В. К. Безукладников – аспирант,

кафедра непрерывного психолого-педагогического образования,

Ивановский государственный университет;

В. Р. Габидинова – магистрант,

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет.

Information about the authors

V. K. Bezukladnikov – Postgraduate Student,

Department of Continuing Psychological and Pedagogical Education,

Ivanovo State University.

V. R. Gabidinova – Master's Student,

Perm State Humanitarian Pedagogical University

Статья поступила в редакцию 12.11.2023; одобрена после рецензирования 25.11.2023; принята к публикации 10.01.2024.

The article was submitted 12.11.2023; approved after reviewing 25.11.2023; accepted for publication 10.01.2024.

УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ

1. Вы направляете нам статью, оформленную в соответствии с требованиями на электронный адрес редакции (lanaschust@mail.ru).
2. Редакционный совет рассматривает Вашу статью (60 дней).
3. При успешном рецензировании редакция высылает Вам ответ о приеме статьи.
4. Журнал выходит в соответствии с графиком.

Все статьи, размещенные на сайте, находятся в открытом доступе и могут быть использованы для цитирования, копирования, распечатывания и другого некоммерческого использования с соблюдением авторских прав.

Сайт журнала: <https://press.psu.ru/index.php/ehj>

Научное издание

ЕВРАЗИЙСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ЖУРНАЛ

2024. № 1.

Редактор: С. В. Шустова
Компьютерная верстка: Л. Н. Голубцова
Переводчик: Н. Н. Меньшакова
Секретарь: Н. П. Сюткина

Подписано в печать 14.03.2024. Дата выхода в свет 15.03.2024.
Формат 60 × 84/8. Усл. печ. л. 11,97. Тираж 500 экз. Заказ № 310.

Адрес учредителя и издателя: 614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15.
Адрес редакции: 614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15.
ФГАОУ ВО «Пермский государственный
национальный исследовательский университет».
Факультет современных иностранных языков и литератур.

Отпечатано с готового оригинала-макета в ООО «Типограф»
Адрес: 618554, Пермский край, г. Соликамск, Соликамское шоссе, 17.

Территория распространения – Российская Федерация, зарубежные страны.

Подписка на журнал осуществляется на сайте «УРАЛ-ПРЕСС»:

<https://www.ural-press.ru/catalog/97266/8754715/>

Подписной индекс: 015009

Распространяется бесплатно.

Перепечатка материалов из журнала допускается
только по согласованию с редколлегией.